

Геннадий Сергеевич Водолеев Сергей Федорович Сидоренко Спецнужды и спецслужбы

**Водолеев Г.С. Сидоренко С.Ф
Спецнужды и спецслужбы**

От авторов

Известно: в этом мире всё течёт, всё меняется. Как от рождения до старости меняется телесно и душевно каждый человек, так, примерно, переменчивы и все социальные учреждения, структуры. В зависимости и от меняющихся социальных, природных обстоятельств, и от смены лиц, наполняющих организации, и от эволюции взглядов на смысл и цели существования различных образований.

Это утверждение справедливо и по отношению к любому правительственному органу, к любой правоохранительной системе, к любым корпоративным образованиям, включая даже структуры организованной преступности.

Естественно, это справедливо и по отношению к разнообразным спецслужбам, создаваемым в каждом государстве, включая те, что таким формальным статусом ещё не обладают.

Среди чётко структурированных, жёстко формализованных государственных органов спецслужбы стоят всегда особняком: и секретности в деятельности не в пример больше, чем у иных прочих, и качественно и количественно измерить результаты их деятельности на текущий момент, как правило, никогда не представляется возможным.

Всегда мало информированы о деятельности спецслужб, результатах их работы не только гражданское население, но и чиновничество, интеллигенция. По этим и множеству других причин деятельность спецслужб окутана множеством самых разнообразных домыслов, мифов, легенд.

Злобные наветы продуцируют недоброжелатели-соотечественники, каким-то образом пострадавшие от соприкосновения со службами безопасности, либо зарубежные коллеги – оппоненты (в своё время КГБ старалось всячески опорочить работу ЦРУ и наоборот).

Мифы, легенды о немислимых геройствах, подвигах своих разведчиков и контрразведчиков распространяют сами спецслужбы, чаще всего с помощью литераторов, кинематографистов, мемуаристов.

Реальности же жизнедеятельности любых спецслужб, как правило, и в малой мере не совпадают ни с измышлениями недоброжелателей, ни с мифами гимнопевцев спецслужб, бытописаниями их истории, как непрерывной череды геройств и судьбоспасительных для нации и государства акций.

Постоянный повышенный (в ряде случаев – особо высокий) интерес общества к собственным спецслужбам вполне обоснован: самостоятельно определяя категории граждан, отдельных личностей, опасно недружественных государству, и пытаясь активно на них воздействовать, регулярно демонстрируют свои достаточно широкие возможности и весьма жёсткие приёмы воздействия, включая карательные акции. Что, естественно, мало кого из потенциальных объектов внимания оставляет равнодушными.

Продолжая начатый по данной теме разговор в книге «Люди и спецслужбы», авторы данного повествования стремились донести до читателя свои, конечно же, не бесспорные представления и суждения по целому ряду сторон деятельности спецслужб, полученные ими

в течение всей состоявшейся по жизни служебной деятельности.

Составной частью которой были многочисленные взаимодействия с сотрудниками и руководителями различных структурных подразделений служб госбезопасности.

Авторы выражают особую благодарность своему старому товарищу Андрею Николаевичу Бурову, оказавшему необходимую поддержку в этой работе.

В очередной раз выражаем глубочайшую, искреннюю благодарность нашим неизменным помощникам в коллективном труде по сотворению книги Водолеевой Ольге Геннадьевне и Сидоренко Елене Николаевне, без многотрудной работы которых, публикация могла и не состояться.

1. Зависимость и самостоятельность спецслужб

Спецслужбы, равно как и армия, и полиция, столь же неотторжимы от государственной конструкции, как, к примеру, почки или печень от человеческого организма. Подобную взаимосвязь считать зависимостью, понятное дело, можно только весьма условно.

Как специфический орган государства, спецслужбы, безусловно, как-то управляемы и кем-то управляются.

В бытность СССР, к примеру, достославный КГБ формально худо-бедно направлялся отделом административных органов ЦК КПСС. Хотя, фактически – только секретарями ЦК КПСС, потому что руководитель КГБ сам был членом Политбюро, то есть на деле являлся и одним из высших руководителей партии.

Как, к примеру, Устинов, который совмещал посты члена Политбюро ЦК КПСС и министра обороны СССР. При такой схеме взаимной связи получалось, что партийное руководство страны непосредственно возглавляло и важнейшие силовые структуры государства.

Традиционно же в других странах структура влияния высшего уровня государственного управления на работу спецслужб иная – «силовики» утверждаются на свои должности парламентами по предложению главы государства. И ответственны в своей практической работе фактически только перед ним.

Второй значимой зависимостью спецслужб от политических руководителей является бюджетное финансирование для выплаты денежного содержания сотрудникам служб госбезопасности, разведки, их экипировки, для оплаты аренды занимаемых зданий, оплаты коммунальных услуг, на обеспечение многообразных оперативных мероприятий, штата платных информаторов и др.

В определённой мере региональные структуры спецслужб зависят от местных бюджетов, что предполагает довольно активные взаимоотношения руководителей силовых структур с политическими и финансовыми руководителями регионов.

Руководителям и сотрудникам структур спецслужб на местах нередко приходится «одалживаться» у военных, полиции, прокуратуры, судов: то личный состав для массовых «зачисток», проверок, то кого-то привлечь к административной, уголовной ответственности «вне очереди», то приговор вынести посуловей и т. п.

Но такие услуги местные военные и правоохранители всегда оказывают охотно, предпочитая сохранять дружеские отношения с «коллегами», помня, что последние по должности обязаны «подстукивать» на них, копя потихоньку негативную оперативную информацию – до поры, до времени.

Других более-менее значимых зависимостей спецслужб на всех уровнях их иерархий от официальных структур государства, пожалуй и нет.

Формальным прокурорским надзором за соблюдением «законности в деятельности органов государственной безопасности» можно с уверенностью пренебречь – надзирающие прокуроры, в подавляющем большинстве, предпочитают сохранять доверительно-дружеские отношения с руководителями спецслужб в обмен на множество ответных и весьма ощутимых услуг. Прежде всего, карьерного характера.

А вот неофициальных, неформальных зависимостей, но уже только вполне конкретных руководителей и сотрудников спецслужб, наберётся достаточно: от тайных любовных связей, где скандалы могут сильно повредить карьере, от пристрастий сотрудников к карточным, иным азартным играм, чрезмерным возлияниям, от следователей, ведущих уголовные дела по друзьям или родственникам и т. п.

Иные руководители спецслужб в изрядной мере зависят от политических и иных кланов, которые им помогли выдвинуться на генеральские должности.

Несмотря на обилие таких скрытых неформальных зависимостей и их серьёзного влияния на каждодневную работу личного состава спецслужб, никто и никогда не берётся их регулировать, корректировать – нечем.

Политические же органы в самих спецслужбах, существовавшие в КГБ СССР и занимавшиеся наряду с первичными партийными организациями «воспитательной работой», более почти нигде не существуют.

Те же жёсткие, строгие межличностные зависимости в иерархиях спецслужб с их субординациями и прочими сопутствующими установками, вроде неукоснительного исполнения распоряжений руководителей подчинёнными, уже никак не сказываются на упомянутых зависимостях спецслужб от других государственных и общественных институтов.

Писанные и неписанные внутренние регламенты определяют в некотором роде лишь степень эффективности жизнедеятельности спецслужб по множеству часто малопонятных показателей, параметров их функционирования.

Вроде неприметности, «бесшумности» деятельности, к каковым легко может привести и полное бездействие, что не так уж и редко имеет место.

Другие внутрикорпоративные зависимости в спецслужбах достаточно однозначно и чётко устанавливают примерно одинаковый «уклад жизни», стабильными элементами которого являются:

а) Обязательное «делеги́рование» чести исполнить не очень чистое и не очень безопасное поручение от вышестоящих руководителей нижестоящим подчинённым. Всегда такая работа перепадает тем, кто менее всех ценим непосредственными начальниками и не защищён значимыми родственными или клановыми связями (отец – генерал, дядя – маршал и т. п.).

б) При неудачах, провалах именно безродные становятся «средством возмещения вреда», ими жертвуют, сохраняя начальников, клановых людей корпорации.

При удачах, хоть сколько-нибудь положительных результатах наиболее значимые награды, существенные поощрения достаются наиболее высокопоставленным руководителям спецслужб, чьё участие в успехе, в ряде случаев, ограничивается только кивком головы в знак согласия.

«Элита» спецслужб формируется по преимуществу из близкой родни генералитета, вельмож государства, а «пехота» – из романтических юношей без связей, обладающих незаурядными способностями и одержимыми стремлением послужить Отечеству, готовых ради этого рисковать жизнью, здоровьем.

в) Пополнение «элиты» спецслужб идёт только за счёт «элиты» общества, отпрысков самых значимых семей, должностных лиц государства, прошедших надлежащее обучение в самых привилегированных образовательных учреждениях, имеющих прочные дружеские связи в «элитарной» среде общества.

Что способствует также «укоренению» генералитета спецслужб в высших сословиях (официальных и неофициальных) общества. И, следовательно, учёту ими в своей деятельности прежде всего сословных и личных интересов привилегированных социальных групп.

Таким образом, складывается извечная, прочная, нерасторжимая зависимость спецслужб от слоя господ жизни данного общества, ориентация спецслужб на защиту прежде всего сословных интересов часто в ущерб любым декларируемым.

В отдельные наиболее сложные периоды существования нации, общества именно в среде «элиты» спецслужб образуется центр координации и управления процессами, направленными на восстановления утраченного влияния сословия, клана на общество, государство.

Пополнение «пехоты» идёт по преимуществу за счёт хорошо образованных, часто весьма одарённых детей «разночинной интеллигенции», пленённых киномифами, увлекательными литературными произведениями, живописующими насыщенную приключениями, подвигами красавцев-разведчиков, деятельность которых ни пуля не берёт, ни сколь угодно хитроумные козни бесчисленных врагов.

Но, даже продвинувшись на средние уровни руководителей в своих структурах, они никогда не в состоянии защищать интересы интеллигенции общества, если это на каком-то отрезке времени прямо не санкционировано высшим руководством.

То есть, ни о какой неформальной социальной зависимости у сотрудников спецслужб, составляющих «пехоту» и её первый уровень командиров, не может быть и речи.

Более того, наиболее успешные и перспективные «пехотинцы» довольно рьяно по приказанию молотят по головам представителей своего сословия. А при наличии впечатляющих поощрений, охотно участвуют в репрессиях по отношению к любым сословиям любого размаха и жестокости.

Тем более, что для не очень усердных командная иерархия может применить весьма впечатляющие отрицательные стимулы, оказаться под воздействием которых охотников не бывает.

Возвращаясь к зависимости спецслужб от высших должностных лиц государства, следует несколько дополнить картину: формально односторонняя зависимость в практике жизни никогда не бывает таковой.

Хотя бы потому, что генералитет спецслужб нередко активно (хоть и скрытно) участвует в продвижении на роль первичников одних и в торможении такого продвижения других.

Часто – весьма радикальными средствами, включая серьёзнейшую компрометацию, организацию авиа– или автомобильных катастроф, тяжёлых простуд, плавно переходящих в неизлечимые недуги и т. п.

При случае соответствующей информацией, действиями всегда можно подвести нежелательного спецслужбам вождя и под импичмент, не уберечь его от удачного покушения (как в случае со Столыпиным, например).

Немало в истории было ситуаций, когда главы государств, правительств оказывались почти в полной зависимости от руководителей спецслужб (по крайней мере, об этом назойливо и часто заявлял последний генсек КПСС – «жертва путчистов»).

Ещё проще спецслужбам ослаблять свою линейную зависимость от парламентариев, распределяющих бюджетные средства, – эти господа, как правило, сидят в такой густой паутине криминальных, полукриминальных связей и nepотpeбных отношений, что массажировать их самые болевые части тела одно удовольствие. Приносящее почти всегда только положительные результаты, превосходящие ожидаемые.

Ситуация здесь вполне схожа с цирковой: дрессировщик может руководить львами, пока они сыты и довольны обхождением. Но при ином стечении обстоятельств те вполне могут перекусить своим «руководителем».

Посему, практически во всех странах мира и во все времена высшие должностные лица государства, римские сенаторы и их более поздние коллеги неукоснительно интуитивно придерживались примерно одной и той же «линии поведения» во взаимоотношениях с руководством своих спецслужб: в вежливых, но уверенных просьбах никогда ему не отказывать, являть разговорами, видом, поведением искреннее расположение, не упускать случая оказать личные услуги, даже если об этом и не было прошено.

При этом, упаси Господь, допустить даже в узком кругу друзей, даже спьяну злоречие в адрес спецслужб или их отдельных руководителей.

Так что, такого рода «зависимости» спецслужб скорее нерасторжимый договор сторон, при котором займополучитель, на порядки превосходящий по своей мощи займодавца, в состоянии загнать его до смерти, таская за собой, как пустую консервную банку или порванный мяч.

Даже если глава государства успевает сместить опасных генералов спецслужб, это ничего принципиально не меняет в раскладе позиционных преимуществ, а является только некоторой отсрочкой, после которой тревожная диспозиция полностью восстанавливается.

Вот как, например, выглядела такая ситуация в случае с именитым шефом ФБР США Гувером, пережившим многих президентов на своём посту:

«Один вашингтонский телекомментатор попал в самую точку, сказав: «Президент объявил, что он собирается заменить Гувера. Однако Гувер пока не сообщил, намерен ли он заменить президента»».¹

Ещё круче в этом отношении стоял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Комитета государственной безопасности СССР Юрий Андропов, заменивший в нужный момент без особых усилий очередного генсека партии на свою персону. Благом это обернулось для дела или нет – вопрос совершенно иного плана.

О подобном своём неизбывном позиционном преимуществе знает не только генералитет спецслужб, но прочие их сотрудники, что в изрядной мере способствует формированию во всех их поколениях чувства собственного скрытого превосходства, которое в известной мере испытывает даже молодой лейтенант спецслужбы над седым армейским генералом. Не говоря уже о прочих штатских.

Именно это общекорпоративное чувство в изрядной мере сплачивает спецслужбу в некий особый неформальный орден, принадлежность к которому сильно возвышает человека в собственном мнении, завышает его самооценки. Что по законам психологии изрядно поощряет тщеславие человека, порождает элитаризм в разных его модификациях.

Убеждённости в своей особости, исключительности сотрудникам спецслужб придаёт и то обстоятельство, что никто и никогда ни в одном государстве не изничтожал спецслужбы, но только их всячески усиливал, множа ещё их специализацию.

Довольно частые реформирования в этом отношении ничего не меняют, только создавая на короткое время для высших руководителей обстановку непривычной nervozности из-за неуверенности в успешном продолжении карьеры.

Которую многоопытные генералы давно научились надёжно профилировать весьма простыми и проверенными приемами: внешней демонстрацией лояльности первичниковцам государства, публичными клятвами верности им, дружным вставанием по стойке «смирно» при появлении вельмож, чёткими рапортами по уставу на официальных совещаниях и т. п.

Что же касается полной самостоятельности спецслужб в сферах своей профессиональной деятельности и вне их, то эти государственные институты следует отнести к категории высшей независимости.

Даже в тех редчайших случаях, когда начинаются расследования каких-то эпизодов деятельности спецслужб специально уполномоченным на то органом (парламентская комиссия, например) установить реальное положение дел невозможно и потому, что существуют законы о гостайне, об оперативной деятельности.

И потому ещё, что в спецслужбах не принято документировать наиболее деликатные указания, действия, мероприятия. А свидетельские показания даже бывших сотрудников, не подкреплённые неопровержимыми документами, имеют какое-то значение только для коллегии присяжных, если дело дойдёт до суда.

Но до суда такому свидетелю очень затруднительно бывает дожить. Тем более, что и самому суду, при рассмотрении подобных дел, проявить объективность и дотошность вряд

¹ Гривадий Горпожакс. «Джин-Грин – неприкасаемый», стр. 511. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1972 г.

ли позволят.

Какая может быть зависимость служб госбезопасности от, к примеру, министерства финансов – не перечислят причитающиеся бюджетные деньги?

Но такое не может придти кому-либо из министерских, включая главу ведомства, даже на сильно похмельную голову: спецслужбе уничтожить такого чина не труднее, чем ребёнку раздавить клопа (если здесь что-то и останавливает, то только труднопереносимая вонь).

Даже армейским военачальникам не придёт в голову мысль о применении своих бронетанковых или авиационных подразделений в противоборстве со спецслужбами. Потому, во-первых, что у последних тоже есть свои военные подразделения специального назначения (и специальной обученности и оснащения).

Во-вторых, даже если и случилось такое «боестолкновение», сколь бы ни было оно успешным, военному чину всё равно придётся отвечать за это своей головой (о карьере уже и не речь), как путчисту, применившему военную силу против госоргана без санкции политической власти (и без соответствующего приказа своего командующего).

Известный из истории СССР пример, когда бронетанковые войска в 1953 году блокировали здание КГБ СССР на Лубянке по приказу тогдашнего министра обороны Советского Союза. Г.К. Жукова, имел место по тайной «просьбе» члена Политбюро КПСС Н.С. Хрущёва, действовавшего в сговоре с рядом других высших партийных руководителей.

Всем участникам этого сговора была известна и неизбежная последующая судьба тогдашнего главы всемогущей спецслужбы Лаврентия Берии – обязательный арест, скорый суд и расстрел. Без такого финала акции, её участники не решились бы на её проведение, опасаясь обязательного жестокого возмездия.

О какой вообще зависимости спецслужб от какого-то органа государства, включая МВД, прокуратуру (у которых есть достаточно возможностей воздействия в рамках неизбежно возникающих уголовных дел на детей, родственников сотрудников руководителей спецслужб), когда агентурный аппарат, иные источники информации органов контрразведки, госбезопасности постоянно выдают разнообразные сведения о разнообразной противоправной деятельности практически всех видов и уровней должностных лиц государства. Поток таких сведений течёт непрерывно и естественно.

В оперативных подразделениях информация накапливается, систематизируется, анализируется – и ждёт своего времени, когда в ней появится какая-то нужда: то ли характеристику составить на кандидата для выдвижения на серьёзную государственную должность, то ли продать конкурентам компрометирующие данные, то ли выстроить аргументы для понуждения чина к каким-либо действиям и т. п.

Понятное дело, практически все сколь-нибудь значащие во власти люди хорошо осведомлены о таких специфических функциях спецслужб, прекрасно осознавая при этом, что у них такой возможности нет и не предвидится. А потому задирать хвост в боевую позицию и становиться даже в случаях, когда есть для этого формальные основания, желающих нет.

Самое большое, на что могут отважиться наиболее влиятельные вельможи и представители высшего менеджмента, так это опереться на одну из враждующих группировок внутри спецслужб против другой. Неизвестных же, непреходящих противоборств внутри спецслужб и между ними всегда в достатке, важна только более точная и полная осведомлённость о реальной картине.

Есть, правда, одно отрадное для светской публики и весьма досадное для спецслужб обстоятельство: информация, какой бы убойной она ни была в данный момент, в отличие от вечного универсального инварианта – золота – постепенно утрачивает свою «потребительскую стоимость».

Пока с выходом на пенсию должностного лица (даже если он из VIP-ов что ни на есть самый-самый), а уж тем более – с его смертью, всё его досье целиком не превращается по ценности в обычную макулатуру, которая может быть использована только историками спецслужб, либо профессурой их учебных заведений для написания учебных пособий,

хранящихся малыми тиражами в спецбиблиотеках под грифами «секретно», «совсекретно».

Наряду с обширной, постоянно возрастающей информацией спецслужб по разнообразным значимым персонам государства и общества, в сильнейшей степени способствуют их независимости от любых институтов государства легионы их бывших сотрудников и руководителей, вышедших на пенсию в весьма дееспособном ещё возрасте. Которых почти поголовно с охотой принимают на работу те же правительственные чиновники, парламентарии, банки, корпорации.

И отставники неплохо служат своим работодателям в пределах разумного: без чрезмерного усердия, без готовности к самопожертвованию, со старанием не более размера должностного оклада, даже чуть менее, не выкладывая всё, что знают, умеют, о чём осведомлены благодаря связям со своими друзьями в бывших «конторах».

Но: если родная корпорация жёстко потребует, сдадут и своих новых хозяев, и их бизнес с потрохами. Таков характер «закона пожизненного найма» спецслужб. А полный разрыв со своими в спецслужбах даже для пенсионера означает, в лучшем случае, полное забвение, бессодержательное одиночество – других значимых связей в обществе у них нет и не будет.

Тем более, что и значимость бывшим сотрудникам спецслужб придают более всего их предполагаемые скрытые связи с некими таинственными и зловещими фигурами внутри спецслужб, их тщательно скрываема особая осведомлённость о якобы умопомрачительных тайнах, неких обширных сведениях обо всех и вся, и т. д.

С помощью этой категории «бывших» спецслужбы ставят в скрытую, но весьма действенную от себя зависимость изрядное число особей из категорий самых значимых людей социума, которые сами являются своеобразными центрами активности во всех сферах жизнедеятельности общества. Каковыми, например, повсеместно являются банкиры или редакторы газет, телевидения, или главы администрации районов, регионов.

Правда, особо гордиться таким положением убедительных оснований нет. Хотя многие из руководителей спецслужб этим сильно величаются, прежде всего, в собственном самомнении. Главное – не в наличии неодолимых средств влияния, воздействия на значимых людей государства и общества, но во имя чего эти влияния используются, с какой интенсивностью, с какими результатами для социума, державы.

А с этим бывает множество «неувязочек». По многим причинам.

Например, несопоставимо высокие самостоятельность, бесконтрольность, закрытость по соображениям глухой секретности позволяет сотрудникам и руководителям спецслужб достаточно насыщенно «вплетать» в процесс служебной деятельности решение своих личных, семейных, клановых проблем.

В отдельных случаях умелой мотивацией для своего руководства сказывается вполне возможно осуществлять под видом служебных задач целые комплексы мер для решения своих частных проблем.

Так, например, отправляясь в служебную командировку на Дальний Восток из столицы в период путины, сотрудник спецслужбы обязательно прихватит в обратную дорогу изрядное количество контрабандной икры и для себя, и для руководства.

Благо, что его подвезут к трапу самолёта на служебной машине местного подразделения родной спецслужбы и погрузят без всяких досмотров и иных формальностей.

Но ничто не возбраняет придумать вполне правдоподобную служебную необходимость и послать в те края свой служебный самолёт или вертолёт, обеспеченный иммунитетом от правоохранителей и контролёров, и с помощью друзей – сослуживцев в тамошних местах загрузить его «по ватерлинию».

Полученного с лихвой хватит и на личное потребление и на реализацию через знакомых в торговле и ресторанной сети.

Круг участников акции будет пошире, рисков (служебных) чуть больше, но даже в неблагоприятных ситуациях (при небрежной подготовке акции) со своими всегда удаётся договориться: спецслужбы не выносят категорически таких скандалов на публику, и уж тем

более не позволяют влезать в такие ситуации правоохранителям. Более того: при серьёзных провалах вся спецслужба навалится для того, чтобы погасить скандал любой ценой.

Подобная схема легко и просто варьируется: вместо икры могут быть алмазы, наркотики, иные виды высокодоходной контрабанды. К которым весьма охочи, прежде всего, бывалые сотрудники спецслужб, у которых впереди уже отчётливо маячит пенсия и мысли всерьёз заняты грядущим обустройством нового, маложеланного периода жизни.

Степень увлечённости, интенсивности таких «совмещений» служебной деятельности с решением личных проблем может в отдельных спецслужбах принимать такой размах, что будет сопряжена с серьёзными провалами в работе, серией скандалов и сопутствующих им отставок, с неизбежными «чистками» кадрового состава прежде всего высших руководителей.

Подобные опасности подстерегают каждую спецслужбу в любой стране во все времена.

Однако, если бы независимость и бесконтрольность спецслужб имели бы следствием только злоупотребление корыстного, имущественного характера, это было бы ещё только полбеда.

Но неслужебные «увлечения» носят ещё и иной характер: то, к примеру, подвинуть кого-то из своих в губернаторы, президенты, директора компании, то кого-то переместить в камеру или ещё куда подальше и поглубже.

Из озвученных эпизодов истории разведок известны изрядным числом случаи, когда отдельные высокопоставленные сотрудники начинали работать на вражеские спецслужбы (Пеньковский в СССР, Фильби в Англии и т. п.).

Естественно, подобные издержки высокого, особого статуса спецслужб давно и хорошо известны их руководителям, равно, как и большая цена, в которую обходятся недосмотры за своими.

Посему в структурах спецслужб обязательно присутствует контрразведывательные подразделения, чья работа (чтобы хотя бы дров не наломать со своими кадрами) требует высочайшего профессионализма. Но это – отрасль сугубо специфическая, сфера высоких профессиональных умений интеллекта.

Наиболее общее и вполне доброкачественное представление об этом можно получить через чтение множества детективных романов, некоторые из которых бывают очень хорошими. Или просматривать толково и высокохудожественно составленные кинофильмы, вроде знаменитого сериала «Семнадцать мгновений весны».

2. «Спецнужды»

Специальные нужды у правителей государств бывают разнообразные, в числе которых есть и «вечные», и преходящие, и экзотические. К «вечным» государевым спецнуждам, бесспорно, относятся охрана руководителей государств, внешняя разведка, внутренняя контрразведка.

К экзотическим, например, можно отнести поставку деликатесов королю-каннибалу (или президенту, как это имело место относительно недавно в одном из государств Африки).

Есть и специфические спецнужды: у немецких нацистов в своё время был создан институт «Ананербэ», целью которого были в том числе розыск и адаптация к государственной и промышленной практике гитлеровской Германии утраченных знаний и технологий древних.

И, несмотря на то, что это учреждение патронировалось ведомством Гиммлера, по сути оно являло разновидность самостоятельной спецслужбы.

Своего рода спецслужбой является и недавно созданное в России ведомство финансового мониторинга (именуемое иногда СМИ службой финансовой разведки).

Кое-где практиковались и в какой-то мере практикуются и поныне группы разрозненных «чиновников по особым поручениям», помощников, советников, консультантов, иных «держателей опахала правой (или левой) руки». Каждый из которых

осуществляет ту или иную особо доверительную функцию при главе государства, правительства.

Несмотря, однако, на многообразие форм, комбинаций спецслужб, всех их роднит одно – содержание за государственный счёт.

Причём, содержание особо щедрое, несопоставимое по тратам ни с какими иными правоохранным, фискальным, иным прочим государственным ведомством. Кроме, разве, разработчиков нового оружия для армии.

Кроме того, как «государевы люди», сотрудники спецслужб – как правило, по соответствующим законам – наделены кучей разнообразных прав, полномочий, иммунитетов, имеют возможности изготавливать для своих сотрудников подлинные документы практически любого другого государственного ведомства.

И уже в силу только этих обстоятельств опасливое уважение социумов им постоянно обеспечено, какие бы практические, богоборческие «шалости» они ни творили «на благо Отечества».

Обеспечен и богатый выбор кадров из множеств страждущих попасть в структуры «рыцарей плаща и кинжала», даже если они по нынешним временам ведут только «мирную» компьютерную обработку информации, поступающую со спутников-шпионов, занятых глобальным мониторингом телефонных переговоров.

«Спецнужды» обычно «произрастают» из традиционной практики межгосударственных, межэтнических отношений, из множеств разнообразных, меняющихся внутривластных проблем властвующих, финансово господствующих группировок обществ.

В самом общем виде «практику межгосударственных отношений» и ранее, и ныне можно аттестовать изречением одного из именитых разработчиков немецкой военной стратегии: «Мир – это только возможность подготовиться к следующей войне». И никакая Лига Наций, ООН никакие не помехи реализации этого принципа.

Если третья – ядерная – мировая война ещё не состоялась, то только потому, что потенциальные враги успели вовремя обзавестись ядерным и термоядерным оружием, способным нанести агрессору, при любом исходе бомбардировки, невосполнимый, а потому неприемлемый урон.

И уж вовсе не потому, что какие-то фрагменты правящих элит в своё время прониклись гуманистическими соображениями о сохранении культуры человеческой цивилизации или чем-то ещё подобным, вроде боязни прогневить Господа.

Многообразная и повсеместная в мире гонка вооружений иногда несколько замедляется, в других ситуациях резко активизируется и ныне продолжает поддерживаться на пределе экономических возможностей национальных экономик.

Мимоходом торговля оружием постоянно остаётся одним из оживлённейших и высокодоходных секторов международной торговли, за присутствие и преобладание на котором идёт настоящая ожесточённая война с активнейшим участием спецслужб.

Более того, именно спецслужбы здесь на острие процессов всевозможных противоборств: и в добывании секретной информации о разрабатываемых видах оружия, вооружений, и в организации диверсий на оборонных предприятиях и в подготовке катастроф при демонстрации военной техники потенциальным покупателям, и приобретении агентов влияния для срыва государственных заказов на новые образцы оружия, и на физическое устранение конструкторов – разработчиков наиболее эффективных видов вооружений.

По сути, всё это является одновременно обязательным компонентом, как прелюдия к любой «горячей» войне, разве что, только последняя осуществляется без всяких церемоний, более масштабно, интенсивно.

И так как процесс совершенствования вооружений, военной техники, снаряжения никогда не прекратится при существовании цивилизации, спецслужбам, «обслуживающим» это поприще, гарантировано практическое бессмертие при обильном финансировании.

Гарантирован и высокий мифологический статус, следствием которого останутся обильная детективная литература, кинематограф. Которые, в свою очередь, способствуют формированию у сотрудников этих спецслужб высокого самомнения, граничащего со спесью, которое не приемлет критики, не подвержено самокритике.

С этим убеждением в архиважности своей деятельности, её архиценности для обществ и будут жить далее, служа на деле традиционному постоянному повышению уровня опасности существованию цивилизации, исходящей от неё самой.

В оправдание грубейшего заблуждения таких высоких самооценок всех сущих и грядущих джеймсбондов можно только сослаться на то, что точно так же дело обстоит и с учёными разработчиками всё более современного и губительного, разрушительного оружия, мнящих себя выразителями научно-технического прогресса.

Недалеко по части заблуждений отстоят от шпионов и контрразведчиков и представители племени врачей, искусно пересаживающих органы, взятые от похищенных детей, каким-нибудь богатым негодяем и мнящими себя при этом рыцарями гуманизма наивысшей пробы.

Опять же, по вековой сложившейся практике все ныне сущие иностранные посольства, консульства во всех государствах есть сосредоточие специалистов по сбору разнообразной информации, прикрытию работы резидентур разведок, вербовке агентов влияния, организации потаённого вмешательства во внутривластическую деятельность государств пребывания и т. п.

Посему изрядная доля (а то и подавляющая) ответственных сотрудников посольств суть кадровые работники различных спецслужб, надёжно защищённые дипломатическим иммунитетом.

Что позволяет практически без рисков, гарантировано провозить через границы «подрывную» литературу, добытые секретные материалы, наличность для оплаты услуг информаторов, функционирования полезных для иностранных держав политических партий, их руководителей, близких по «менталитету» литераторов, художников и т. п.

Здесь же принимаются меры, чтобы законодательно или на правительственном уровне заблокировать производство опасно конкурентоспособной местной продукции, затруднить реализацию перспективных национальных программ, проектов и т. п.

А при удачах при реализации многообразных пакостей, ощущать себя «героями невидимого фронта», истово служащих вящей пользе своего отечества, путём причинения как можно большего вреда чужому.

Что потом в художественной, бессовестно преувеличенной и приукрашенной форме преподносят обывателям своей страны во множестве киносериалов, воспевающих своих мастеров интриг, шпионажа, как национальных героев.

Чем это оборачивается в итоге для человечества, доподлинно не знает никто, но коммерческий успех всегда гарантирован – публика охотно платит за интересные, развлекающие зрелища. Чем в изрядной мере держатся и репутация спецслужб.

В обычной практике государств поддерживать тех или иных производителей сельхозпродукции, наиболее ходовых товаров, благодаря чему, те становятся конкурентоспособными на международных рынках, разоряя фермеров сопредельных стран.

Некоторым из них ничего не остаётся по бедности, как только спровоцировать у торгового интервента масштабную эпизоотию.

С чем толково могут справиться только зрелые спецслужбы, которые знают, где и как добыть необходимый микробный материал, в каком звене технологической цепочки его подложить, чтобы подозрение могло пасть на добрый десяток стран или на собственных разгильдяев потерпевшего государства.

Учитывая, что вся мировая торговля – тихая, но оттого не менее злая и непримиримая специфическая война со своими специфическими средствами, то следует и здесь понимать, что ударными «отрядами» всех сущих торговых батальонов, пусть и с необъявленным участием государств, останутся и на все грядущие времена спецслужбы, практически все сущие –

каждая в своей специфической сфере.

Ныне вошёл в силу новый вид геополитических противоборств, именуемый в СМИ и в официальной лексике «международный терроризм».

Какому сообществу спецслужб ведущих стран мира принадлежит первенство в создании инфраструктуры этого нового явления теперь не имеет принципиального значения.

Важно другое: логика противоборств мира породила новые формы и способы противостояния более сильному в военном и экономическом отношении противнику, опираясь на его скрытых конфессиональных, этнических, идейных врагов.

Прежде всего, в мощных мигрантских средах, где наиболее сильны позиции самой боевой разновидности оргпреступности – этнической. С которой проще и общаться спецслужбам стран – изгоев, каковых в современном мире гораздо больше, нежели, чем озвучили в своих выступлениях руководители США.

«Международный терроризм», проявления которого множатся, разнообразятся постоянно, чей облик пока не получил ещё вразумительной идентификации, создал такие благоприятные предпосылки для разрастания вширь и ввысь всех сущих спецслужб мира, что трудно поверить в появление у разведсообществ искреннего желания разобраться с этой разновидностью «чумы XXI века».

«Международный терроризм» в качестве «товарного знака» годится для очень широкого спектра экстремистских действий, подготовленных и осуществленных в том числе и самими спецслужбами.

Вот, к примеру, одна из традиционных составляющих «международного терроризма», существовавшая задолго до того, как появилось само это определение:

«Совместно с ЦРУ чилийская тайная полиция вскоре разработала обширную программу ликвидации противников режима Пиночета, находящихся за границей. Эта террористическая программа получила название «Операция Кондор». Причём, спецслужбы США не только участвовали в её реализации, но и полностью финансировали».²

О том, что «международный терроризм» – прежде всего детище спецслужб, свидетельств в разнообразных литературных источниках бесчисленное множество. Вроде следующего:

«Тайная война оставила 70-м годам кровавое наследие: всё западное полушарие охватила сеть правых террористических группировок, действующих на территории Соединённых Штатов с очевидной безнаказанностью. В них входят бывшие диверсанты, обученные в ЦРУ и продолжающие действовать, используя полученные в ЦРУ опыт, навыки и технику. У них много клиентов среди полицейских и разведывательных ведомств латиноамериканских стран, связанных с ЦРУ».³

Одной из самых востребованных «спецнужд», которая, похоже, никогда не прейдёт при сохранении нынешнего характера цивилизации, является, бесспорно, потребность властвующих персон избавляться от наиболее «конкурентноспособных» оппонентов, соперников.

Вот как, примерно, выглядят подобные «нужды» и их «удовлетворение» в современности в некоторых изданиях:

«Официальные стражи американской буржуазной демократии, заокеанские поборники «прав человека», с пеной у рта отрицают наличие в США адской машины политических убийств. О каком механизме, повторяют они, может идти речь, если каждое убийство – дело рук одиночек, психически неуравновешенных людей?

Верно, адское изобретение американской «демократии» не рекламируется и не афишируется. Но скрытый механизм политических убийств срабатывает всякий раз, когда

² Вадим Кассис, Леонид Колосов. «Терроризм без маски». Москва. «Молодая гвардия». 1983 г. стр. 151.

³ У. Хинкл, У. Тернер. «Рыба красного цвета». Пер. с англ. Москва. «Прогресс». 1983 г. стр. 295.

тот или иной американский политический деятель, добившийся высокого государственного поста, отклоняется от заданного курса.

«В жаргоне Центрального разведывательного управления, – писал американский буржуазный журнал «Таймс» есть выражение «операция по уничтожению». Этот термин обозначает действие, предназначенное для нейтрализации противника.

В наборе имеющихся для этого средств значатся и пропаганда, с помощью которой можно опорочить человека, и подкуп с обещанием виллы на лазурном Средиземноморье и бездонного счёта в Швейцарии. Сюда входит также убийство...».

У ЦРУ существовало не только выражение «операция по уничтожению», но и специальное подразделение с таким названием и перечисленными журналом функциями.

Ведомство «плаща и кинжала» предоставляет своим сотрудникам за границей свободу рук в использовании любого из названных приёмов.

Изошрённость в совершении террористических акций принесла им зловещую славу «джентльменов-убийц». Так окрестил их известный американский публицист Гаррисон Солсбери.

Как было установлено в ходе сенатских слушаний о деятельности разведорганов США, эта «заграничная практика» с успехом применяется и в самой Америке.

То ли ещё состоя на зарплате в ЦРУ, то ли уйдя в отставку, «джентльмены-убийцы» представляют собой сущую находку для различных внутренних группировок и клик, ставящих на повестку дня задачу «нейтрализации» мешающего им человека». ⁴

Само собой разумеется, что описанные механизмы и практикуемые технологии отнюдь не являются исключительным обретением только американских спецслужб (на чём монолитом стояла советская пропаганда).

Многие нынешние российские СМИ, не состоящие, естественно, на бюджетном финансировании или дотациях, изобилуют материалами, прямо обвиняющими спецслужбы в причастности к разнообразным аналогам цитированных выше «операций по уничтожению».

Так, комментируя недавнее убийство первого заместителя председателя правления Центрального банка РФ Андрея Козлова, «Новая газета», в числе наиболее вероятных версий, выдвинутых специалистами, обосновала следующие:

«По информации источника «Новой» из руководства силовых структур, в ближайшее время планируется большое перетряхивание всех организаций, созданных бывшими и действующими сотрудниками спецслужб, а также и ветеранами горячих точек. Причём эти действия прямо увязываются с убийством Андрея Козлова.

О непосредственной причастности к убийству «спецбанков» и «спецфондов» пока в открытую никто не говорит, но о том, что Центробанк в последнее время развернул настоящее наступление на подобные структуры, свидетельствуют факты.

Достаточно проанализировать список кредитных организаций, у которых сравнительно недавно были отозваны лицензии в связи с нарушением закона «О противодействии легализации средств, полученных преступным путем...»

Какой вообще банк ни копни – всюду наткнёшься на силовиков: либо среди учредителей, либо в службах безопасности... Охранные фирмы с бывшими сотрудниками спецслужб были или учредителями или сотрудниками банков-«прачечных». ⁵

Когда говорится о «спецнуждах» правящей клики политического режима, имеется естественно в виду не коллективные решения каких-то там партийных съездов, конференций, сходов с изложением чётких задач спецслужбам (что тоже в истории неоднократно имело место).

Речь, конечно же, идёт о личных интересах тех политических деятелей, финансистов,

⁴ С. Лосев, В. Петрусенко. «Операции по уничтожению». Москва. «Советская Россия», 1984 г. стр. 4–5.

⁵ «Дело Козлова». «Новая газета». 18.09.2006 г.

дельцов, от воли и денег которых зависит карьера, судьба, имущественное положение главных генералов спецслужб.

Для того, чтобы правящей группе лиц и сложившихся вокруг каждого из них разнообразных и многочисленных камариллий продлить сроки своего пребывания у обильных кормушек власти, теперь мало устранить десяток-другой опасных политических или деловых конкурентов.

Надлежит организовать мощные многоплановые, длительные и очень дорогие пропагандистские кампании в СМИ с разнообразной, тщательно спланированной дезинформацией «широких народных масс» с помощью ушлых политтехнологов.

Для сбора впечатляющих средств, координации и стимулирования добросовестной работы СМИ, и тем более – подавления точно такой же активности наиболее опасных оппонентов спецслужбы наиболее всего подходят.

Интерес здесь обоюдный: спецслужбы без всяких рисков – противник для них плёвый – трат, жертв, перенапряжений могут явить особую нужность наиболее важным лицам государства. И получить за это такие дивиденды в самых желанных формах и впечатляющих размерах, которые не перепадают и близко за любые сколь угодно великие заслуги перед государством.

Естественно, особенно охотно спецслужбы подключаются к процессу сбора и аккумуляции финансовых средств: деньги идут безучётные, перемещаются таким же образом. И при определённой сноровке, иным порученцам удастся добыть для себя поболее, чем в «общак».

Одной из непреходящих «спецнужд» вельмож государства является присмотр за членами своих «королевских ратей»: предательство, двуличность – явления обычные в среде обслуги, челяди властвующих.

Причём, в равной мере потребен, как контроль за своими шустриками, так и за теми, кто за ними присматривает. За последними, пожалуй, поглядывать надлежит даже более пристально: и знают почти всё, и остановить их особо некому.

То обстоятельство, что такие услуги спецслужб почти никогда не уберегают от перевёртышей (с ними «работают» такие же спецы, но с противной стороны, да и средства затрачиваются сопоставимые) ничего не меняет на протяжении веков в высоком спросе на услуги для удовлетворения такого рода «спецнужды».

Более того, бесчисленные сотрудники спецслужб, выйдя в отставку, почти поголовно оказываются востребованы всевозможными частными охранными структурами, службами безопасности банков, корпораций, где продолжают воспроизводить для многочисленных работодателей модификацию развлекательного эстрадного спектакля под брендом «борьба нанайских мальчиков».

«Спецнужды», связанные с необходимостью защищать, охранять дельцов, их имущество, не являются нормальным социальным явлением, а только следствием нравственной инвалидности, ущербности генерации собственников и тех, кто около них паразитирует на различные манеры.

Охранная функция всегда очень дорогостоящая, в истории цивилизации есть лишь одна из разновидностей бросовых трат, следствием которых является только воспроизводство страха, ненависти, вражды – разъедающих социумы, блокирующих духовно-нравственное развитие их элит, оставляя их на уровне той же пещеры, но в условиях развитой техносферы цивилизации.

В целом же «спецнужды» властвующих особей в подавлении оппонентов, контроле соратников и охотная работа по ним спецслужб в любом социуме, в итоге приводят в отрицательным результатам, иногда – даже плачевным.

Вроде ситуации 37-го года прошлого столетия в СССР, когда репрессивная практика НКВД против «внутренних врагов социализма» (определяли таковых чаще всего сами сотрудники и руководители спецслужбы), наряду с реальными противниками революционных преобразований, пустила под топор классовой борьбы множество

нейтральных, неопасных для тогдашней власти людей.

Бесспорно, живя в реальном мире, имея дело с реальными политическими силами, неизбежно необходимо усилиями соответствующих профессионалов обеспечить личную безопасность руководителей государства и от настоящих врагов, и от психопатов, и от одержимых какой-то агрессивной идеей.

Надлежит противоборствовать и с иностранными шпионами, диверсантами, обретенными противниками агентами влияния, прочими «наймитами империализма».

Сложности больше возникают оттого, что все творимые государственными людьми друг другу пакости готовятся втайне – неизвестно, где чего ждать.

Но ещё больше осложняют ситуацию наборы «спецнужд», порождаемые уже в процессе деятельности самих спецслужб, самим фактом их существования.

Речь идёт, прежде всего, о том, что повышение численности, экипировки, технической оснащённости одних спецслужб почти автоматически приводит к необходимости непомерных трат на такую же трансформацию других служб безопасности. В ущерб любым другим социальным нуждам страны.

«Выбивание» всё новых финансовых допингов, повышения статусов спецслужб – традиционное занятие их руководителей. Всегда почти успешное. Что в итоге весьма часто приводит к ситуациям, которые один из недавних российских президентов аттестовал следующим образом: «Скажет ли Путин фразу Ельцина, адресованную силовикам: «Они слишком много брали и мало отдавали?»».⁶

Подобного рода претензии наверняка есть не только у российских руководителей к своим спецслужбам. Во многом они вполне обоснованы – в любых корпорациях критически мало людей, к рукам которых хоть в малой степени не прилипает что-то из проходящих и распределяемых ресурсов.

«Крысятничают» и по мелочи (в основном единолично), и по крупному, но уже в составе сплочённых групп.

В спецслужбах с их густой, как вечная южная ночь, теменью секретности возможности «перераспределять» часть служебных средств на личные нужды благоприятны, как нигде.

Предположить же, что люди там сплошь исключительно бескорыстные, не повернётся язык, пожалуй, даже у клинического оптимиста.

К примеру, литература и кинематограф, живописуя героическую деятельность спецслужб и их суперагентов, постоянно демонстрируют их стойкую приверженность высочайшим стандартам потребления, неутолимую склонность к изысканной роскоши.

Есть все основания полагать, что реальные прототипы легендарных киногероев по своим материальным запросам не очень отличаются от своих кинематографических и литературных образов.

В современной критической публицистике тому достаточно примеров в каждой стране, где отсутствует жестокая идеологическая или конфессиональная цензура.

«Спецнужды» в виде потребности в скрытых личных дополнительных доходах сотрудников или руководителей спецслужб могут реализоваться многообразно: и в виде использования получаемой по своим каналам секретной правительственной информации для успешного манипулирования ценными бумагами на соответствующих биржах.

И в виде столь же информационно обеспеченных серьёзных банковских операций в составе неформальных групп с бывшими сослуживцами, занятыми в банковском бизнесе.

В формах ли «негласного» дружеского консультирования серьёзных (в основном, нефтяных, газовых, золото-, алмазодобывающих и т. п.) корпораций.

Либо в формах попроще и помельче: создание помех, организации «наездов» контролирующих органов на наиболее «аппетитные» бизнес структуры и прекращения таких атак при налаживании регулярных выплат в качестве отступного.

⁶ «Дело Козлова». «Новая газета». 18.09.2006 г.

Разумеется, существует множество и других способов, вроде организации через свои «окна» на границах (в аэропортах, на таможах, в морских портах) наркотрафика, надёжного провоза иной высокодоходной контрабанды.

Неплохие прибыли обеспечивает организация по подложным (но подлинным) документам получения крупных денежных сумм, выкраденных хакерами с чужих банковских счетов.

Да мало ли что может изобрести тренированный профессиональный ум сотрудников спецслужб, надёжно защищённых от внимания и вмешательства правоохранительных органов государства!

Разумеется, не все используют свои особые возможности для налаживания своего негласного «бизнеса».

Но того количества «креативных личностей», кто этим обязательно занимается, достаточно, чтобы рассматривать «спецнужды» самих спецслужб как серьёзный деструктивный, антигосударственный фактор, надёжно и стабильно низводящий положительный эффект от деятельности спецслужб зачастую до уровня, близкого к нулю.

В иных же случаях, даже к отрицательным величинам – к ситуации, когда деятельность спецслужб в итоге наносит государству ущерба, опасные ещё и тем, что о них не знает почти никто. Тех же, кто это заметил и пытается сообщить обществу, должностные лица спецслужб активно «гасят».

В наибольшей мере такое воспроизводится в современной России, где руководство спецслужб активно включилось в процесс передела собственности, в банковскую и иные виды бизнес деятельности, которым гарантирован всегда впечатляющий успех.

Масштабы этого «увлечения» ныне таковы, что породили насущную общенациональную «спец-нужду» – создание некоего межведомственного «спецоргана» со своей «спецтехнологией», способного быстро, самым жесточайшим образом встряхнуть генералитет спецслужб, чтобы привести его в нормальное состояние, вытащив из опьянения «золотой лихорадки».

Правда, одной, хоть и весьма насущной «спецнужды» здесь мало – нужна фигура государственного деятеля калибра Иосифа Виссарионовича: и по волевому ресурсу, и по приверженности интересам державы, и по личному бескорыстию.

Чего российскому обществу, вполне возможно, не дожидаться никогда и придётся тогда жить до непонятно какого, но обязательно бедового финиша.

Кроме сомнительных «спецнужд» по обеспечению и защите личных интересов вельмож правящего режима, которые часто не только никак не совпадают с государственными, национальными интересами, но и прямо противоречат им, существует ещё одна их категория – фантомные.

То есть, «спецнужд» измышлённых, не основанных на достоверно установленных опасениях. Вроде защиты первичников от губительного воздействия «торсионных полей», подавления воли первичников специальной техникой, энергетической интервенции инопланетян и т. п.

Возникнув, как небольшое подразделение в составе охранной спецслужбы, подобное спецобразование вполне может достаточно быстро развиваться в самостоятельный, постоянно прирастающий сотрудниками, спецтехникой и функциями орган, «непосильными трудами» создающий и поддерживающий «купол энергетической защиты» и над первичниками в местах их меняющихся пребывания, и над их роднёй, и над наиболее важными соратниками, и над близкими по духу руководителями дружественных государств и т. д.

И, что удивительно, многим «опекаемым» и «подзащитным» действительно становится легче от сознания того, что их оберегают специально подготовленные люди против невидимых источников разных козней.

Что само по себе и неплохо было бы, если бы не знать, в какую копеечку это влетает бюджету, сколько действительно жизненно необходимых социальных программ остаются из-за этого без финансирования и отмирают, обедняя, способствуя деградации жизни

социумов.

Часто зоны обеспечения тех или иных «спецнужд» перекрывают друг друга, входят в противоречие, противоборства.

К примеру, федеральный орган охраны VIP-персон становится (без особых усилий, трат) обладателем изрядных объёмов интимной информации об охраняемых лицах и может очень многое порассказать заинтересованным особям.

Иной «рассказ» вполне может стать концом чьей-то блестящей карьеры, что в свою очередь вполне может спровоцировать сильнейший душевный срыв. И «очень важной персоны» с блестящей карьерной перспективой, как не бывало!

Вполне может случиться так, что глава службы охраны президента, успешно наущничая и интригуя против коллег в службах внешней разведки, контрразведки, вполне убедительно и доказательно может быть аттестован кем-то из них, как «агент влияния» какой-либо «контрреволюционной», крайне недружественной президенту финансово-промышленной группировки или какой-то небольшой сопредельной страны (но с хорошими платёжными возможностями).

На таких или подобных коллизиях произрастает страшное множество литературных и киношных сюжетов, дающих жизнь бесконечному многообразию телевизионных сериалов в жанре политического детектива.

Но не все мыслимые (и вполне реальные) варианты переплетений и противоборств интересов и зон влияния спецслужб достаточно кинематографичны – многое настолько обыденно, безлично, что уже не в состоянии вызвать сколь-нибудь значимого зрелищного интереса даже после высокопрофессиональной обработки бывалых сказочников мирового кинематографа.

Во многих случаях достаточно назойливая опёка спецслужб многим государственным деятелям становится поперёк горла. Иные из них осознают несоизмеримость чудовищных трат на охранные функции и незначительность эффекта от их реального воплощения.

Однако, мало кто из них предпринимает реальные и конструктивные практические шаги по реформированию, оптимизации таких спецслужб. По целому комплексу постоянно присутствующих оснований, главными из которых являются:

1. Чрезмерная загрузка государственных деятелей проблемами общества, переживающего сложные или критические периоды своего существования. В этих ситуациях здравый человек никогда не предпримет шагов по созданию себе дополнительных тяжёлых и опасных проблем.

2. Руководители государства плохо понимают, что такое спецслужбы, каковы их организация, рабочие технологии, реальные возможности. А потому не представляют себе и во что надлежит реформировать эти неподъёмные валуны, тем более – как.

И, как в случае с застарелой, но привычной грыжей, стараются не идти на риски операции, а терпеть. Как терпели руководители до них, как терпят это коллеги в других государствах.

3. В распоряжении глав государств редко когда оказывается сотрудник, хорошо знающий технологии жизнедеятельности спецслужб, их ущербы, «болезни», которому можно лично доверить реформирование и последующее руководство спецслужбами.

А без этого опытным государственным деятелям понятно, что любые реформирования приведут только к смене доминирующих генеральских кланов, переделу должностей в пользу новых групп влияния, прорвавшихся к руководству спецслужбами. От чего пользы почти никакой, а потери могут быть весьма ощутимые: периоды реформирования всегда сопровождаются длительным хаосом в работе, который сохраняется ещё долгие годы после окончания реформ.

4. Опытные руководители понимают и то, что даже сколь угодно хорошо реформированные спецслужбы неизбежно будут подвержены тем же самым профессиональным болезням, для профилактического «лечения» которых у государства эффективных средств и методик – кроме технологии пытошного Указа – нет. А на такой шаг

пойти в «правовом» государстве, без радикального изменения его конструкции на тоталитарное, невозможно.

5. Разумным администраторам известен также и принцип «не тронь дерьмо – оно и не воняет». А так какие-никакие спецслужбы в спокойном состоянии сохраняют хоть какую-то способность к определённым акциям.

И если не в состоянии чего-то там достичь, то могут хотя бы нагнать на отдельных особей или на целые социальные слои гражданского населения страху. А «у страха глаза велики», что вполне может способствовать умерению протестных устремлений.

Тем более, что спецслужбы в любом состоянии сохраняют высокую готовность к миротворчеству, распространению нужных массовых слухов, способных подвигнуть целые слои населения к желанному власти действию или бездействию. И на том, как говорится, большое спасибо.

Одним словом, рационализаторы-перестройщики силовых структур государства как-то не прижились в исторической практике, что позволило спецслужбам существовать долгие десятилетия (иногда и столетия) в своём первозданном, «естественном» виде со всеми традиционными наборами ущербов, комплексов.

Пусть и не приносящем зримых, очевидных для вельмож государства результатов.

Кто знает, может в таком подходе скрыт и рациональный смысл – ведь известно, что в своё время новаторство в здравоохранении, когда у новорождённых стали удалять казалось бы бесполезный и опасный аппендикс, последствия оказались для прооперированных весьма негативными: рудимент выполнял ещё какие-то неясные, но очень важные функции. А их неисполнение оборачивалось для «пролеченных» кучей проблем со здоровьем.

Одним словом, спецслужбы – хоть и никоим образом не дотягивая и близко до функциональной пригодности иммунной системы организма, уже фактом своего существования какие-то социальные функции всё-таки исполняют (например, в системе госорганов не дают на своих «площадках» прорасти чему-то другому – более ядовитому и разрушительному).

С большими переменами (экономическими, социальными, правовыми и т. п.), случающимися в жизни того или иного общества, существенно меняются старые или появляются новые «спецнужды» государства. Что, естественно, влечёт изрядные изменения и в жизнедеятельности спецслужб.

Так, с разрушением СССР в пореформенной России с её новым укладом жизни, новыми законами, формами собственности, режимом охраны границ и правопорядка, появилось немало новых, ранее не существовавших «спецнужд» государства.

Прежде всего, у новых собственников появились громадные не учитываемые средства, используемые для откупа от чиновников-вымогателей: коррупция тотально поразила все институты власти и управления, и самое страшное – правоохранительные органы и сами спецслужбы.

Попытки приспособить для противоборства с этой чумой власти прокуратуру в сочетании со специализированными подразделениями МВД и ФСБ, никакого результата не дали по простой и понятной причине: коррумпированные управленческие уровни правоохранительных структур физически не в состоянии проводить сами на себе болезненные хирургические операции.

Кроме того, наличие мгновенно неведь откуда появившейся и стремительно разросшейся прослойки нуворишей, несусветно роскошествующей, погружённой в неутолимое обретательство всевозможной собственности, накопления умопомрачительных состояний, породило совершенно уже ничем неодолимую психологическую установку практически всех работников правоохранительных органов и спецслужб на необходимость обеспечить себе близкие к уровню жизни новых богачей условия существования.

Используя, естественно, имеющиеся властные возможности, профессиональные навыки и внутрикорпоративные связи.

Кроме остройшей и пока для России неразрешимой нужды борьбы с коррупцией, в

стране появилась столь же почти острая необходимость как-то противостоять мощным службам безопасности крупных корпораций и банков, которые по численности сотрудников, по значительно лучшей технической и иной оснащённости могут, при необходимости, куда как успешно противостоять государственным службам безопасности.

И у которых были серьёзнейшие возможности для противозаконного вмешательства в жизнь практически любых граждан, осуществления в отношении них противоправного насилия, включая физические уничтожения.

Кроме того, появились неограниченные возможности у зарубежных спецслужб оказывать помощь, финансировать различные политические партии, общественные организации, успешно продвигая в структуры власти, управления, в силовые ведомства своих всё более многочисленных агентов влияния.

В стране также стремительно разрослись немалым числом экстремистские религиозные организации, в том числе и практикующие терроризм.

Пока создать технологии противостояния этим серьёзным угрозам государству и обществу, хотя бы несколько сопоставимые по эффективности с практиковавшимися КГБ СССР, не удалось.

В утешение можно сказать, что примерно также дело обстоит и у многих мощных и отобилизованных спецслужб западных стран, США.

Какие новые «спецнужды» спецслужбам принесут в бурном меняющемся мире новые времена, остаётся только правдоподобно предполагать. Да снимать на эту тему разнообразные зрелищные телесериалы, где врагов нации, цивилизации умелые и смелые «контрики» раскатывают в блин.

3. Компоненты национальной безопасности и спецслужбы

В одних странах принято говорить об обеспечении спецслужбами государственной безопасности, в других – о национальной. Безусловно, объёмы содержания составляющих того и другого разные.

Но в практике деятельности спецслужб подавляющего количества государств, независимо от наименований охранных ведомств, всегда акцент в деятельности «спецведомств» смещён, безусловно, в сторону обеспечения безопасности наиболее важных (с точки зрения носителей высшей власти) элементов инфраструктуры государственных институтов.

Первейшими, среди которых являются обеспечение личной безопасности главных лиц государства, включая места их служебного и бытового обитания, и военные, оборонительные секреты страны, включая их живых носителей (а не только документацию и образцы оружия и боевой техники).

Именно такой подход наиболее свойственен обеспечению госбезопасности России, где сбережение персоналий составляет главное содержание деятельности наиболее мощных структурных подразделений спецслужб.

Психологический акцент избран безошибочно: как и любому другому человеку, всякому вельможе дороги исключительно собственная голова и жизни своих близких. Если с этим всё в порядке, любые другие упущения спецслужб – вполне извинительны в их мнении.

А потому даже при изрядном числе взрывов на транспорте, в иных местах скопления людей, служебная карьера генералов спецслужб почти не страдает. А уж украденные секреты государства – и вовсе дело житейское, не стоящее того, чтобы подымать шум, устраивать выволочки доморощенным «агентам национальной безопасности».

Но так бывает не везде; серия терактов в 2005 году на поездах в Испании привела к смене правящей политической партии и последующей замене руководителей служб безопасности. Теперь, по крайней мере, в большинстве европейских стран с традициями устоявшегося парламентаризма, к числу наиболее охраняемых объектов будут отнесены и большие массы людей, концентрирующиеся на вокзалах, станциях метро, в самолётах, на

теплоходах, на стадионах, иных подобных местах.

Процесс расширения перечня зон обслуживания у спецслужб, скорее всего, будет продолжаться и ускоряться. И совсем не потому, что их подключение поможет решать новые возникающие проблемы безопасности общества (ни одной из спецслужб не удалось снять проблему, которой обязаны своим возникновением).

Мотивации иные – политики должны как-то реагировать на сильные потрясения больших групп электората. К тому же, надо иметь, с кого спросить, на кого обрушить гнев вождя перед телекамерами в надлежащий момент. За это и приходится, правда, изрядно тратиться из бюджета, но что совсем не досадно – не свои же деньги, общественные.

В частности, к настоящему моменту важнейшим средством усиления геополитического влияния для многих развивающихся перенаселённых стран Юго-Восточной Азии стала демографическая экспансия в самые развитые страны мира, характеризующиеся устойчивой тенденцией падения рождаемости коренного населения.

Составляющие от трети до половины населения стран пребывания мигранты организованы в очень сплочённые этно-конфессиональные общины, непроницаемые для местной культуры. И одновременно составляют базу этнической организованной преступности, включая религиозных радикалов, практикующих террор.

Именно эта составляющая стремительно разрастающейся демографической инфильтрации в развитые страны мира и стала заботой нынешних спецслужб. Но не более. Их совершенно не интересует опасный процесс массового вытеснения коренного населения из целых сфер жизнедеятельности – мигранты обходятся работодателям намного дешевле и потому их предпочитают иным прочим. Особенно, если есть возможность формально не заключать трудовой договор и не платить большие социальные налоги.

И вот это серьёзное сужение полей трудовой деятельности, несущее коренному населению один из самых серьёзных ущербов, никаким боком пока спецслужб не касается. Несмотря на то, что деньги для террористов накапливаются и с помощью мелких пожертвований множеств соотечественников, получающих небольшие зарплаты дворников, мойщиков окон и т. п.

Не беспокоит пока спецслужбы и то, что обязательно появляющаяся в среде эмигрантов оргпреступность почти полностью перехватывает контроль (и впечатляющие прибыли) от розничной и мелкорозничной торговли наркотиками, оружием и др. Что позволяет, в конечном счёте, ещё сильнее вооружать и экипировать террористов, иных этнических радикалов, строить всё больше мечетей, национальных школ, расширяя свою культурную «оккупационную» зону, свой плацдарм успешно расширяющегося демографического нашествия.

В эту сферу спецслужбы не рвутся и само собой не иницируют перед правительством предложений о расширении своих функций. Оно и понятно: впечатляющих акций в эмигрантской среде не организуешь, а стало быть, и политических дивидендов, свободно конвертируемых во впечатляющее увеличение финансирования, здесь не обретёшь. Вытеснить же этническую оргпреступность из прибыльной наркоторговли, чтобы перехватить её прибыли, никакой спецслужбе не под силу.

И продолжает разливаться по Европам и Америкам эмигрантское половодье, затопляя всё новые социальные зоны, а спецслужбы, подобно аварийным командам, успевают разве что лихорадочно соорудить из подручных материалов хилые временные ограждения вокруг наиболее важных институтов государства. Так что, этот малоосвоенный участок обеспечения национальной безопасности, ввиду скудности возможностей для обретений «оперативных позиций», в таковом состоянии сиротства и пребудет.

А политики спешить инициировать расширение здесь участия спецслужб тоже в обозримом будущем вряд ли будут по вполне понятным причинам: по опыту знают, что появление их у любых проблем, во-первых, всегда сопряжено с немислимым тратами, во-вторых, как правило, не имеет почти никакого практического результата, но всё только изрядно запутывает. Как, впрочем, и всё, что оценивают любые разновидности госслужащих,

«докладающих» на верхние уровни власти результаты своей деятельности во вверенных им секторах социума.

Тем более, спецслужбы не стремятся вмешаться в угрожающе нарастающие процессы депопуляции собственного населения, которое уже в ряде европейских стран породило неразрешимые трудности даже с комплектованием призывниками и офицерами существующих подразделений собственных армий. Впору создавать повсеместно аналоги французского «иностранный легиона».

Хорошо также известны и предпосылки этих опасных для выживания и воспроизводства наций процессов, в числе которых первейшие – наркотизация молодёжи, всё более массовое употребление в пищу геномодифицированной продукции, новоявленных пищевых ароматических добавок с невыясненными в полном объёме негативными следствиями для генетического наследственного аппаратов организма человека.

Отсюда разрастающаяся импотенция среди молодых людей, утрата репродуктивных способностей у молодых женщин. В этих новоявленных опасностях какой-либо конкретный враг, вроде бен-Ладена пока никак не прорисовывается.

С главным же движущим фактором означенных грозных для наций и государств опасностей – неукротимой, неразборчивой в средствах жажды наживы – спецслужбы бороться полностью непригодны. Хотя бы потому, что сами ей подвержены в пределах «среднестатистической нормы» своего общества – бескорыстие никогда не было контрольным параметром при отборе подходящих кандидатур для службы в органах государственной безопасности.

Заподозрить же американцев в стремлении извести европейцев специально для этого геномодифицированными кукурузой или соей и полученных на их основе продуктами животноводства, равно, как и наличие таких намерений у немцев в отношении к французам или итальянцам, оснований никаких нет. Как потребители, потенциальный рынок сбыта всего производимого собственной промышленностью нации позарез нужны друг другу. Нищий же тотально мир третьих стран – не рынок для массового сбыта высокотехнологичной и непомерно дорогой европейской продукции.

Сами же слабо технологически развитые страны произвести в массовом объёме опасно геномодифицированную продукцию для европейского или американского рынков никак не могут. А потому зримыми врагами, для борьбы с которыми надлежит создавать новые спецслужбы или радикально увеличивать численность традиционных, третьи страны тоже быть не могут.

А посему, плотины на пути самоистребления наций развитых стран, ими же самими изобретёнными технологиями, выстроить некому и нечем: очередные специализированные спецслужбы не годятся прежде всего потому что враг в их традиционных представлениях не идентифицируется.

А то, что вызвало и двигает разрушительные процессы, позиционирует и рекламирует себя, как научный прогресс, спасительный в условиях разрастания населения планеты с её стремительно исчезающими природными ресурсами. С прогрессом же кто будет бороться. Особенно, если члены Римского клуба балаболят уже которое десятилетие во всех сущих ложах и орденах о перенаселении планеты.

С экологией дело в последнее время обстоит несколько иначе: следствия экологического варварства уже настолько очевидны обществам, настолько болезненны и ущербны для многих стран мира с более-менее дееспособными элитами, что даже политики начали предпринимать кое-какие практические шаги.

Так, во многих странах приняты целые блоки правовых норм, вводящие серьёзные ограничения, запреты на наиболее ущербные промышленные и иные технологии. В дополнение к этому созданы экологическая полиция, прокуратура, должностные обеспечить работу новой отрасли практического права. И дело здесь обстоит намного серьёзней, нежели в вопросах проникновения с геномодифицированными продуктами информационных вирусов, сбивающих жизненные программы в человеческом организме.

Так, диверсия на полигонах захоронения высокотоксичных отходов городов может обернуться настоящей катастрофой для любого мегаполиса. И если этого ещё не произошло, то, скорее всего, только из-за низкого уровня образования тех, кто планирует акции международного терроризма и не обратил внимания на сбор необходимой информации по дислокации экологически опасных объектов, процессов, подходы к ним, разработку способов совершения диверсий.

Угрозы совершить нападения на АЭС носят скорее фантомный характер и тиражируются, вероятнее всего, самими спецслужбами, которым уже вменено в обязанности предотвращать диверсии такого рода. Потому, что организация защиты и охраны АЭС была предпринята уже изначально при их создании и весьма основательно, и спецслужбы могут пока отдыхать и заниматься инициированием съёмок кинофильмов, где их сотрудники и генералы самоотверженно, геройски глушат на корню злоеющие хитроумные планы исламских экстремистов касательно ядерных объектов.

Так что, до того, как состоятся из-за терактов серьёзные экологические катастрофы, политическая власть в не пострадавших странах вряд ли будет гонять за это своих генералов спецслужб, а те не будут в свою очередь вынуждать руководителей государства перетряхивать бюджеты, чтобы за счёт урезания каких-то социальных трат резко наращивать финансирование спецслужб.

Причём, вне зависимости от каких-либо реальных практических результатов по предотвращению подготавливаемых экологических катастроф: бюджетное финансирование обладает одним «волшебным» свойством – однажды осуществившись, оно длительное время функционирует «в автоматическом режиме».

Пока же роль злодеев – террористов в сфере экологии вполне успешно исполняют невежественные предприниматели, корыстные руководители корпораций, предпочитающие, ради сиюминутной экономии, гадить там, где живут и работают. Пусть и понемногу каждый, но все вместе успешно творят и общепланетарные впечатляющие паскудства в виде сплошного отравления вод, почв, атмосферы.

Совести нет – нет и никакой ответственности перед людьми, Господом, будущим. И бояться некого: формальная полиция скорее за малую толику мзды закроет глаза на преступления, нежели начнёт «бескорыстно» гонять нечестивцев. Спецслужбам тоже нет здесь точки приложения усилий: гадающих под себя к злонамеренным террористам не причислить.

В таких сферах обеспечения национальной безопасности, как здравоохранение, образование, культура, за исключением, разве что, идеологии (борьба с диссидентами в разной мере ведётся спецслужбами в каждой стране), спецслужбы практически не присутствуют.

Если какими-то инопланетянами и совершаются в этих сферах впечатляющие диверсии (пандемии, растлевающая литература, изобилующий насилием кинематограф, развращающая, дилибирирующая реклама и т. п.), то сокрушающее их действие воспринимается (если вообще замечается), как неблагоприятное стечение обстоятельств.

К тому же, обычно изрядные сроки между диверсионными воздействиями и неблагоприятными последствиями весьма часто понуждают обывательское сознание чиновничества и работников СМИ искать и находить несуществующие причинно-следственные связи, разворачивать «оздоравливающие» меры против малозначащих частных случаев.

Кроме того, упомянутые сферы жизнедеятельности социумов настолько перегружены благонамеренными недоумками, часто ещё обуреваемыми честолюбием и корыстью, что объяснить сколь угодно вредные проекты, запущенные в процессы воспитания, здравоохранения чьим-то злонамеренным умыслом практически невозможно – «старательный дурак – опаснее врага».

А без доказанного злого умысла, как известно, нет вины, нет и преступника. Потому спецслужбам, даже при сильном желании, здесь успехи не грозят. Ситуация в СССР, когда

НКВД мог доказать вину любого идейного вредителя, злоумышляющего против государства победившего пролетариата, воспроизводить желающих пока нет: в горячке в качестве врагов социализма уничтожили изрядное количество весьма нужных науке, культуре людей. В основном по доносам бездарных карьеристов, холуев, корыстных угодников в среде самой творческой интеллигенции.

Так что, от технологий отделения чистых от нечистых в интеллектуальных сферах карательными средствами спецслужб человечеству временно пришлось пока отказаться.

Посему упомянутые сферы жизнедеятельности социумов остались практически без защиты какой-либо иммунной системы государства, представляя из себя сущее раздолье для процветания разнообразных модификаций интеллектуальных паразитов – в кодлах и без. И в таком состоянии открыты любым злонамеренным диверсиям против человеческой совести и разума.

В итоге цивилизация находится в состоянии непрерывной трансформации технико-технологического характера, а в нравственно-духовном отношении остаётся где-то между пещерным укладом и мировосприятием Древнего Вавилона. С хорошей перспективой несколько приблизиться к Древнему Египту. Что вполне устраивает элиты, как давних времён, так и современности, которые в атмосфере высокой нравственности и духовности давно бы издохли.

Так что, обеспечение национальной безопасности в сфере человеческого интеллекта для элиты (и, естественно, руководства спецслужб) и для остального общества означает совершенно разные вещи – несопоставимые и несовместимые.

Золотое время пережили спецслужбы во времена СССР, когда надо было охранять даже малозначащие промышленные и научные секреты в каждом месте их наличия. Таковых наличествовало величайшее множество – почти во всех крупных предприятиях, НИИ и КБ всегда что-то делалось для армии, что надо было стеречь, как зеницу ока от вражьих супостатов.

Большая часть того, что подлежало такому обережению супостатов не интересовала. Но мотив был хорош, и множество руководящих и прочих сотрудников предприятий и организаций чувствовало себя кроликами под цепкими подозрительными взглядами бесчисленных «агентов национальной безопасности», прикомандированных к производственным и научным «секретам». И которые умели воспользоваться своей независимой ото всех властью и влиянием (право сообщать «куда надо», характеризовать руководящих работников при повышении по службе, поездках за рубеж и т. п.) себе во благо, не неся при этом никаких издержек, тягот, не подвергаясь никаким рискам.

Кроме, естественно, рисков, связанных с частыми и обильными фуршетами или с регулярными передозировками алкоголя в баньках и на охотах. В обмен не на ублажение всего-то надо было передавать в свои «органы» благостную, умиротворяющую информацию о ситуации, соблюдении режима секретности, верноподданническом поведении руководителей.

Правда, само присутствие присмотрщиков, сколь бы ни были они нерадивы и равнодушны к служебным обязанностям (что было мало кому заметно), понуждало подавляющее большинство служащих, руководителей вести себя весьма осмотрительно, лишний раз не совершать служебных прегрешений: «пинкертоны» не заметят, так коллеги обязательно «настучат». Чем в изрядной мере и держался относительный порядок в стране.

Как и в чём обеспечивали безопасность нации райотделы КГБ СССР в сельской местности – исчислению не поддаётся: самую большую диверсию против сельского хозяйства страны в виде завоза в страну колорадского жука, не тонущего в воде, не гибнущего в ведре с керосином, чекисты проворонили в полный рост. Сколько вражьих попыток вызвать различные эпизотии органы безопасности пресекли, сколько проморгали, страна не узнает никогда: режим тотальной секретности на все отчёты о чрезвычайных происшествиях в стране стёр их следы безвозвратно.

Главной же опасности, свалившей сельское хозяйство СССР, органам тогдашней

безопасности противопоставить было нечего: разбегающаяся по городам молодёжь оставила сеять, жать, пасти и доить коров, выкармливать свиней забулдыг и увальней, работавших кое-как. Урожаи, надои упали до критических уровней из-за грубейших нарушений технологий, никудышного исполнения своих обязанностей «тружениками села».

Страна с несметными посевными площадями, выпасами была вынуждена делать массовые закупки зерна и мяса за рубежами. На фоне этого неизбывного общенационального ущерба все имевшие место реальные подвиги героев невидимых фронтов по защите советской флоры и фауны были бесполезны, ничемны.

Врагам социалистического отечества оставалось только терпеливо ждать, занимаясь аналитикой, материалы для которой обильно и регулярно поступали из статистических служб СССР, где в достатке обретались скрытые идейные враги режима, оказавшиеся недосыгаемыми для тогдашних всесильных советских спецслужб.

У оппонентов – охранителей были тогда все основания трясти своих государственных управителей на предмет увеличения ассигнований на подрывную деятельность против экономики СССР – даже ничего не делая, они были обречены на успех.

Но успешными были и советские спецслужбы, защищавшие социалистическую экономику – это неопровержимо следовало из докладов Генеральных секретарей ЦК КПСС очередным партийным съездам, повествовавших об оглушительных успехах социалистического строительства на всех фронтах.

Все были довольны, но были и досадные мелочи: генералитет спецслужб курил преимущественно «Мальборо», пил виски (чаще без содовой), носил импортную одежду и обувь. Чины пониже отставали от своих старших командиров не очень сильно. Это было связано не только с более высоким качеством продукции, но, что ещё более важно, свидетельствовало о высоком социальном статусе: неограниченный доступ к импорту был позволен немногим.

Сотрудники же спецслужб в СССР были здесь в первых рядах – рядом с партийной и советской номенклатурой. Хотя ничего особенного в том и не было: во всём мире сотрудники спецслужб по уровню формально предписанных и реально получаемых благ всегда относятся к категории едва ли не самых обеспеченных социальных групп.

По другому не бывает – «недокормленные» спецслужбы, во-первых, недостаточно лояльны политическому режиму и не особо усердствуют при утеснении политических оппонентов правящих кланов. Во-вторых, с готовностью пускаются во все тяжкие, чтобы исправить самим допущенную по отношению к ним «социальную несправедливость». С чем, как правило, справляются блестяще в отличие от решения своих служебных задач.

А могут ли какие-либо спецслужбы в мире, прежде всего, естественно, ведущих мировых держав, противостоять проникновению в формирующиеся понемногу институты мирового правительства агентуры каких-нибудь инопланетян, враждебных к земной цивилизации? Судя по сериалам Голливуда – смогут, пусть с предельным напряжением сил, с жертвенными геройствами сотрудников ЦРУ, опирающихся на мощную техническую базу спецслужб Америки, но смогут!

Есть, правда, и поводы для сильных сомнений: уже ряд лет спецслужбы самой мощной державы мира не могут сделать ничего существенного для разгрома международной террористической сети исламских экстремистов Аль-Каиды. Может именно потому, что этим господам изрядно помогают выходцы с Марса? Да так, похоже, основательно, что даже могущественные масонские ложи ничем не могут тут помочь дружественным спецслужбам.

Но может статья, что именно в таком развитии ситуации заинтересованы сами спецслужбы вместе с масонами, подталкивая опьянённых успехами и кажущейся неуязвимостью исламских террористов ко всё более масштабным и разрушительным действиям. Чтоб потом вполне обосновано обрушиться на них всей своей неукротимой мощью и раздавить в лепёшку и их, и вместе с ними все недружественные исламские политические режимы.

Исторические примеры успешности такой тактики налицо: в Великую Отечественную

войну 1941–1945 гг. таким образом ряд советских военачальников коварно заманивал немецкие бронированные армии вглубь СССР, позволяя как бы естественно громить советские фронты, захватывать миллионы пленных солдат, сокрушать тысячи городов.

А когда немецкие генералы уже распустили слюни, разглядывая Москву в простые полевые бинокли, их советские коллеги мастерски, легко захлопнули свою хитроумную ловушку и играючи довели войну до победного конца.

Одним словом, любые промахи, даже провалы в работе спецслужб, при необходимости, можно вывернуть наизнанку и представить уже, как ранее планировавшуюся, сокрушительную победу по всем статьям. Или хотя бы победный этап длящейся десятилетия сложной оперативной игры. Или ещё как-нибудь в этом роде – легковёрные есть и среди политиков.

Но ещё чаще – вполне расчётливые циники, которым тоже не хочется выглядеть неумелыми, недалёковидными поводырями своих спецслужб. И кто здесь сможет доказать обратное, если все чихи и пуки спецслужб секретятся даже от своих. Тем более, никто не мешает спецслужбам все случайные удачи, потрясения в странах противников приписывать исключительно своим заслугам.

Так что, если нация, государство сумело выстоять в каких-то грозных ситуациях, ничто не мешает кому-то из руководителей спецслужб выпустить серию мемуаров, расписывающих заслуги своих ведомств, заведомо зная, что любые оппоненты возразить ничего не смогут. Разве что, только организуют такие же издания своих авторов. Да ещё съёмку кучи фильмов об агентах 007, 008 и т. д., где их супротивники будут выглядеть полными идиотами, размазнёй.

Так чаще всего и «защищают» все разновидности национальных безопасностей всюду: выиграла нация войну – заслуга спецслужб. Проиграла – спросить с разных разведок и служб безопасности уже некому. На том и стоит от веку незыблемо на 2/3 мифическая слава и таинственное могущество спецслужб.

Есть, конечно, и у спецслужб свои вполне реальные специфические средства, делающие их серьёзным противником в вопросах обеспечения национальной безопасности. Речь идёт, прежде всего, о возможностях служб безопасности, внешних разведок ответить на любую пакость против собственного государства, населения ещё большей гнусностью с ещё более серьёзными ущербами.

То есть, речь идёт о проведении банальных акций возмездия, предотвратить которые надёжных способов нет ни у кого, нигде. Например, невозможно надёжно защитить все водоёмы, из которых берут воду крупные города, от загрязнения какой-нибудь серьёзной пакостью.

Но если кто-то подобное сотворил или, к примеру, завёз эпидемию ящура или ещё какую напасть (расследование чего всегда с достаточной степенью достоверности указывает на возможный источник заразы), то спецслужбы пострадавшей страны всегда имеют полную возможность организовать в странах, чьи спецслужбы подозреваются в совершенной диверсии, нечто гораздо худшее.

Все об этом отлично осведомлены и стараются в целом вести себя по принципу: «Не буди лихо, пока оно тихо!». Не руководствуются этим только спецслужбы воюющих друг с другом стран. Да ещё такие новообразования, вроде Аль-Каиды, у которых нет ни собственной страны, ни собственного населения, ни инфраструктуры в виде железных дорог, АЭС, аэропортов и т. п., которые надлежит уберегать от диверсий.

На этом принципе организована и защита собственного населения от палестинцев-смертников, взрывающих себя в магазинах, ресторанах, автобусах Израиля: разрушают дома родителей, других родственников тех, кто совершил подобный «подвиг» во славу Аллаха. А так же убивают лидеров, руководителей террористических структур, как только удаётся установить место их пребывания в данный момент.

Но сотрудники спецслужб Израиля, пожалуй, на сегодняшний момент единственные, кто в полный рост лично участвует в настоящей антитеррористической войне. В

большинстве спецслужб других стран такое психологическое состояние высшей внутренней мобилизационной готовности воевать у сотрудников ещё нет – для этого потребуется ещё очень много эпизодов впечатляющих поражений в схватках с «международными террористами».

За этим, похоже, дело не станет: у их оппонентов готовность к войне наивысшая, поддерживаемая непрерывающимся участием в боестолкновениях. Терять этим людям нечего – нет ни солидных должностных окладов, ни званий, ни перспектив карьерного роста, выхода на хорошую пенсию по выслуге лет, чтобы жить в довольстве ещё изрядный срок.

А есть небольшая оплата за военную работу любого характера и убеждённости в своей несокрушимой правоте и богоугодности совершаемого. К тому же, если средства всевозможной защиты от террористов (например, в аэропортах) фантастически дороги, то средства для диверсий, террористических актов до смешного дешёвы: компоненты взрывчатки покупают за копейки в магазинах бытовой химии, тол можно выплавить из старых снарядов времён Второй Мировой войны или прикупить незадорого у тех, кто профессионально занимается взрывными работами.

Пока ситуацию для европейских и американских служб спасает, в основном, то обстоятельство, что среди членов структур «международного терроризма» очень много людей, которые участвуют в этом за деньги, пусть и не очень большие.

А у западных спецслужб денег – куры не клюют, и потому у них есть пока весьма внушительные возможности покупать своевременно важнейшую информацию о готовящихся акциях и иногда срабатывать на упреждение. Как это случилось в середине этого – 2005 года – в Англии, где террористы намеревались пронести на борт рейсовых самолётов компоненты «жидкой» бомбы.

Но этой возможности противостоят тоже весьма нешуточные факторы у их оппонентов: обилие человеческого материала, готового за весьма скромную плату выполнять любую опасную работу.

Здесь же – обилие опасных (по применяемым технологиям) объектов инфраструктуры «цивилизованных стран» – химические комбинаты, нефтеперегонные комплексы, топливные базы, газохранилища и т. п. – защитить надёжно которые возможности никакой нет ещё и потому, что там занято несметное число «гастарбайтеров». В среде которых «международные террористы» чувствуют себя, как рыба в воде.

К тому же, у противников западной цивилизации есть не только неограниченные возможности для скрытого выбора объектов для очередной атаки, но и неограниченное время – их простая и дешёвая в содержании кадровая база боевой подготовки террористов, планирование операций в состоянии, подобно сытому удаву, очень долго находиться в стадии выжидания подходящего момента для террористической атаки без ощутимых финансовых и иных потерь. Ничем при этом, не обнаруживая себя.

В то время, как другие элементы структур «международного терроризма», время от времени, «вбрасывают» по каналам западных контрразведок, электронных СМИ весьма правдоподобные дезинформации о якобы готовящихся диверсиях на АЭС, аэропортах и т. д. На которые вынуждены очень реагировать и очень дорогостояще реагировать власти западных стран, их спецслужбы, правоохранительные органы, расстрачивая впустую нешуточные средства на разрушение всё новых информационных фантомов.

Ещё одним фактором в таких обстоятельствах становится разъедающая, разрушающая рабочий потенциал спецслужб атмосфера, когда многие пытаются вину за упущение свалить на коллег в своих или родственных структурах, а полученные успехи приписать себе, своей организации безраздельно. Подозрительность, умолчания, недоговоры, старые обиды – настоящая кислота, растворяющая слаженную работу коллективов внутри спецслужб.

Но есть и вполне современные национальные беды, с которыми спецслужбы не только не противостоят хотя в малой мере, но и сами косвенно их усугубляют.

К примеру, многие спецслужбы традиционно оказывают определённое содействие структурам организованной преступности (в обмен на какие-либо значимые «услуги»,

информацию), занятым международным наркотраффиком, прежде всего в недружественные страны. Иногда сами помогают всё это организовать – спецслужбам тоже всегда не хватает денег.

Тем же грешат спецслужбы недружественных стран. В итоге, игровой наркотраффик только крепнет, ширится, работая, как оружие массового поражения молодёжи прежде всего «цивилизованных» стран, где население самое богатое в мире.

Практически так же обстоят дела с контрабандной торговлей оружием в мире. Что в итоге серьёзнейшим образом помогает не только возникновению множества локальных вооружённых конфликтов, но часто приводит к тому, что поставленное руками спецслужб оружие поворачивается против их собственных стран.

Так было недавно и в России с Чечней, так было у США с Аль-Каидой, с талибами Афганистана. И в настоящий момент иные разведывательные структуры «цивилизованных стран» решают таким же образом свои очередные тактические задачи, создавая для собственных стран многократно более серьёзные общенациональные проблемы уже ближайшего будущего.

Так и пребудет, потому что реальные сотрудники всегда уже просто в силу традиционных человеческих качеств будут решать любые свои насущные проблемы без оглядки на будущие следствия: «После нас – хоть потоп!», «Будет день – будет пища!».

Ещё больше проблем для общества порождает один из главных тактических принципов работы спецслужб, согласно которому они опираются и всячески продвигают людей, в отношении которых имеют серьёзные компрометирующие сведения, материалы.

Такие деятели действительно долгое время могут быть послушными исполнителями указаний спецслужб. Но при этом, не обладая и малой долей личных и профессиональных качеств, потребных хотя бы для удовлетворительного исполнения своих обязанностей в структурах государства, эти серые, безынициативные, часто весьма хищные и прожорливые особи, без намёка даже на присутствие чувства долга, преданности Отечеству, с помощью тех же спецслужб поднимаются в весьма высокие уровни государственного управления и работают там же с такой же «отдачей», как деталь механизма, сделанная из обычного металла, вместо легированной стали.

Одновременно именно такие «служители Отечеству» являются центрами коррумпированного аппарата власти, очищению от которых опять же серьёзнейшим образом мешают спецслужбы, всячески оберегающие «своих» во имя сохранения завоёванных с их помощью «оперативных позиций». Которые, естественно, любым структурам спецслужб несоизмеримо предпочтительней каких-то там потусторонних задач качественной работы госведомства.

К счастью для спецслужб, на государственном уровне нет желающих сводить в балансовую ведомость результаты их трат и обретений, побед и поражений. Изредка же звучащие общественные негативные оценки никаких практических следствий не имеют.

Вот как, к примеру, это выглядит в некоторых публикациях: «За последние шесть лет сменилось семь директоров ЦРУ. Американская печать в год «золотого» юбилея ЦРУ откровенно пишет, что деятельность разведки США носит аморальный характер. Отмечается, что за 50 лет существования «конторы в Лэнгли» были арестованы и осуждены 120 её сотрудников, работавших на иностранные, прежде всего русские, спецслужбы...

В сложившейся ситуации многие сотрудники ЦРУ испытывают чувства унижения и разочарования в своём профессиональном выборе. Проблемы, с которыми сегодня сталкивается ЦРУ в своей внутренней жизни – это моральный дух, замкнутость и недоверие друг к другу... Некоторые американские сенаторы не раз выступали с публичными заявлениями, что «контора в Лэнгли» не поддаётся реформированию, её следует упразднить» (В.А. Галицких «Кадровая политика ЦРУ», «Родные просторы» № 1 (14), 1999 г. стр. 12.). Такие вот иногда получаются итоговые балансы.

4. Сравнительная социальная полезность деятельности спецслужб

Одна из общих для всех государств закономерностей состоит в том, что при распределении бюджетного финансирования насущных национальных нужд, запросы спецслужб удовлетворяются даже лучше, чем потребности военных. У которых, как известно, других конкурентов нет.

Остальным отраслям жизнедеятельности перепадает, в основном, в зависимости от того, какие неприятности могут произойти вскорости при сильном недофинансировании (отдалённые неприятности – за пределами срока полномочий выборных должностных лиц государства – в расчёт не принимаются).

Посему, после военных на очереди на более-менее приличные финансирования оказываются энергетика, транспорт. Образование, здравоохранение, а в особенности пенсионное обеспечение – традиционно в самом конце такой очереди.

И традиционно – лет через 20–25 встревоженные военными политики мечтают, задрав хвосты, над обвальными проблемами общества: дееспособной, здоровой молодёжи катастрофически не хватает ни для армии, ни для ведущих промышленных профессий, ни для создания полноценных семей. И начинается очередная показушная компанейщина по изобретению различных «национальных проектов» для избытия тяжелейших демографических проблем.

Иногда кое-что удаётся исправить. Но чаще всего начинают кликать мигрантов из стран, где людей народилось с переизбытком. Чтобы кое-как заткнуть одну дырку, и получить вскорости множество других, но калибром больше.

Так уж устроены все эти политики – если хоть что-то решают, то обязательно за счёт грядущих бед, которые же сами породили. Спецслужбы, как правило, в эскалациях таких лихорадок ни в чём беспокойств не испытывают: ни как объекты, ни как субъекты. Подобно любимым дитятам, они получают свою кормёжку всегда с избытком.

Это, правда, вовсе не означает, что баловень судьбы не нуждается ни в чём; и у «золотой молодёжи» постоянно остро не хватает денег на азартные игры, попойки, достойные траты на молодых особ и т. д. Подобно этой публике и спецслужбы вечно испытывают острые нехватки средств и почти всегда ощущают себя в чём-то обделёнными, не менее всех тех же пенсионеров или учителей.

Но, в отличие от последних, в состоянии обеспечить себе «дотации», приработки нередко в размерах, превышающих бюджетное финансирование. Как это получается – рассмотрим несколько позже. Поэтому реальная цена содержания спецслужб, в отличие, скажем, от той же полиции или судов, может быть многократно выше официальных бюджетных трат.

Как это удаётся? Особых секретов нет, как нет и необходимости прибегать к специфическим технологиям обретения средств. Спецслужбы, занятие охраной государственных персон всячески поощряется регулярно самыми вельможами не столько за результаты работы, которые трудно оценить, пока не состоятся одно-два реальных покушений (чего может и вовсе не случиться), сколько за то, чтобы они испытывали хотя бы незначительное чувство благодарности. Или хотя бы не относились неприязненно к охраняемой особи.

Но более значимым источником дополнительных доходов у охранных структур особо важных персон являются допуск или блокирование разного рода прошений лиц к сиятельным вельможам. Этот процесс постоянен, интенсивен, ставки здесь бывают очень высоки.

Есть, конечно, и определённые риски и издержки, но принципиально они ситуации не меняют. Тем более, что среди самых значимых «клиентов», домогающихся доступа к первым лицам государства, состоят и родственные структуры: внешняя разведка, контрразведка, иные спецслужбы.

Нелюбимые коллеги-генералы вполне могут оказаться перед непроницаемым барьером: «Государь устал и принять вас не может. Мы вам сообщим о времени, если вас изволят

принять». Но и в такой ситуации приглашения можно не дожидаться – «забудут» вообще доложить о высокопоставленном визитёре.

Интриг в бурлящем вокруг первочиновника потоке страждущих аудиенций – несметное число, на смену одним приходят тут же несколько других. И так – без конца, что придаёт руководителям охранных структур особый вес в государственном аппарате, который, в свою очередь, позволяет генералам решать любые внутренние проблемы структуры в пределах возможностей данного государства.

Режим охраны первых должностных лиц государства в местах их труда и отдыха таков, что без санкции руководителей охранных спецслужб не могут решаться и многие экономические вопросы в регионах страны. А это тоже очень ощутимый канал получения разнообразных преференций.

К тому же, жизнь привносит множество новых обстоятельств в многотрудный процесс обеспечения безопасности глав государств, правительств: с каждым новым трагическим инцидентом в любом государстве мира, содержащим какие-то новации, спецслужбы срочно вносят очередные коррективы в свои служебные инструкции, изменяющие в чём-то установленный ранее порядок. И происходит разнообразный процесс переоценки ситуаций на местах, который всегда оборачивается необходимостью договариваться со спецслужбами и платить за достижение компромиссов.

У спецслужб, занятых политическим сыском, возможностей и «заслуг», открывающих государственные закрома для их особых нужд, немногим меньше чем у коллег, ближе стоящих к сановному телу. Но и в политическом сыске у правящих камариллий есть особо острая нужда – подавление и изничтожение наиболее опасных оппонентов. Чем политический сыск регулярно и повсеместно и занят.

Но здесь тоже есть свои весьма существенные особенности, основной из которых является боязнь руководителей спецслужб применять по отношению к наиболее серьёзным политическим оппонентам режима радикальные меры: могут вполне победить на ближайших выборах и тут же вышвырнуть с насиженных и вполне комфортных генеральских мест.

Иные опытные генералы спецслужб даже заранее налаживают через особо доверенных людей отношения с вероятными претендентами на роль руководителей государства. И, как правило, вполне успешно (не хуже чем в известном отснятом сценарии фильма «Слуга двух господ») управляют с создавшейся двусмысленной ситуацией, демонстрируя коллегам «высший пилотаж».

Но моментам смены действующих лиц у руля государства предшествуют годы стабильной ситуации, когда положение руководителей политического режима прочно и весь государственный аппарат, в меру своих скромных способностей, старается исполнять их волю.

И в это время и спецслужбы стремятся являть положительные результаты своей деятельности – давить без компромиссов «гидру контрреволюции». За что «царствующие» политики стараются не остаться в долгу: и просчёты с лёгкостью списывают, и личные шалости и иные увлечения руководителям спецслужб прощают, и стараются впечатляющими благами оделить за каждый особо удачный эпизод служебной деятельности (случаются и скуповатые политики, но такое бывает редко – не за свой же счёт благодетельствуют).

Нечто подобное происходит (в иных, естественно, масштабах) на всех иерархических уровнях спецслужб, чьи структуры дислоцированы по всей территории страны. Естественно, что сотрудники такой спецслужбы никогда не задаются вопросом, а какая политическая группировка полезнее и спасительнее для Отечества – неусомнительно (иначе уволят) служат той, что в данный момент господствует, помогая ей продлить сроки пребывания у власти.

Вернее, служат даже не властвующим политическим партиям, а по преимуществу, персоналиям во власти: доверительные отношения с коллективным политическим руководящим органом установить невозможно по природе самих дружеских отношений. Но это сильно меняет «окраску» такого служения – вместо обережения общенациональных

государственных интересов, получается служение семейно-клановым.

А совпадение корпоративных интересов и государственных даже в очень благоприятных ситуациях бывает только частичным, обычно же – и вовсе противоборствующим.

Другим спецслужбам сложнее – сфера их интересов не так тесно переплетается с личными интересами властвующих политиков. Зато оперативный простор для коммерческой деятельности их доверенных лиц широчайший и в стране, и в особенности – за рубежами. Чему в сильнейшей степени способствуют «окна» на границе, через которые негласно вывозится оружие, деньги, снаряжение для разного рода «дружественных повстанцев», партийных единомышленников и других «друзей».

Таким образом, никакая из спецслужб в любой стране не «живёт на одну зарплату». В отличие, скажем, от железнодорожников, военных лётчиков, моряков, обслуживающего персонала АЭС, исследовательских ядерных и прочих центров, вкупе с множеством других служащих, чей вклад в жизнедеятельность общества очевиден, бесценен.

О если у военных лётчиков под боком оснащённые, готовые к боевым вылетам самолёты и число боевых или тренировочных вылетов всегда исчислено, у моряков – атомные субмарины и боевые дежурства, а служащие всегда за пультами у снаряженных и у работающих атомных реакторов, поставляющих городам и промышленности энергию, то у спецслужб – только изготовленные ими самими совершенно секретные отчёты о проведённой работе для сведений нескольких лиц в государстве.

Да ещё кое-как снятые при их содействии кинофильмы о творимых их сотрудниками героизмах по обеспечению безопасности общества. На каждую просмотренную диверсию, теракт классическим оправданием является ответ, что предотвращены ещё более мощные террористические акции, сорвано немеряное количество ещё более опасных и коварных враждебных планов.

Проверить, определить достоверность таких сообщений даже у очень значимых персон общества возможности нет никакой: все, из соображений высочайшей секретности, следы любой деятельности служб безопасности уничтожаются ещё на стадии планирования операции. Остаётся только смотреть кинофильмы в жанре политического детектива – и радоваться умелым, самоотверженным, совершенным достаточно своевременно действиям красавцев-киногероев, исполняющих роли мудрых руководителей и отчаянно смелых сотрудников спецслужб.

Слов нет, что-то подобное в некотором объёме имеет место, и сюжеты фильмов вполне могут быть построены на редких удачных эпизодах действительно профессиональной работы отдельных сотрудников спецслужб. Но сколько за этими удачами скрывается служебных бездельников, только имитирующих «борьбу» на малозначащих поприщах, измышляющих в служебных отчётах «результаты», которые образовались без них в ходе естественного течения событий, не знают и сами руководители спецслужб (ещё и потому, что знать не хотят).

А сколько на каждый успех выпало обвалов, поражений, каков причиненный разнообразными успешно реализованными супостатами диверсиями стране причинен ущерб – знают доподлинно только сами враги (а через них кое-что могут узнать и политики). Руководители же спецслужб не ведут хроник своих поражений – себе дороже, так как любая формализованная негативная информация усилиями соперников по карьере обычно куда-нибудь, да «утекает».

В случаях скандальных провалов, ставших достоянием общественности, в том числе и за рубежами, спецслужбы практикуют выверенную временем надёжнейшую тактику: «Всепоглощающей заботой составителей «Кубинского проекта» было одно: всё, чтобы они ни делали, должно быть, как любил говорить Говард Хант, «правдоподобно опровергаемым»» – фраза унаследованная от администрации Эйзенхауэра.

Обеспечить возможность таких опровержений стало, как ни странно, даже важнее, чем достичь успеха. Поскольку всё, что ни предпринималось, так или иначе нарушало

международное право и различные законы США (авантюры ЦРУ по осуществлению «Кубинского проекта» нарушали, помимо законодательства, регулирующего деятельность самого управления – закон о нейтралитете, правила Федерального управления авиации и Финансового управления, таможенные и иммиграционные правила, законы полудюжины штатов), задачей первостепенной важности считалось проводить операции внутри страны таким образом, чтобы нельзя было ни проследить, ни отыскать стоящих за ними руководителей в федеральной столице.

Чтобы ещё больше замаскировать свою тайную войну, ЦРУ щедро расходовало неподотчётные фонды, создавая на территории США полувоенный оперативный аппарат. Среди «крыш» и специальных агентов, задействованных ЦРУ по «Кубинскому проекту», были фирмы и частные лица, связанные с организованной преступностью и фанатиками из крайне правых полувоенных группировок. А с течением времени стало просто невозможно отделить зёрна разведки от плевел уголовщины.

Несмотря на целый ряд грубейших оперативных просчётов, «Кубинский проект» оставался одной из самых строго охраняемых тайн ЦРУ. Он был так тщательно расчленён на составные части, что многие даже высокопоставленные сотрудники ЦРУ знали о нём только понаслышке.

Внутри управления подразделения изолированно друг от друга выполняли отдельные части программы, не подозревая о её существовании в целом, а вне стен ЦРУ проект был столь «правдоподобно опровергаем» в конечном звене намеренно запутанной сети подчинённости, что отдел специальных операций ЦРУ зачастую утрачивал контроль над происходящим.

«Чёрный кардинал» секретных операций в Лэнгли мог считать, что события разворачиваются в одном направлении в то время, как его наёмные служаки, собравшись по сигналу с оружием на Сток-Айленде близ Ки-Уэста, двигались совершенно в другом. И если это абсурдное раздвоение снижало шансы на успех, то, по меньшей мере, существовала уверенность, что оно повышает вероятность сокрытия провала».⁷

Но такая серьёзная постановка вопроса «достоверно опровергаемого» в деятельности спецслужб характерна только для немногих стран, где сильны парламентские структуры. В большинстве государств, в силу исторических традиций, руководители и сотрудники спецслужб, оставаясь верны принципу, подходят к замыванию следов своей деятельности намного проще, будучи уверены (не без оснований) в своей способности закрыть рот любым парламентским крикунам или правдолюбцам – расследователям из числа «вольных» журналистов.

Успешная практика сокрытия следов своей деятельности или их отсутствия и сопутствующее ей профессиональное мастерство в таком деле у сотрудников спецслужб породили у населения миф незримого, неприметного, но обязательного присутствия *secret service* всюду и везде. Своего рода мифическая система не видимых глазу множеств камер скрытого наблюдения. Благодаря чему, нервные люди ощущают недреманное око спецслужб даже там, где его отродясь не было и не предвидится.

Эти два обстоятельства позволяют руководителям спецслужб легко парировать любые обвинения в плохой работе или её полном развале: работа была, но следы и документы о нём вынуждены, по законам жанра, уничтожать. Остались только косвенные доказательства – публикации подозрительных журналистов, которым мерещится «грязная работа спецслужб» в каждом случайном падении сосульки на головы прохожих.

Косвенное же подтверждение в том, что спецслужбы эффективно работают – они всегда больше знают, нежели самые информированные политики, иные категории граждан (бармены, банщики, адвокаты, врачи и др.): как не знать, когда без всяких усилий разнообразная информация постоянно идёт струей по налаженным каналам, как вода по

⁷ У. Хинкл, У. Тернер. «Рыба красного цвета». Нью-Йорк. 1981 г., пер. Москва. «Прогресс». 1983 г. стр. 18.

водопроводным трубам. И копится, и худо-бедно систематизируется.

И есть досуги у сотрудников – аналитиков, чтобы конструировать на этой базе самые различные очень правдоподобные домыслы и предположения, и знакомить с ними своё руководство. Чтобы оно без перерыва «пудрило мозги» своим политическим шефам.

Но здесь в этом уникальном для спецслужб обстоятельстве скрыта и большая опасность: возможность надёжно скрывать свою бездеятельность порождает неодолимое стремление к праздности и бездеятельности целых структур, с которой бывает уже не совладать. Что весьма часто завершается полным поражением и обслуживаемых властвующих и генералов спецслужб, не имеющих, к счастью, практически никаких следствий для социумов: на месте погоревших политиков мгновенно появляются другие, место переставших ловить мышей генералов занимая тотчас – новые, помоложе, поэнергичней, почестолубивей.

И маховик двигателя опять запускается на полный холостой ход, чтобы потом постепенно вновь сбрасывать обороты.

Определить истинную потребность в спецслужбах – их числе, количестве сотрудников и генералов над ними, даже приблизительно невозможно. В отличие, к примеру, от расчёта потребной численности машинистов в метрополитене, лётчиков в гражданской авиации и потребной для их нормальной работы технической obsługi: убери лётчиков, гражданский флот останется на земле вместе с потенциальными пассажирами и их багажом.

Убери конкретные спецслужбы – население вообще не заметит этого события. Пока, естественно, не загремят взрывы в пригородных электричках, на вокзалах. Но расчёт потребных штатов, ресурсов для них под конкретные спецслужбы – дело рук обычно самих спецслужб. Зная же свойства людей проектировать за чужой счёт всё с большим запасом прочности, вполне возможно предположить, что и спецслужбы создаются и стремительно разрастаются с многократным превышением «проектной мощности» над реальными потребностями. Не говоря уж о финансовых возможностях государства.

Известен бесспорный тезис обоснования нужды в собственной армии для любой нации: «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

Понятен и вполне излишний пафос изречения – народ никто и не спрашивает, хочет он содержать армию или нет, за него всегда убедительное «да» говорит элита, и сама созданная армия, которой, время от времени, приходится вразумлять свой народ.

Только «кормить» армию можно совершенно по-разному: небольшую, малым числом – вполне доброкачественно. Можно иметь армию и большую, но скупиться на её вооружение и экипировку. А можно содержать армию, в которой один генерал приходится на 10 полковников и сотню рядовых и тогда содержание генералов и полковников намного превысит прочие полезные для армии расходы.

Со спецслужбами и того сложнее: если можно ещё как-то регулировать численность штатных сотрудников и генералов, то никак нельзя регулировать число агентурного аппарата, создаваемого по «оперативным нуждам» и которого, как правило, «чем больше – тем лучше».

Тем более нельзя директивно «удешевлять» содержание агентуры – недорогие агенты обычно обретаются у социальных клоак, которые меньше всего интересны спецслужбам. Мировая практика спецслужб такова, что ни «агенты влияния», ни прочие их категории не расписываются в платёжных ведомостях – за них делают это в отчётах работающие с ними оперативные сотрудники.

Установить же достоверность фактов и размеров выплат можно только специальным дознанием контролёров самих спецслужб. Что само по себе явление рискованное по соображениям секретности агентурной работы, и потому на него идут в крайних случаях. И получается, что практического контроля за достоверностью финансовых отчётов и здесь нет.

Остаётся государственным финансовым мужам только кряхтеть, чесать репу – и раскошелиться по полной программе, «нарисованной» спецслужбами. Утешая себя тем, что чужие спецслужбы обойдутся дороже в качестве ненадёжных наёмников.

Здесь даже не применить «рыночный механизм» оплаты, когда конкуренция различных товаропроизводителей ведёт к некоторому снижению цен на продукцию. Причина проста – спецслужб немного, специализация их уникальна, а потому вне конкуренции. Хотя покусывать и весьма болезненно они будут при этом друг друга всегда.

Обычно, несмотря на долголетние неприязненные отношения между подобными структурами, практически никогда дело не доходит до войны между спецслужбами одной страны: потери несопоставимо велики в сравнении с преходящими обретенными, так как спецслужбы, подобно змеям, не имеющим иммунитета от собственного яда, очень плохо защищены от средств воздействия, которыми пользуются сами.

В рискованных для себя ситуациях спецслужбы быстро и весьма продуктивно договариваются друг с другом, а если нужно – то и со своими зарубежными оппонентами, не испрашивая ни у кого на это санкций. Так же, как это делают между собой структуры международной организованной преступности – нелегитимные самозванные аналоги спецслужб, а часто и сферы применения профессионального мастерства бывших их сотрудников.

Не следует забывать, что в случаях необходимости спецслужбы всегда в состоянии создать ситуации, инициировать события, организовать (в том числе и чужими руками) акции, которые резко повысят востребованность в их «услугах».

Так что, у реальных политиков, кроме самых одарённых (а лучше тех, кто ранее сам руководил какой-то спецслужбой), практически значимых возможностей своими усилиями поднять эффективность работы спецслужб, оптимизировать и удешевить их структуры возможностей нет.

Самое большее, что здесь возможно предпринять – поддерживать дух жёсткого, бескомпромиссного соперничества между спецслужбами (чтоб почаще «доносили» о просчётах друг друга, стремились опередить со своевременной качественной информацией, другими положительными результатами работы).

Точно также нет никакой возможности определить наверняка, стоят ли по результатам своей работы спецслужбы тех денег, что на них тратит государство. Единственное, что ещё хоть как-то может влиять на положительные результаты спецслужб, так это хотя бы приблизительный подсчёт (но только не самими спецслужбами) экономических выгод и ущербов от их наиболее значимых акций. И сравнивать это с примерно такими же параметрами в работе наиболее продуктивных зарубежных спецслужб.

Всю эту «бухгалтерию» целесообразно рассматривать на фоне динамики экономического состояния страны. Хотя бы для того, чтобы поумерить победность отчётов спецслужб при сопоставлении с общей стагнацией наиболее важных эволюционных процессов общества и приучить руководителей спецслужб хотя бы в самых общих чертах увязывать деятельность своих ведомостей с магистральными устремлениями и результатами всей государственной политики.

Что же в реальной действительности может понудить спецслужбы работать продуктивнее, на пределе своих физических и интеллектуальных возможностей, а не заниматься по преимуществу имитацией таковой работы и измышлением «выдающихся» результатов?

Наиболее высокая деловая активность, как свидетельствует практика, сопровождает деятельность спецслужб в те периоды, когда в правящей страной команде работу разведок и органов безопасности «курирует» активный, целеустремлённый, волевой политик, мировоззренчески вполне зрелый, знающий, к каким рубежам надо двигать общество и что в этом деле могут и должны сделать спецслужбы.

При таком политическом опекунстве слишком уравновешенным, неторопливым руководителям спецслужб либо приходится резко увеличивать обороты, становиться – самим и ближайшим подчинённым – предельно активными и мотивированными, либо уходить в отставку. И то, и другое – в обстановке крайнего нервного напряжения, вызванного внешней по отношению к корпорации силой.

Период перевода спецслужбы, начиная с её «верхних» руководителей, в наиболее активное состояние сопровождается сопротивлением структуры, её «вождей», иногда серьёзными выпадами в адрес тех, кто вознамерился погонять привыкших к привилегированной самостоятельности своенравных, самоуверенных генералов. Сопротивление в подобных ситуациях намного меньше, если процессом «разогрева» спецслужб занят один из бывших их руководителей, сам хорошо знающий и владеющий соответствующими технологиями.

Так в США было в ситуации с президентами Линдоном Джонсоном, Бушем-старшим, так было в СССР с Андроповым. «Укоренённость» упомянутых руководителей в генералитете спецслужб, их осведомлённость о работе, методах, средствах были таковы, что полностью исключали сколь-нибудь значимый саботаж, скрытое неповиновение со стороны кого-то из руководителей специальных ведомств.

Столь же впечатляющими могут быть результаты, если ведущую спецслужбу страны вдруг, по удачному стечению обстоятельств, возглавит человек с качествами серьёзного, зрелого политического лидера, осознающего свою ответственность перед государством.

В качестве примеров подобного рода (весьма редких в практике спецслужб) могут служить деятельность Гувера на посту руководителя ФБР США, да ещё может быть в определённой мере руководство КГБ СССР Л.П. Берия, немецким гестапо Гиммлером. Речь, понятное дело, не идёт о положительных оценках их политических убеждений, нравственных качеств – только об организационных способностях и умении выстроить работу возглавляемых спецслужб по важнейшим государственным приоритетам.

Одним из серьёзнейших раздражителей, способных создать устойчивую мотивацию работать с большим результатом на всех уровнях иерархий спецслужб, может стать агрессивная, наступательная и весьма результативная работа разведок неприятельских государств.

В настоящее время таким «раздражителем», по общему мнению, является израильская Моссад. Чему способствуют, конечно, и высокий профессионализм её сотрудников, и практически безграничные ресурсы, предоставляемые в её распоряжение, и обстоятельная, многогранная поддержка диаспор во всех странах мира.

А главное – стабильное, надёжное политическое прикрытие её деятельности, не уступающее тому, которое оказывало Политбюро ЦК КПСС всем видам деятельности ГКБ СССР, а руководящие партийные органы на местах – соответствующим подразделениям органов госбезопасности. Так, как это практикуется и сейчас в Китае.

Те же руководители спецслужб, которые не в состоянии организовать (пусть и не сразу – несколько погодя) адекватный отпор своим удачливым, результативным оппонентам, в силу ли личной недееспособности (такое случается, когда политические руководители волевым решением ставят во главе спецслужбы своих проверенных друзей, которые ранее такой работой не занимались), либо по причинам застарелых кадровых недостатков по «подбору, расстановке и воспитанию» сотрудников спецслужб, быстро завершают свою карьеру и переходят на тёплые места в корпорации, банки, в аппараты правительства и т. п.

Так что, арсенал средств для политиков для побуждения собственных спецслужб к более результативной работе всё-таки есть, хотя не богат разнообразием.

Сделать деятельность спецслужб более эффективной не означает вовсе превратить эти ведомства в рентабельные корпорации, приносящие исключительно прибыль, которую можно примерить и соотнести с затратами. Такое невозможно никогда и нигде по причинам крошечной «непрозрачности» спецслужб, воспроизводящих эти самые густые потёмки в своей деятельности, целенаправленно, профессионально и невозбранно с чьей-либо стороны.

Здесь, однако, придётся смириться даже самым оголтелым недругам спецслужб: шлюхи королей, царедворцев зарабатывают несоизмеримо больше портовых проституток, хотя и выполняют одну и ту же работу примерно на одном и том же качественном уровне, хотя и с разной интенсивностью «труда».

Причины вполне понятны и обоснованы: и подарок царственной особы должен быть

подобаящим, и цена обиды за плохое «обслуживание», иные прегрешения несопоставима (от разгневанного короля только синяком под глазом и выбитым зубом не отделаешься).

Примерно так же дело обстоит и с денежным содержанием спецслужб, в сопоставлении с обеспечением иных прочих чиновных структур, занятых весьма важной управленческой работой.

В случаях даже более важной, чем работа спецслужб деятельности (работа выдающихся учёных над проектом особо мощного оружия и т. п.) «расценки» оплаты вообще-то рутинных, обыденных (хотя и «специальных») «услуг» служб государственной безопасности будут всё равно выше: отыскать клад можно и в одиночку, но оберегать его потом, когда об этом будут все знать, придётся с помощью сложных, комбинированных систем охраны. И большого числа «сторожей», за которыми тоже глаз да глаз нужен. И очень дорогостоящих, требующих постоянных серьёзных трат, что вполне может привести в проеданию сокровища через определённое время, если не заниматься при этом ещё и каким-то весьма прибыльным промыслом.

Во многом точно так дело обстоит и со спецслужбами: там, где экономические интересы государства не получают поддержки надлежащей работой силовых ведомств по обеспечению безопасного предпринимательства, торговли за рубежами, сильная бездеятельная армия и сколь угодно мощные спецслужбы только истощают казну, висят тяжёлой гирей на шее общества.

Бесспорно, даже ставя социальную значимость, к примеру, энергетиков выше сотрудников спецслужб (учителя, университетская профессура располагается ещё выше в этом «табеле о рангах» среди категорий, занятых различными родами деятельности по жизнеобеспечению общества), следует осознавать существеннейшие отличия в характере их деятельности.

Если процессы выработки, транспортировки и потребления всех видов энергии носят непрерывный характер и столь же непрерывны усилия людей, обслуживающих энергетические технологии, то, понятное дело, совсем не так протекает и организована деятельность сотрудников спецслужб.

Если штабные, обслуживающие сотрудники привязаны к своим рабочим местам, то оперативный состав мотается, где ни попадя, включая рестораны, бордели, курортные пляжи. Или пробирается на джипах в джунглях на встречу с командирами партизан – повстанцев. Или пропадает ещё чётче где и чётче с кем. Отнюдь не всегда геройствуя, рискуя, часто и вовсе лодырничая и развлекаясь напропалую в рабочее время (естественно, не отражая это в служебных отчетах) без всяких последствий и для службы, и для государства и общества.

До поры – до времени, когда по сигналу тревоги надо будет собраться изрядными силами и навалиться на супостатов в лице ли чужих диверсантов – шпионов, в лице ли собственных диссидентов – оппозиционеров, злоумышляющих против режима и его надёж и опор. Как это постоянно бывало в своё время с княжескими дружинами: гуляли, бражничали, пока в очередной злой сече не оказались многие из них порубленными в куски.

Сейчас, правда, иные времена и большинство сотрудников спецслужб по рискам, сопряжённым с их деятельностью, сильно отстают не только от автогонщиков, парашютистов, врачей-эпидемиологов, но даже от тривиальных современных ковбоев, рубщиков мяса на рынках. Но сильная служебная «аритмия» осталась и пребудет по множеству обстоятельств, остались постоянно возникающие непредвиденные, нестандартные служебные ситуации, возникновение незнакомых враждебных факторов и многое другое, сохраняющее профессию во многом сродни путешествию в чужих лесах без карт и проводников.

В целом же, рискованности, готовности к жертвенности в процессе службы в органах безопасности изрядно поубавилось в отличие от современных профессий высоких рисков, а неосновательных самоуважения, претензий на особо высокий социальный статус и подобающие ему высокие же стандарты денежного и иного содержания – нет.

И благодаря своим позиционным преимуществам (теснейшая близость к главным властвующим лицам, к важнейшим центрам жизнеобеспечения общества), служебной предписанной функции находить и искоренять измену в державе (накопление компрометирующей информации по выбираемым по собственному усмотрению значимыми лицами государства и общества) спецслужбы без особого труда оказываются в состоянии понудить любые политические режимы изрядно им переплачивать, даже не прибегая к реальному шантажу кого-либо, а только намекая на такую возможность.

И такие преимущества дают возможность спецслужбам сохранять высокие стандарты потребления вне всякой зависимости от продуктивности своей деятельности. Что нередко на долгие годы становится привычным, и иная постановка вопроса воспринимается уже, как вызов, как некое даже оскорбление. Порождая порой нешуточное сопротивление, агрессию в адрес инициаторов критики и повышения требований.

Чаше всего победителями в таких изредка возникающих тревожных для элиты ситуациях выходят спецслужбы: разрозненным, даже высокопоставленным одиночкам всегда трудно противостоять частям регулярной армии.

Утешением здесь может быть, разве что, следующее соображение: как бы плохо ни работала та или иная спецслужба государства (а то и все вместе), одну важнейшую функцию она всегда исполняла хорошо – служила надёжным заповедником для селектирования и благополучного сохранения высшего уровня руководства – генералитета. А есть генералитет – любую спецслужбу можно развить до любых потребных размеров.

Кроме того, даже простое вполне бездеятельное существование спецслужбы (о том знают только очень немногие) уже выполняет функцию остережения, как, к примеру, вид спящей на пороге дома собаки: мало найдётся желающих в трезвом состоянии испытать её норы собственными ягодицами. Достаточно вполне и того, что такой пёс не кусает своих обитателей дома и не отнимает у них регулярно лучшие куски.

Но даже если это и так, то в диком краю, где шалят и разбойничают, а именно так всё обстоит в современной цивилизации с её нравами войны всех против всех, без сторожевых – дюжих и злых собак не обойтись. Кто на них пытается сэкономить, бывает обычно обобран.

Но если традиционно не очень преуспевающие и не сильно устремлённые к инициативам и наступательной тактике спецслужбы предпочитают для поддержания своего престижа и высокого статуса прибегать к выверенным пиар-акциям (создание славящих спецслужбы киносериалов, детективов, инициирование публикаций в СМИ и т. п.), взиманию умеренного негласного налога с имущих и властных в виде приемлемых привилегий, спонсорских выплат за лояльное отношение к шалостям в бизнесе и политике, то картина серьёзно меняется в случае с сильными, активными спецслужбами. И тогда почти патриархальная картина размеренной жизни социальной страты, группы, напоминающая плавное, спокойное течение реки, может перейти в бурный поток с водоворотами у речного переката.

Сильные спецслужбы, обладая обширной и наиболее полной, в сравнении с любыми другими государственными или общественными институтами (включая масонов, конфессиональные структуры), информацией о положении в стране, расстановке и влиянии различных политических, финансовых группировок, намерениями и реальными возможностями наиболее харизматических лидеров, сами становятся не только активными игроками в политической жизни страны, но и могут безраздельно доминировать в этих процессах.

И тогда либо руководители ведущих спецслужб сами стремятся возглавить государство, либо решительно и жёстко продвигают на высшие должности страны политиков, прочно и надёжно связанных со спецслужбами. Подобное положение сейчас сложилось в России, но не столько, правда, по причине силы спецслужб, сколько по крайней слабости политических партий, отсутствия надёжных политических традиций, достойных, способных лидеров.

Дело в таких ситуациях, как правило, не ограничивается активностью спецслужб

только в политике но и распространяется на сферу финансов, деятельность наиболее крупных и успешных корпораций в промышленности, энергетике, добывающих отраслях. Прежде всего, в вопросах увеличения доли спецслужб в идущих на распределение прибылях. Хорошо, если получаемые таким образом средства служат реализации политических целей государства через расширение материальных, иных ресурсных возможностей спецслужб внутри страны и за её пределами.

Но гораздо чаще имеет место иная ситуация – обретаемое в любых размерах традиционно идёт, в основном, на повышение стандартов потребления небольшой группы людей, чему, как известно, пределов никогда нет.

Спасение здесь только в том, что такое в истории любой страны случается очень не часто. Хотя бы потому, что элита и её формальные и неформальные структуры тщательно следят и при необходимости принимают упреждающие меры, чтобы подобное не произошло.

Но не всегда такое удаётся. Да и «семибоярщина» в любой её модификации никогда до добра не доводит ни страну, ни её элиту. Дело всегда сильно осложняется только тем, что, в отличие от домовладельцев, имеющих возможность выбирать вид и тип стерегущего зверя, властвующие политики получают его в виде неотъемлемого придатка к скипетру и короне.

5. Наиболее значимые мотивации, императивы спецслужб

Любая взрослая человеческая особь, прочно включённая в какой-либо вид, социально значимой жизнедеятельности, определяет наборы своих задач на рабочий день, дни недели, на более отдалённую перспективу, исходя, прежде всего, из жёстких установок своих руководителей, нужд собственного бизнеса, обязательств перед серьёзными партнёрами, либо по менее значимым основаниям, вроде шантажа прежних любовниц. И уж только потом – из собственных физиологических и прочих потребностей, предпочтений, либо просьб друзей – знакомых.

В промышленных, иных производственных корпорациях мотивации работников жёстко и чётко диктуются производственными задачами подразделений, в которых люди заняты.

Существует, правда, и множество некоторых отклонений от приведённой схемы: и на работе люди сплошь и рядом исхитряются заниматься блудом, несанкционированно скрытно попивать пиво-водочку, приворовывать, незаметно от начальства лоботрясничать и т. п. Но подобное сути дела особо не меняет, только несколько варьирует ситуацию.

Бесспорно, мотивации деятельности различных спецслужб отличаются своеобразием, но в целом вполне укладываются в описанные выше технологии о движущих мотивациях деятельности уровней иерархий спецслужб, их сотрудников; о наборах таких мотивах, очень трудно адекватно судить, ввиду их почти полного умолчания, а потому невозможно доподлинно знать, чего в целом можно ждать от спецслужб, на что надеяться, в какой мере следует доверять декларациям их руководителей, как и в какой мере идти с ними на взаимодействие.

Это имеет изрядное значение для очень многих людей ещё и потому, что спецслужбы – неотъемлемый элемент социального пейзажа всех современных обществ, как, к примеру, и сотрудник ГАИ на городских улицах. И очень немногие сколь-нибудь значимые люди могут рассчитывать прожить долгую и счастливую жизнь без соприкосновения со службами государственной безопасности по их инициативе или в силу того, что в некоторых видах действий их просто ни обойти, ни объехать.

Это тем более актуально, что во всё более сложных социально-политических условиях современности, постепенного разрастания глобальных механизмов управления экономиками, политикой, когда на диалог с институтами власти будет требоваться всё больше времени, а отпущенные сроки принятия решения, разрешения конфликтных ситуаций будут стремительно сокращаться. По каковым причинам будут всё более и более востребованы деловым миром услуги организованной преступности, а политиками – собственных спецслужб.

То есть, роль спецслужб, как органа оперативного (и радикального) воздействия на ситуацию оппонентов будет скорее всего только возрастать, а сами эти органы крепнуть технически и численно, превращаться в многофункциональных монстров, подобных НКВД СССР.

Наиболее радикально влиять на мотивацию, способы и средства «работы» спецслужб будут и «новации», именуемые ныне собирательным термином «международный терроризм». За которым уже ныне скрывается многое, но, прежде всего – всё более жёсткие формы противоборств разрастающихся схваток междоцивилизационной войны.

Для современной России это проявилось наиболее впечатляюще в трагедии «Норд-Оста», когда в столице были захвачены чеченскими боевиками около тысячи зрителей в заложники. Основная угроза этой беспрецедентной террористической акции заключалась в вызове дееспособности политического режима, авторитету его руководителей.

Попутно террористы явили обществу полную неспособность контрразведчиков даже в самой столице выявлять и реагировать на опасности на стадии их подготовки. Здесь же ещё раз проявилась продажность сотрудников органов внутренних дел, вкупе с их никудышной профессиональной деятельностью. Надо было спасать остатки уважения и доверия граждан к себе в целом и самой государственной власти.

Спасать любой ценой – угробили, только по официальным данным, почти каждого шестого заложника при их «освобождении». Но генералы и политики были рады и этому, бодро оправдывая такие потери тем, что могли погибнуть все. По итогам стало понятно, что для разрешения таких ситуаций нужно всячески укреплять спецназ органов госбезопасности и усиливать его мотивацию к решительным действиям в самих опасных ситуациях.

По скудным сведениям некоторых СМИ, участникам штурмовой группы театрального здания в той ситуации выплатили заранее по 100 тысяч долларов. Дело, безусловно, тогда того стоило. По нынешним временам обошлось даже недорого.

Вторым существенным мотивом в разрешении ситуации с «Норд-Остом» явилось желание продемонстрировать террористам, что к ним пощады не будет – были убиты все участники террористической акции. Из истории известно, что в плен не брали только в периоды самых жестоких, бескомпромиссных войн.

«Международный терроризм» оказался формой ведения именно такой войны – без фронтов, без локальных чётко очерченных театров военных действий. Одновременно обозначилась ещё и одна из основных составляющих третьей мировой войны – использование авиации, артиллерии, ракетных войск, использующих высокоточное оружие для уничтожения «инфраструктуры терроризма»: коммуникаций, штабов, баз, самих лидеров террористов.

Ещё одним «императивом» борьбы с терроризмом, как новой формой мировой войны, который жёстко «прописал» функции спецслужб, явилась необходимость контролировать мировой финансовый «трафик» с целью выявления и разрушения источников и каналов финансирования боевиков, их лидеров, их инфраструктур.

Таким образом, в сферу внимания спецслужб прочно и насовсем включены ныне все финансовые и банковские институты мира – самый лакомый, любимый и благодатный сектор деятельности.

Теперь практически каждый ресторатор-иноверец, иноземец в странах «цивилизованного мира» – потенциальный объект внимания спецслужб, как источник финансирования «террористов». Что безгранично расширяет возможности вмешательства сотрудников спецслужб в предпринимательскую деятельность любых иностранцев, даже если истинным мотивом такого рода вторжения будет тривиальный шантаж, вымогательство.

Конечно, некоторым образом это поможет вербовке информаторов в этнически замкнутых чужеродных общинах, но одновременно откроет канал нравственной деградации сотрудников спецслужб низших уровней через возможности безнаказанного мародёрства. Некоторым образом расширив и при этом возможности этнической организованной преступности для скупки услуг спецслужб страны пребывания.

Каков будет общий баланс такого нового сочетания личностных мотиваций сотрудников спецслужб «цивилизованных стран», вряд ли возможно сколь-нибудь определённо предугадать. Известно, что любая большая армия становится опасной и для собственной страны, если выделяется недостаточно ресурсов, чтобы её достойно содержать и личный состав вынужден сам понуждать население делиться средствами на своё содержание и увеселение.

Ещё одним важным «императивом» антитеррористической составляющей работы спецслужб является противостояние оппонентам в средствах массовой информации – как в своих странах, так и за их пределами. Известно, к примеру, что главный исламский телевизионный канал Аль-Джазира, регулярно используемый исламскими экстремистами для «работы» со своим населением, сумел «вписаться» в системы спутникового телевидения европейской цивилизации.

Теперь разворачивается подковёрная борьба спецслужб «развитых стран», чтобы полностью контролировать это важнейшее средство идеологического сопротивления цивилизационной войны. Что, скорее всего, сделать не удастся, учитывая внушительные финансовые ресурсы исламских государств, противостоящих европейской цивилизации. Но эта задача спецслужб и на данном конкретном участке и на тех, что будут появляться в обозримом будущем, останется одной из основных, заниматься которой политическая власть будет заставлять постоянно.

Если с электронными СМИ исламских стран западные спецслужбы в принципе совладать не мытьём, так катаньем ещё смогли бы, то в целом с мощной теологической системой нейролингвистического программирования исламского населения – вряд ли. По очень простой, но неустранимой причине: для этого пришлось бы закрыть все бесчисленные медресе – религиозные школы – хотя бы по всему арабскому миру. Которые в настоящее время вполне успешно воспроизводят религиозный фанатизм во всё возрастающих количествах.

Тому свидетельствует светский руководитель одного из исламских государств: «Медресе учат ненависти, а не религии, учат тому, что есть люди, которых надо ненавидеть, что есть люди, которых надо уничтожить».⁸

Объектом же самой сильной и неодолимыми источниками мотиваций деятельности спецслужб будет становиться скрытая агрессивная недружественная политика государств-оппонентов. Наиболее нелюбимыми почти всеми в мире ныне являются США и Россия, как правопреемница СССР.

Если первому не дают покою исламисты, политические режимы в Иране, Ираке, Сирии, Северной Корее, то Российской Федерации не столь болезненно, но достаточно обидно, плевками в лицо досаждают Грузия, Украина, страны Балтии. То есть, бывшие составляющие части СССР.

Противостояния вызовам нынешней сверхдержаве и бывшей советской империи во многом легло на плечи их спецслужб. Пока их усилиями, подкреплёнными в некоторых точках военными действиями армий, не удалось не только прекратить выпады, но даже сколь-нибудь заметно ослабить натиски противников.

Во многих случаях действия спецслужб пока только провоцируют разжигание старых и появление новых поводов для активной вражды. В точном соответствии с логикой любых противостояний: только враг не сломлен, сопротивление не прекратится.

Прекратить же сопротивление любого государства силами одних спецслужб мудрено: в подковёрных схватках, даже протекающих в форме терактов, диверсий, победы бывают только по очкам. А противоборства будут продолжаться до поры, пока вражда между странами не пройдёт, по причинам ли исчезновения кого-то из оппонентов, по

⁸ Хамид Карзай, президент Афганистана (из обращения к мировому сообществу с призывом ликвидировать все исламские духовные школы. Монреаль, 24 сентября) «Известия», 25.09.2006 г.

трансформации ли политического режима, по появлении ли иных обстоятельств, когда с бывшими врагами придётся срочно искать союза.

В изменившихся обстоятельствах могут радикально изменяться и императивы спецслужб. В противостояниях которых друг другу присутствует свои специфика: если, к примеру, военные стараются разнести врага, как можно скорее в пух и прах, не считаясь ни с чем, то спецслужбам приходится часто умерять свою прыть, быть всё время начеку. Хотя бы потому, что какая-нибудь недоброжелательная третья сторона может провернуть опасную провокационную акцию и свалить её на чужую голову, что вполне может спровоцировать настоящую войну. Потому, как бы ни было сильно давление политических велений, руководителям спецслужб действительно надлежит сохранять холодную голову, чтобы в иных ситуациях её не лишиться натурально.

Вечным жестоким императивом спецслужб является и недопустимость публичных скандалов с разоблачениями. Для их гашения, недопущения даже их возникновения, спецслужбы готовы идти на самые крайние меры. Известно, к примеру, что в процессе попыток расследования возможного участия американских спецслужб в убийстве президента США Дж. Кеннеди было убито в разное время более 130 потенциальных свидетелей.

И, хотя мировое общественное мнение осталось убеждённым, что это политическое убийство дело рук американских спецслужб, получить неоспоримых тому доказательств так никому и не удалось. Так что, даже в таком беспрецедентно сложном случае спецслужбы реализовали принцип обеспечения своей анонимности – соблюли один из основных законов своего специфического бытия.

Кроме названных выше (не всех) «нужд», определяющих основные «употребления» спецслужб, существует множество других мотиваций, более низкого, если можно так выразиться, уровня. Прежде всего, те, что движут действия самих руководителей спецслужб.

Несомненно, первейшими из таковых являются стремления явить себя руководителям государства, ближайшему своему окружению в качестве эффективного, в высшей степени профессионального, успешного руководителя. И в сравнении со своими предшественниками, а также с ныне здравствующими руководителями спецслужб – соперников. Чего одними охаиваниями, поношениями или оскорблениями своих оппонентов не достичь – нужны действительно выдающиеся результаты, победные акции, беспрецедентные, успешные новации в работе управляемой структуры.

У многих руководителей спецслужб это получалось, но только далеко не у всех. У последних в таких ситуациях появлялся ещё один властный мотив к действию – нужда убедительно имитировать выдающиеся результаты работы там, где их нет.

Одной из значимых мотиваций, серьёзным образом складывающейся на жизнедеятельности спецслужбы, почти постоянно является непреходящее опасение его руководителя интриг своих потенциальных преемников: внутри ли, вне ли собственной структуры.

Это сильнейшим образом влияет на атмосферу взаимоотношений с ближайшим окружением, внося изрядные доли недоверия, подозрительности, домыслов и упреждающих действий по вытеснению, дискредитации или удалению под благовидным предлогом наиболее замеченных в желании «подсидеть» шефа или хотя способных к этому. Для чего нередко употребляется обязательный комплекс традиционных разведывательных и контрразведывательных мероприятий с привлечением информаторов, использованием специальной техники слежения и т. п.

Подобные мотивации и всё, что они порождают, имеет место постоянно быть на всех практически без исключения уровнях управленческих иерархий спецслужбы (равно, как и во всех прочих иерархиях, включая и самые «мирные» – конфессиональные и т. п.).

В ходе скрытых соперничеств такого рода вполне могут быть осознанно инициированы отдельные провалы операций спецслужб, которые могут быть затем использованы в качестве основания для замены «виновных» руководителей. Либо организованы и осуществлены спецслужбами акции по дискредитации политиков, государственных деятелей, региональных

вельмож, чрезмерно активно продвигающих на руководящие должности в спецслужбах своих протеже.

Одной из сильнейших мотиваций для руководителей всех уровней иерархии спецслужб является необходимость поддерживать во взаимоотношениях с вышестоящим руководителем режим наибольшего благоприятствования, основанный на глубоком доверии, готовности оказать практически любую неформальную услугу личного характера, используя возможности возглавляемого структурного подразделения. Спектр «услуг» может быть весьма обширен: от помощи в добывании средств на строительство загородного дома, избавления родственника от уголовной ответственности, либо его впечатляющего трудоустройства, повышения по службе.

Но примерно в таких же взаимозависимостях (хотя и в менее выраженных формах и степенях) находятся практически все сотрудники спецслужб, обязательно имеющие каждый своего непосредственного начальника, обладающего и своим норовом, и своими пристрастиями, фобиями, нуждами. В целом это порождает в деятельности целой структуры постоянную составляющую неформального характера, суть которой – непрерывно понемногу или существенно одалживаться у множества разнообразных должностных лиц и корпоративных управленцев.

Естественно, в обмен на свои услуги сразу или в виде отложенного обязательства: кому-то надо помочь решить проблему с правоохранителями, кому-то снять напряжение с собственным начальством, кого-то предупредить о грозящей (или вымышленной) опасности, от кого-то отвести угрозу сатисфакции с чей-то стороны и т. п.

Какой объём рабочего времени, какой ресурс служебных возможностей на это регулярно растрачивается, не поддаётся никакому исчислению. Но то, что немало – не вызывает никаких сомнений. И тем больше – чем в более бедном и необустроенном обществе пребывает личный состав спецслужб.

Но личные нужды и порождаемые ими мотивации бывают не только у разнообразных руководителей спецслужб на всех уровнях, но и у всего личного состава. Что вполне позволяет допустить, что служебное время и усердие сотрудников спецслужб, по крайней мере, поровну делится между «личным и должностным». При условном допущении, что личное достигается, по крайней мере, не в ущерб служебным, государственным интересам. Что, скорее всего, и действительно имеет место – чувство меры присуще практически всем нормальным людям в любых сферах жизнедеятельности социума.

Во многом благодаря именно такому мотивированному неслужебными интересами взаимодействию личного состава спецслужб с «широкими народными массами» наиболее значимых людей социума в изрядной мере смягчается, «очеловечивается» довольно неуютная и жёсткая для многих «работа» спецслужб.

Но не для всех – с кого особо нечего взять, к тем и нет снисхождения: надо же за счёт кого-то и положительную статистику служебных результатов формировать. Для тех, кто может стать потенциальным объектом внимания и воздействия спецслужб, пусть это послужит стимулом к тому, чтобы по жизни не погрязать в мечтаниях и приятных досугах, а карьеру или деньги делать (лучше – и то, и другое одновременно, тем более, что такое легко сочетается). По крайней мере, будет, что предложить любым карателям-экзекуторам при любом неблагоприятном раскладе жизненных обстоятельств – для умиловливания.

Кроме того, в жизнедеятельности практически всего личного состава спецслужб (как оперативного, так и вспомогательного, обслуживающего) неустранимо присутствуют мотивы служебного поведения, имеющие происхождение из служебного соперничества и связанного с этим противоборства сотрудников друг с другом. Протекающих, правда, в неявной, неоглашаемой форме, но всегда каким-то образом сказывающейся не только на «окраске», но и на содержании служебных процессов.

Несмотря на расхожее мнение о том, что естественная состязательность в целом полезна для жизнедеятельности социумов, в «командных играх» (а деятельность спецслужб как раз и относится к высшим, наиболее сложным их видам) «внутрикомандные»

соперничества чаще всего только во вред. А потому особо не поощряемы, хотя и неустраимы.

В целом же подобные ущербы если и имеют место, то не носят заметного характера в силу одного весьма важного человеческого качества, особо развитого у людей достаточно образованных, а потому наиболее рациональных в практике межличностных отношений: осознанное и потому успешное следование житейскому принципу «худой мир лучше доброй ссоры». Хотя, возможно, многие при этом не знают закона деловой психологии, согласно которому в многосторонней сделке (случай командной игры), при строгом следовании разумным договорённостям, доход каждого участника равен или больше максимального выигрыша того, кто всех обхитрил в случае нечестного состязательного поведения «сторон».

Как правило, в выборе каждодневных целей служебной деятельности руководители и сотрудники спецслужб испытывают воздействие сразу нескольких мотиваций, переживают весьма обычное психологическое состояние борьбы мотивов. И хотя протекание этого скрытого внутреннего процесса всегда индивидуально, определяется важнейшими личностными качествами человека, несомненно, присутствуют весьма чёткие закономерности. Вполне поддающиеся некой классификации:

1. Как правило, при любом сочетании мотиваций преимущественно принимаются в расчёт те, что сопряжены с обеспечением личной безопасности и интересов собственной карьеры. Иное – разве что, в кинофильмах, спонсируемых соответствующими структурами спецслужб. Общее правило здесь таково, что чем выше занимаемая должность, тем меньше допускается личных рисков в принимаемых решениях.

А если необходимо-таки что-то весьма рискованное предпринять, то, как правило, оформляется это, как решение коллективного руководящего органа, опирающегося обязательно на такое же официальное решение коллективного политического, вроде Политбюро ЦК КПСС.

Умение избежать персональной ответственности и не принимать рискованных управленческих решений теми или иными руководителями спецслужб, как правило, вырабатывается у карьерной публики довольно быстро – помогают развитый инстинкт самосохранения, природная сообразительность. Те, у кого эти свойства слабо выражены, редко успешны в служебной карьере, часто «сгорают» на первых её ступенях.

Приёмов, способов снизить риски при принятии решений великое множество, пределы которым определяют только опасения зарекомендовать себя во мнении непосредственных руководителей нерешительным, трусоватым, малонадёжным подчинённым, на которого в трудную минуту невозможно рассчитывать. Те, кто чрезмерной осторожностью обрёл такую репутацию – карьерные покойники. А потому, опытный руководитель спецслужб так обрисует руководящему политику последствия резких решений, что тот сам будет настаивать на осторожных действиях.

В ситуациях, когда личной безопасности, карьере грозят серьёзнейшие опасности, должностное лицо спецслужб (как и в любых иных структурах власти, управления) не колеблётся, жертвует интересами корпорации. Иное – только, как исключение.

2. Вторым уровнем в иерархии мотивов является соблюдение интересов (безопасности, репутации, увеличения преимуществ и т. п.) всей спецслужбы во главе с её генералитетом. Если структуре угрожает сокращение штатов (в том числе и генеральских должностей), сужение сфер обслуживания, сопряжённое с сокращением финансирования, радикальное изменение приоритетов в работе, то, понятное дело, для предотвращения нежелательного развития событий мобилизуются все мыслимые ресурсы спецслужбы. Монолитное единство которой перед лицом общей опасности становится прочным в наибольшей степени, консолидированные действия – согласованными, как никогда.

3. Третьим в «табеле о рангах» приоритетности интересов руководителей и сотрудников спецслужб в подавляющем большинстве случаев являются, наравне с частными, личными интересами, и обычные служебные. Причём, дело почти всегда обстоит так: занимаясь должностными обязанностями, сотрудники выбирают такой план, «рисунок»

действий, чтобы личные интересы могли быть реализованы наилучше и наиболее полно.

Уличить здесь практически невозможно обосновать мотивы совершённых служебных поступков по силам даже сообразительному подростку, и уж тем более нетрудно это сделать опытному профессионалу. В худшем случае недовольный начальник может накричать, обругать, оскорбить нелестными эпитетами, а то и вовсе матерно. Но в мире серьёзных структур ругань командиров переносится относительно легко: «Брань на воротах не виснет».

4. Предпоследними в ряду значимых мотиваций сотрудников спецслужб являются просьбы коллег, сослуживцев из других подразделений, правоохранительных органов. Обмен служебными услугами всегда очень серьёзная сфера служебных взаимодействий, пренебрегать которой – себе в убыток: никто не знает, кто кому будет нужнее уже в ближайшем будущем. А потому выполненная просьба сослуживца – почти, как его долговая расписка, то есть, вполне реальное «платёжное» средство.

Случаются и здесь «отклонения от нормы», но репутация необязательного человека в рабочем коллективе и за его пределами столь же убыточна, как и лёгкая хромота для профессионального чечётчника.

5. Последними в ряду работающих мотиваций являются ничем не обеспеченные, но настойчивые просьбы родственников, досужих друзей, пренебрежение которыми неизбежно порождает обиды, осложняет семейные или старые дружеские отношения.

Так что, пусть и неохотно, после нескольких напоминаний, некоторые просьбы трансформируются в какие-то служебные действия, входят составной частью в общую лавину деятельности спецслужбы – добавляя или убавляя что-то в результатах работы сотрудников на себя или на государство.

«Равнодействующая» сложения разнообразных мотивов, с учётом их перечисленных приоритетов, есть нечто весьма постоянное для каждого руководителя и сотрудника спецслужб. И зависит, как уже упоминалось, от уровня занимаемой должности, личных качеств, наличия или отсутствия (предпенсионный период) служебных перспектив и ряда других обстоятельств.

Если на высших управленческих уровнях преобладающими мотивами устойчиво остаются кланово-дружеские групповые интересы командного слоя, то на низших – лейтенантских – уровнях бесспорно доминируют, как раз служебные мотивации, определяемые приказами и указаниями непосредственных начальников, которым в свою очередь, определяют цели их начальники, но на более долгосрочную перспективу.

Как складываются совокупные устремления руководителей и сотрудников в общую «равнодействующую» спецслужбы, куда она в итоге бывает направлена, как во времени меняется её масштаб и направление – могут судить более-менее достоверно только те госдеятели, кто пытается использовать спецслужбы в качестве монтёрки или своеобразной фомки для решения очередной державной проблемы (или не очень державной, а то и вовсе семейно-клановой).

Но одна составляющая в «равнодействующей» любой спецслужбы всегда обязательна – обеспечение нужд, как всей корпорации в целом, так и в отдельности каждого её сотрудника. Естественно, не в равных долях, а кому, как удаётся «конвертировать» в обретения свои служебные связи.

В этом смысле любая спецслужба ничем принципиально не отличается от любого иного чиновного ведомства, всякое из которых всегда, прежде всего – способ самообеспечения «управленцев», причём, по значительно более высоким, чем среднестатистические, стандартам потребления.

И только во вторую или даже в третью-четвёртую очередь, это орган власти или управления в какой-либо сфере жизнедеятельности.

В периоды социальных нестабильностей, опасностей спецслужбы, как и всякие иные учреждения и ведомства, спасают прежде всего себя, в подвергаемых трансформациям спецслужбах руководители и сотрудники стараются спасти так же прежде всего свои карьеры, блага, и уж только потом – блюсти интересы государства и общества. Естественно,

не потому, что в спецслужбах собираются самые матёрые эгоисты и себялюбцы – такова естественная реакция всех здравых «среднестатистических» людей во всех мыслимых социальных ролях.

Различие только в том, что, в силу лучшей организованности и мобилизационной готовности, у спецслужб решение их собственных проблем удаётся лучше, продуктивнее. В ущерб, естественно, слабо или вовсе неорганизованным социальным группам и слоям.

Спецслужбы, как и все прочие чиновные, служивые корпорации, не имеют механизмов умерения, ограничения безудержного стремления наращивать свои потребления, ибо, в точном соответствии с законами социальной психологии, смотрят и сравнивают себя только с наиболее преуспевшими социальными группами, а не аутсайдерами. И никогда не оглядываются вниз, чтобы определить размеры запасов, из которых всё черпают для себя только возможно больше.

Так и возник великий, дикий голодомор в России 30-х годов прошлого века, когда органы власти и политического управления с помощью НКВД в ходе продразвёрсток обеспечили выживание наиболее значимым группам городского населения, дотла разорив хозяйства громадных сельских территорий, бросив людей умирать миллионами.⁹

В итоге можно сделать выводы, что основные мотивы, определяющие деятельность, как отдельного сотрудника, так и всей спецслужбы проистекают в большей мере из инстинктов человека, нежели официальных законов. И уж совсем почти не имеют отношения к общественной морали, нравственности, как таковой.

В деятельности, мотивированной инстинктами деятельности спецслужб, всё жестоко подчинено принципу: «Целесообразность выше закона». Любого – Божеского и человеческого (писаного или в виде обычая), нравственного, юридического. Потому, в практике противоборств спецслужб любая нравственная подлость, гнусность, приводящая к успеху – только тонкий, удачный тактический приём.

Как и в обычной современной открытой войне, которые достаточно быстро прекращаются и войска возвращаются к обычной жизни, где хотя бы в некоторой части работает нравственный кодекс религиозного или просто совестливого человека. А также кодекс воинской чести, основы которого сведены в известной книге «Путь воина».

Жизнедеятельность же спецслужб не прекращается никогда, и их личный состав вынужден жить по законам «военного времени». Беспрерывно. Но при этом, постоянно прибегая к социальной мимикрии, чтобы выглядеть в мотивации своих поступков в глазах обычных окружающих людей в качестве хотя бы практически приемлемо нравственного человека. То есть, постоянно пребывая в тяжелейшем для психики состоянии раздвоения личности.

Для обычных карьерных безнравственных честолюбивцев такая раздвоенность особых стеснений не приносит: они остаются всегда верными модели целесообразного, наиболее выгодного в данный момент служебного поведения, по привычке легко изменяя свою социальную окраску при переходе из одной ситуации взаимодействий к другой.

Но таковыми являются далеко не все сотрудники спецслужб. Более интеллектуально и нравственно развитые из них практически постоянно пребывают в состоянии весьма сильного душевного дискомфорта, обостряющегося временами до острейших переживаний. Что нередко приводит к болезням, запоям, даже в иных случаях к уходу из спецслужб под каким-либо благовидным предлогом. Или даже по негласной инициативе собственных начальников, которым всегда видна сложившаяся внутренняя драма сотрудника, при которой он становится не только малонадёжным в работе, но и определённым образом уже опасен в особо деликатных ситуациях.

Такие сотрудники, не сумевшие подавить в себе нравственные мотивации, крайне

⁹ Очень интересное мнение авторов об этом времени совсем не совпадает с тем, что пишет проф. Столешников А.П. в книге «Реабилитации не будет или Анти-Архипелаг». ссылаясь на многочисленные документы. – Д.Б.

нежелательны ещё и тем, что в состоянии передать свои нравственные «вирусы», порождающие глубокие сомнения в правильности или допустимости совершаемых действий, молодым сотрудникам. Что, безусловно, создаёт серьёзную угрозу поддержанию чёткой исполнительской дисциплины, подобной той, что присуща структурам организованной преступности.

Безусловно, люди нравственно состоятельные в спецслужбах нужны и весьма, но только, так сказать, со специфической, «компактной» нравственностью: и чтоб друг друга не обманывали, не подставляли под жизненные катки, и чтоб начальство воспринимали, как элемент системы упорядочивания мирового хаоса, а не как объект, который лучше держать за болвана. И ещё кое-что по мелочи, вроде необходимости блюсти правила приличия в общественных местах, при соприкосновении со СМИ, не уклоняться от работы с бой-скаутами и др.

Но управляемая, снабженчески-бытовая, пригодная для бизнеса нравственность – эфемерный сдерживающий фактор даже во взаимоотношениях для «внутреннего употребления» в среде спецслужб: в ситуациях жестоких внутрикорпоративных противоборств все мгновенно переходят на законы военного времени, отменяющие все законы вообще.

И тогда любая нравственно-религиозная мотивация надолго уходит в отпуск «до востребования» (которого может не наступить вообще при жизни здравствующего поколения сотрудников спецслужб). Что никак не может не сказаться на ухудшениях работы органов госбезопасности.

6. Спецслужбы и государственные интересы

Каков бы ни был КПД спецслужбы, но в той части её усилий, которая идёт на какую-то полезную работу, они пытаются защитить и продвигать государственные интересы. По мере умения, коллективного мастерства, способностей разработчиков «закручивать» и вести разнообразные интриги с произвольными наборами участников и обстоятельств.

Как это предположительно может быть – явлено в тысячах и тысячах киносюжетов, детективных романов. Как было в действительности – вечная, глубокая тайна архивов особой государственной важности. Скорее всего, отнюдь не по причинам суперсложных, гениальных организационных и технико-технологических находок. Но по иным основаниям. К примеру, таким:

– Чтоб, не дай Бог, население недружественных государств не узнало, что целый ряд их именитейших семейств, чьи прославленные отпрыски «вписали яркие страницы в историю человечества», на протяжении многих поколений получали серьёзную финансовую помощь от зарубежных спецслужб в обмен на проведение дружественной государственной политики.

– Чтоб не стало известно широкой публике, валом ломящейся на всевозможные сериалы об агенте «007» и его «коллегах», что сокрушительные победы разведок приходят из унитазов, анализ образов содержания которых после посещений важными персонажами, позволял правильно рассчитать сроки смены политического режима и его главных столпов.

– Чтоб не стало известно элитам ведущих держав, что победу в какой-то «горячей» или «холодной» войне удалось одержать отнюдь не благодаря блестящей работе вражеских спецслужб, а случайному, никем не инициированному проскальзыванию на высшую должность страны бессодержательному, пустому лицедею. Который, в большинстве случаев, несколькими дельными предложениями умных «думских дьяков» обязательно предпочтёт собственное – единственное ошибочное соображение.

– Чтоб политикам не стало известно, что политическое поражение страны в каком-либо вопросе состоялось благодаря неверным расчётам и действиям собственных спецслужб. А также и для того, чтобы те же политики не узнали, что очередная удача свалилась на них вообще без усилий их спецслужб, но только благодаря случайному стечению обстоятельств.

– Чтоб первые лица государств не смогли установить, что затраты на небольшую

победу спецслужб вполне могло хватить на большую победную войну с изрядными обречениями. А также то, что следствием небольшой победы спецслужб станут уже в ближайшее время такие неблагоприятные события, которые сметут от власти нынешнюю правящую партию и всех поставленных её министров во главе с премьером.

— Чтоб ни общественность, ни господствующий клан не узнали, что руководство спецслужб умышленно не довело до сведения политических руководителей важнейшую оперативную информацию о грозящих неприятностях с целью обрушить правящий режим. Без всяких рисков: ведь важную информацию надлежит проверять и перепроверять. Сколько на это нужно времени — Богу одному ведомо. Конечно, режим глухой секретности всего, что связано с деятельностью спецслужб, нужен и для защиты важнейших государственных секретов, для сокрытия источников информации спецслужб, убережения ценных агентов влияния. Но в не меньшей мере — для защиты самих спецслужб, проворонивших государственные интересы, пренебрегших ими во имя сохранения своих корпоративных интересов, во избежание ответственности за просчёты в работе и т. п.

Так что, уже при обеспечении первейшего государственного интереса — убережения государственных секретов, тайн — спецслужбы достаточно успешно оборачивают это в немалой мере и себе на пользу.

Если считать спецслужбы главнейшими институтами государства, то такая постановка дела вполне оправдана. При любой иной трактовке такое положение, скорее всего, следует толковать, как своего рода злоупотребление служебным положением. Которое не только не следует поощрять, но надлежит всячески искоренять. По возможности, естественно, без искоренения или реформирования самих спецслужб.

В числе бесспорной основной составляющей совокупного государственного интереса повсеместно является экономическое благополучие, процветание любого общества. Которое трактуется различными политическими, деловыми, финансовыми группировками, специалистами, чиновными структурами часто, как Господь на душу положит.

При этом получается так, что всякий толкователь полагает, что именно его ведомство решает проблему наилучшим образом. К примеру, ободрали государственные фискалы налогами «сверх плана» средний и мелкий бизнес — укрепили финансы государства.

Получили прибыль вопреки неблагоприятным прогнозам — считают, что общество стало богаче, даже если разорили при этом изрядное число бизнесменов. А то, что эти сверхприбытки переведены в зарубежные банки и работает в иных экономических балаганах, уже не учитывается.

Возросли непомерно траты «элит» на предметы суперроскоши, но сложенные с увеличившимися расходами на потребление бедных слоёв населения дали заметный прирост потребления товаров — политики и правительственные чины громогласно вещают о возросшем уровне благосостояния общества.

Выросли инвестиции в нефтегазовую добывающую промышленность при полном отсутствии финансовых поступлений на реализацию проектов в сфере высоких технологий — опять же под фанфары, оповещают население об инвестиционном буме. Который практически скрывает деградацию экономики.

Военные, наращивая ядерный потенциал войны, оснащаясь всё более дорогой военной техникой, утверждают, что они укрепляют военную мощь страны, демонстрируя её экономическое могущество.

Умалчивая то неафишируемое обстоятельство, что безмерно дорогая гонка вооружений в условиях, когда армия не захватывает новые рынки сырья и сбыта продукции, сродни сжиганию в местах добычи открытым пламенем большей части нефти и газа. Но при этом «процветает» и «оборонная промышленность», военная наука, исследовательские институты и конструкторские бюро (как это было в СССР на фоне прозябающих образования, здравоохранения).

Забота спецслужб об экономическом благополучии государства и общества часто тоже бывает сродни укреплению «оборонного могущества Родины»: чем успешнее зарубежные

операции спецслужб по приведению к власти в нужных ареалах «дружественных» политических режимов, тем яростнее и затратнее попытки оппонентов взять реванш, тем дорогостоящей становится даже простое удержание «успехов».

И каждый последующий впечатляющий успех какой-либо из противоборствующих спецслужб – прежде всего только повод для новых ассигнований на всё более дорогие и масштабные «мероприятия» органов госбезопасности по отражению возросшей «опасности».

При этом «экономическое благополучие» населения в виде ли благоустроенного жилья, доброкачественного образования или здравоохранения может долгие десятилетия отдыхать. В обмен на эфемерное чувство уверенности гарантированной защищённости от происков тёмных «вражьих сил» – шпионов, диверсантов, а теперь ещё – и террористов.

При безусловном, реальном укреплении инфраструктуры спецслужб, их численности, экипировке современной техникой. При естественном возрастании численности генералитета спецслужб, его укоренённости и влияния в «элитах» социумов. А раз есть в обществе даже не очень многочисленные, но очень благополучные и состоятельные группы, то есть, кому и настойчиво повторять по всем СМИ о наступлении в государстве эры благоденствия.

Прикормленным же спецслужбам надлежит при этом бдительно следить и своевременно пресекать попытки сказать публично нечто противоположное. В СССР такие «отщепенцы» именовались «антисоветчиками» и преследовались КГБ в уголовном порядке. Так что, спецслужбы, хотя ничего особого и не делают (кроме изрядного облегчения бюджета на свои нужды) для экономического процветания общества, но племя разрушителей навеянных пропагандой иллюзий о всеобщем благоденствии изводят вполне успешно.

Ко всеобщему удовлетворению власть придерживающих в любых обществах. Логика здесь присутствует вполне: если мне хорошо, значит надо чтобы никто ничего в этой хорошесть не менял. Так и пребудет.

А вот вычленив и защитить от всевозможных злобных оппонентов истинно полезных экономике общества политиков, государственных деятелей, учёных, успешных бизнесменов – задача не для спецслужб: личных и корпоративных дивидендов никаких, хлопот куча, шансы успешно справиться с задачей невелики. Если, конечно, кто-то из действительно выдающихся людей не находится под опекой первых чинов государства.

Посему генерация лиц, особо полезных экономике государства, спецслужбами практически никак не защищена и всё, что происходит трагического с ними, списывается на хулиганов, случайное стечение обстоятельств. Точно так же дело обстоит и со всеми прочими категориями наиболее продуктивных для общества лиц. Несмотря на очевидное истинное богатство любого общества – образованные, одарённые люди, устремлённые служить делу, обществу, отечеству и цивилизации в целом.

Но для спецслужб такая постановка – пустой звук. Такой подход – ещё и опасен: исходя из интересов общества и государства спецслужбам надлежит убирать из структур власти, правоохранения и финансов многих уродов, которых по статусу (а не по пользе) приходится охранять. А это уже совершенно иная, потусторонняя для спецслужб мотивация.

Отдельные эпизоды реализации такого подхода могут вполне трактоваться, как должностное преступление с соответствующими последствиями для подвижников новой модели поведения спецслужб. Преобладающий в спецслужбах, как и во всех прочих корпорациях, карьерный люд никогда не стремится служить общей пользе, а только тем персоналиям, кто в состоянии впечатляюще поощрить за усердие. Даже если эти особи сугубо вредны государству и обществу.

А если буде кто-то из общественно полезных людей станет на пути тех, кого опекают сотрудники спецслужб, то будет смят «органами» без всякой оглядки на его объективную полезность государству. Ещё хуже в этом отношении обстоит дело с органами внутренних дел, прокуратурой: правоохранительная машина не хуже камнедробилки бездумно перемалывает всякого, кто попал на её конвейер и не в состоянии откупиться или защититься связями.

Качество управления государством и обществом самым непосредственным образом зависит от наличия высоких личностных (деловых, мировоззренческих, нравственно-духовных) характеристик у большинства людей, наполняющих структуры власти и управления государства.

Формально в современных обществах в основе селектирования управленческих кадров в госструктуры лежат выборные процедуры, реализуемые с участием политических партий и общественных организаций. В СССР это дело было сосредоточено в руках одной – правящей – политической партии КПСС. Во многих западных странах традиционно кадровая политика государства находится неформально, но вполне устойчиво и надёжно в руках масонов – одной из основных форм скрытого структурирования традиционных элит.

Казалось бы именно здесь и должно быть одно из главных направлений деятельности спецслужб по защите государственных интересов. Именно так оно и декларируется. Но получается на практике нечто совсем другое. И только оно. Бесспорно открытых врагов страны, да и некоторых замаскированных супостатов спецслужбы по их делишкам углядят и остановят перед шлагбаумом на въезде в зону власти.

Но, в основном то, что делают спецслужбы, «фильтруя» на разный манер кадровые потоки державы, приводит, в лучшем случае, к кадровой стагнации, а обычно – к стабильному неуклонному (хотя и не стремительному) снижению качества кадрового состава в структурах власти.

Прежде всего, тем, что привычно истово, беспрерывно, где только возможно проталкивают, пропихивают на любые хоть сколь-нибудь денежные, значимые должности свою многочисленную родню, друзей, знакомых, нисколько не сообразуясь с соответствием их хотя бы некоторых деловых качеств стандартным должностным требованиям по профессиональной подготовке, организационным способностям.

Единственное, что безусловно в такой ситуации наличествует положительного – среди этой категории «опоры и надежды» общества низок процент алкоголиков, наркоманов, состоявшихся уголовников. А вот уровень предрасположенности к коррумпированию, пожалуй, самый высокий – блатной народ ломится к жизненному успеху в любом месте, любой ценой с удесятерённой энергией.

Вообще-то любая кадровая политика в любом социуме – совершенно не похожа на какую-то стройную, концептуально содержательную деятельность по разумному, последовательному отбору наиболее одарённых, способных, наилучше образованных для исполнения определённых властнораспорядительных, координирующих функций. Даже в тех обществах, где этой работой занимались наиболее организованно, системно, как это практиковал партийный аппарат КПСС в СССР.

Как правило, подбор кадров более-менее объективно, толково, даже в чём-то научно организован в любых структурах только при первичном наборе на низшие уровни социальных иерархий. Когда формируется «первичный» кадровый массив, из которого потом будут «выдвигать» наиболее приемлемых на более высокие «руководящие уровни».

К примеру, на первый курс высшего военного училища бронетанковых войск с кучей безродных зачисляют и подросших детей генералов и маршалов. И всем доподлинно известно заранее, что отпрыск большого военачальника скорее всего закончит военную карьеру в Генеральном штабе многозвёздным генералом, а его безродные сокурсники в большинстве – майорами и подполковниками в захолустных гарнизонах, побывав до того во всех сущих «горячих точках».

И подобное происходит по всем каналам вертикальной социальной канализации – за каждое значимое место для своих детей, подельников, друзей, единомышленников бьются семейные кланы со всей мощью совокупных значимых связей, разнородные неформальные группы – от собутыльников, завсегдатаев гей-клубов, до членов масонских лож, элитарных клубов, партий и т. п.

И в этих свалках, интригах, провокациях никто и никогда не принимает в расчёт более высокие деловые и профессиональные качества претендентов, действуя исключительно в

рамках мотивации «свой-чужой»: любого «своего» надо продвигать (будь он хоть одноглаз и криворук), любого «чужого» – гасить всеми мыслимыми способами и средствами.

Мотив всегда прост и прям, как оглобля: более высокая должность позволяет распоряжаться (в том числе и для себя лично) более впечатляющими человеческими и прочими ресурсами, предполагает более серьёзные властные полномочия, которые в некоторой части могут быть использованы во благо семьи, клана, ложи, ордена, партийной группировки и т. п.

И чем ближе уровень должности к верхним «этажам» иерархии – тем серьёзнее и беспощаднее схватки всё более мощных заинтересованных неформальных групп. Итогом чего всегда является выдвижение на самые значимые должности по преимуществу только клановых, своекорыстных, весьма посредственных особей, лишённых не только многих качеств руководителей, но, что ещё хуже – внутренней идеи служения на благо дела, государства, общества.

Потому повсеместно качество отправления множества управленческих функций невысокое, отношение властвующих к населению в лучшем случае равнодушное, а предрасположенности к злоупотреблениям служебным положением, коррупции – наивысшие.

Именно через эту уродливую, дику, стихийную «систему» формирования кадрового корпуса власти и управления государством и обществом воспроизводится из поколения в поколение все известные ущерб, недостатки государственного управления.

Спецслужбы в этом не только никакие не исключения, но наоборот – самые активные проводники такой «технологии»: и, как держатели и пользователи разнообразных «компромагов» на неугодных, «не своих» кандидатов на выдвижения, как умелые технологи по дискредитации «чужих» и рекламированию обладателей, пусть и худших качествами, но своих.

Изобилие своих разнообразных «агентов влияния», родственников сотрудников и руководителей спецслужб, их натуральных агентов в структурах власти и управления позволяет органам государственной безопасности не только быть хорошо осведомлёнными о ситуациях и процессах в структурах власти и управления, но и активно влиять на них в нужном спецслужбам направлении.

Что было бы весьма неплохо, если бы не некоторые досадные обстоятельства: спецслужбы по своему изначальному замыслу совершенно не предназначены (а потому полностью непригодны) для выработки доброкачественных, эффективных концепций структурирования, развития социумов, а приспособлены только для «регулированию» весьма специфических процессов в них.

И даже если иные руководители спецслужб оказываются достаточно подготовлены мировоззренчески, являются носителями какой-либо выдающейся социальной концепции, то и тогда они во имя этого могут только выделить и поддержать политическую карьеру наиболее близких по духу и идеям политиков, блокируя одновременно их наиболее ярых оппонентов. Да и то только скрытно, исподволь, в точном соответствии с общегосударственными установками не участвовать (вместе с работниками правоохранительных органов) ни в каких политических партиях, движениях.

Посему весь мощный потенциал «органов» по воздействию на структуры власти и управления государством концептуально бесполезен, не может быть востребован для реализации значимых для нации проектов. Традиционно используется только на локальные, утилитарные цели, большей частью проистекающие из корпоративных или клановых интересов руководителей спецслужб. Которые традиционно сосредотачиваются на расширении зон своего влияния, обретении полномочий, новых возможностей, повышению уровня благосостояния отдельных категорий сотрудников спецслужб.

В таком положении вещей есть и определённые преимущества, некоторая страховка от желающих сильно и опасно экспериментировать с обществом. Известно, к примеру, что убийство российского премьера Столыпина, произошедшее, по крайней мере, при

осознанном неучастии спецслужб, решило, вероятно, какие-то острые проблемы для монархии, но послужило, по общему мнению российских историков, скорому и сокрушительному краху царизма. И так – в большинстве известных случаев, когда исторические события совершались при участии или патронаже спецслужб.

Одним словом, несмотря на обширность возможностей и сложность структур спецслужб, их присутствие практически во всех сферах жизнедеятельности социумов, полноценно функционировать в качестве центров национальной координации они не могут, хотя отдельные проекты им вполне по плечу. Даже когда спецслужбы вступают в сговор с военными, через военный переворот приходят к власти и начинают военными и спецслужбовскими средствами управлять страной, очень редко когда из этого получается что-то путное, долгосрочное, вроде режима Франко в Испании.

К тому же социумы тяжело отходят от режимов диктатур – слишком не совпадают представления о том, что хорошо, а что плохо и как одного достичь, а другого избежать у людей в погонах, с лампасами и у большинства остальных прочих граждан.

И вовсе не потому, что военная логика, мышление слишком прямолинейны и упрощены, а скорее в силу иного обстоятельства: в отличие от вождей средневекового и более ранних периодов, которым приходилось управлять своими странами, находясь во главе своих дружин в доспехах и с мечом в руках, нынешние военачальники предпочитают перекладывать почти все риски войн на подчинённых, оставаясь сами в достаточно безопасных, командных бункерах.

Принимаясь править государствами, социумами нынешние военные полководцы, остаются верны этому принципу, для пущей надёжности открывая секретные солидные счета в зарубежных банках. Да и подчинённым сотрудникам спецслужб необременительные думы о державных нуждах ничуть не мешают в полную меру наличных возможностей работать на свой личный интерес в составе достаточно разветвлённых групп сослуживцев и иных полезных поделельников.

А потому на выходе общий итог усилий «по обеспечению государственных интересов» бывает чаще всего неразлично мал и приходится населению предлагать сильные средства в виде телевидения, других СМИ, чтобы размеры блохи стали хотя бы величиной в кошку. О том, что при этом реально обрели для себя в целом все сотрудники спецслужб даже представить невозможно: уж что-что, а скрыть то, от каких общественных пирогов при этом все их обретения были откушены, их учить не надо.

В одном здесь можно быть уверенными – Робин Гудов среди них нет и в помине, а потому берут всё то, до чего могут дотянуться. Потому и стремятся «обеспечивать безопасность» прежде всего того, что особенно ценно, где больше всего циркулирует денег:

«Специальные финансовые фондовые коммуникации – сфера охраны и защиты секретной коммерческой информации. Если чудом уцелевшие её реликты так или иначе контролируются ФСБ и ФАПСИ в государственном секторе экономики, то такой контроль в частных структурах пока только налаживается. За частными банками и фондами нужен глаз да глаз. Президентский. Спецслужбы, в том числе президентские, не могут остаться в стороне».¹⁰

При таком солидном обосновании необходимости (обязательности) здесь контроля спецслужб вполне логично и её успешная реализация: во всех нынешних коммерческих (о других даже не речь) банках службы безопасности возглавляют бывшие сотрудники спецслужб, не утрачивающие связи со своими «конторами».

Уровень обеспечения безопасности банковской деятельности, правда, выдающимся от этого не стал – в городских метро, пригородных электричках, на сайтах без труда и незадорого можно приобрести сведения, составляющие коммерческую тайну целых

¹⁰ Таймураз Мамаладзе. «О вновь назначенном Егорове и дополненном Рогозине», «Известия», 19.08.1995 г.

банковских консорциумов.

Но зато вся генерация новых банковских «секьюрити» ездит по преимуществу на «Лексусах», обедают только в дорогих ресторанах с хорошей репутацией, не менее впечатляющи и другие атрибуты их бытоустройства, сохраняя устойчивую тенденцию к постоянному улучшению при любом состоянии дел в банковской сфере и экономике страны в целом.

Но таково завидное обустройство не только «бывших», но и действующих сотрудников и руководителей спецслужб, без тесного взаимодействия с которыми «бывшие» сами по себе мало что значат, мало что могут. А взаимодействие означает, прежде всего, делёж всевозможными прибылями по полной программе.

Сама же банковская «индустрия» – главный инструмент регулирования и распределения финансовых денежных потоков государства и общества – является, несмотря ни на что, одной из безопасных сфер жизнедеятельности, участия в работе которой гарантирует сотрудникам спецслужб одни из самых высоких уровней прибылей в обществе при минимальных личных рисках.

После распада СССР, спецслужбы которого были весьма многочисленны (в бывшей ГДР, к примеру, на примерно 17 миллионов жителей приходилось около 100 тысяч сотрудников одной только «Штази»), образовалось (и ныне постоянно пополняется всё новыми «отставниками») такое количество «бывших», что участие спецслужб «в подборе, расстановке и воспитании кадров» для государственных структур свелось практически к трудоустройству множеств своих бывших сотрудников, число которых традиционно превышает количество значимых вакансий.

Ну, а если удалось (что бывает практически всегда и повсеместно) прилично пристроить своих бывших коллег на «грибные» места и с их помощью поднять негласно уровень благосостояния действующих сотрудников спецслужб, то развернуть эту рыхлую, хорошо накормленную структуру с преимущественно горизонтальными неслужебными связями на реализацию какой-либо мировоззренчески состоятельной социальной концепции более чем проблематично.

Обратное утверждение – скорее всего, элемент саморекламы, даже в изложении весьма добросовестных, но малосведущих о предмете авторов. Примером чему может служить одна из статей публицистов, именующих себя «Внутренний предиктор СССР» и озаглавленная «Прогностика и программирование будущего в самоуправлении общества. Мнимое и истинное место спецслужб», где в частности утверждается:

«Ссылаясь на опубликованный в «Совершенно секретно» прогноз, «СПб ведомости» его поясняют, что в событиях 1917 г. и последующих в России была значительная составляющая мистификации – стратегической игры в поддавки со стороны разведки генерального штаба России против третьего отделения собственной «его величества канцелярии», сотрудники которого забыли о национальных интересах России и были переиграны в секретных операциях регулярным масонством Запада.

Разведка Генштаба, подыгрывая регулярному масонству лучше всего контролировала партию большевиков и привела её к власти. После чего занялась некоторой чисткой правящей партии от ставленников своих оппонентов. Разведке Генштаба удалось сохранить царскую семью, а упоминаемый в «Совершенно секретно» Романов-Дальский – претендент на царствование под именем Николая III – прямой потомок Николая II, умершего своей смертью от инсульта в 1921 г. и похороненного с почестями, как частное лицо.

Везде были свои российские разведчики: в частности М.В. Фрунзе и некоторые другие, кого принято было считать все годы советской власти выходцами из народа, по сообщению этой публикации, получили систематическое разностороннее образование в системе Генштаба российской империи, Советский Союз управлялся профессионалами, возвращёнными Разведкой Генштаба. Деникин, Колчак и прочие лидеры белого движения названы неудачниками, которых по разным причинам не пригласили для участия во властных структурах «большевистской» России. В советский период истории Генштаб и его

разведка так и остались сами собой, а ВЧК-КГБ вобрали в себя космополитов – масонов, глобалистов, продолжая традиции Третьего отделения».

Изложенное – почти классический образец концептуального мифотворчества на основе произвольного толкования состоявшихся исторических событий в пользу, в данном случае, ГРУ.

Несомненно, что к свержению монархии в России приложили в разной степени руку и российские, и зарубежные спецслужбы (чаще – невмешательством или нерадением при исполнении своих обязанностей), и «регулярное масонство Запада», куда входили и отпрыски российской элиты.

Но последовавшие затем хаос революции, гражданской войны, и вызванная ими тотальная разруха, полностью исключили чьё-либо сколь-нибудь значимое системное влияние на события в тогдашней России, уничтожили и предпосылки существования любой сложной иерархизированной влиятельной структуры, главными элементами которой обязательно должны являться благоустроенные в социуме люди.

Условий же сколь-нибудь сносного существования у кого бы то ни было в тот период в России не было, за исключением немногочисленной категории высших партфункционеров и чекистов. И только через годы отчаянной борьбы новой власти с хаосом удалось кое-как наладить жизнедеятельность структур советской системы так, как это описал именитый «пролетарский поэт» В.В. Маяковский:

Этот вихрь от мысли до курка
И постройку и пожаров дым
Прибирала партия к рукам
Направляла, строила в ряды.

«Направляла, строила в ряды» жесточайшей репрессивной практикой сотрудников ВЧК-НКВД, разумеется. Другого способа обуздать хаос и национальную погибель в возможно более короткие сроки в то время вряд ли существовало. В то время практически работала исключительно только одна «концептуальная» установка, для формирования и осознания которой не нужны были ни спецслужбы, ни масоны, спастись любой ценой: долгие годы судьба страны, нации в буквальном смысле висела на соплях.

А то, что всё-таки удалось стране выжить, если оценивать происходящее без идеологической ангажированности крайних противоположных мировоззренческих позиций, скорее заслуга его Величества Случая (или благоговения Судьбы, иными словами), нежели «мудрой политики партии», и уж тем более не благодаря мужеству сотрудников спецслужб. О многих отвратительных сторонах деятельности которых в самых бранных выражениях высказывался даже непререкаемый авторитет советского государства В.И. Ленин.

Так что, ни о каком «концептуальном управлении» обществом с помощью стратегических игр спецслужб не может быть и речи – дай Бог справились бы со своим личным составом, чтоб тот своими разнообразными массовыми злоупотреблениями служебным положением в корыстных целях не прогрыз стенок корабля нации и не пустил его ко дну.

Одним словом, обширная, непрерывная работа спецслужб по участию «в подборе, расстановке и воспитании кадров» в системе государственной власти и управления, в лучшем случае, не оказывает на качество этого управления никакого влияния. Практически же далее решения разнообразных проблем в пользу спецслужб дело обычно не идёт.

Тому есть веское обоснование: постоянно участвуя в разнообразных интригах, реализуя многообразные спецоперации в контексте удовлетворения вменённых им «спецнужд», спецслужбы постоянно сталкиваются с одной и той же неустранимой проблемой, мудро и просто воспроизведённой в сказке о драконе, у которого вместо одной отрубленной головы отрастают три новых.

В практике спецслужб подобное случается сплошь и рядом: убив опасного оппонента

охраняемого ими политического режима, чаще всего получают не соглашателя и миролюбца на его место, а ещё более одержимого ненавистью и жадой мщения «режиму». Или того хуже – вместо распавшейся с гибелью лидера известной и понятной по структуре и методам работы организации получают несколько новых – непонятных и неизученных, которых старая организация подавляла, как конкурентов, не давая развиваться в серьёзную силу.

Если бы, к примеру, у российских революций и всего, что из э того вышло, были бы авторы в спецслужбах внутри и вне страны, то за такое «планирование будущего» с них надлежало бы с живых содрать шкуру.

«Творцы истории», конечно были, в том числе и в спецслужбах. Но каждый имел свои цели, намерения, каждый по своему раскачивал, расшатывал «устой», часто не надеясь на успех вообще, и уж тем более – на скорый. Даже вождь российской социал-демократии (большевистской модели) В.И. Ленин предполагал, что бороться с русским царизмом предстоит ещё долгие десятилетия.

И не мудрено – ему не были ведомы скрытые планы масонов, зарубежных разведок, их ресурсы, расстановка их агентуры в структурах российской власти. Стратеги же масонства и спецслужб не могли себе вообразить всё многообразие грядущего хаоса и последствий российского революционного землетрясения для своих стран.

Каждый участник по своему ненавидел и валил «супостата», а свалив по-своему был глубоко разочарован. И наказан. Современные «творцы мировой истории» стали не в пример своим предтечам благоразумнее: вынужденные законами существования своих структур (масонских лож, кланов, орденов, спецслужб и т. п.) действовать и постоянно сталкиваться с фуриями, обязательно появляющимися при «разгерметизации» ими самими различных «ящиков Пандоры», они пришли к гениальному по своей простоте (но не по уму) рецепту решения обрушивающихся стратегических проблем.

Суть которого в том, чтобы вообще не изнурять себя анализами «ветвящейся вселенной» будущего с его умопомрачительным множеством вероятностей. А попросту решать только те из возникших проблем, решение которых жизненно неизбежно для сегодняшнего дня. А там «Бог даст день – даст и пищу!».

Конечно, это так же мало походит на осознанное сотворение истории, как имитация лечения болезни путём снятия острой боли от лечения, стремящегося устранить в организме источник болезни. Но во всё более разбалансированном мире человеческой цивилизации, похоже, ни ума, ни умений, ни ресурсов на иное у традиционных элит уже нет.

Спецслужбы здесь не исключение – заняты гашениями либо того, что уже горит, либо по возможности изъятием элементов готовящегося пожара. Или поджигают сами что-нибудь впечатляющее во враждебном лагере – чтоб дезорганизовать врага и отвлечь его на внутренние проблемы.

Есть, конечно, определённые концептуальные модели развития глобальных, региональных процессов, есть группы сценаристов и режиссёров-постановщиков с высокими уровнями разнообразной технической оснащённости. Но в конечном итоге все «судьбоносные» решения на каждом уровне разрозненных иерархий власти и управления (в том числе и неформальных) принимаются по преимуществу методом «тыка», всё также на основе интуитивных прозрений тех, кому надлежит это делать по должности, по статусу. Со всеми проистекающими издержками, естественно.

Похоже, что эта навязанная действительностью всем сущим стратегам «генеральная линия поведения», похожая на игру в пинг-понг с постоянно меняющимся количеством игроков и шариков в игре, так теперь и остаётся основным способом «стратегического планирования» спецслужб по любым реализуемым ими концепциям.

Многие советские читатели знакомы с такой стороной деятельности хотя бы армейских контрразведок по талантливому роману Богомолова «В августе сорок четвёртого». Как ни «расставляй и воспитывай» свои негласные «кадры», как ни фаршируй ими правительственные учреждения, корпорации и банки (а заодно и масонские ложи). Особенно в условиях, когда обязательно нужно ещё и обеспечить скрытность проводимой

массированной подготовительной работы большого числа сотрудников и их агентуры.

Что же касается попыток обосновать решающий вклад той или иной спецслужбы в те или иные исторические (победные, естественно) события, которые уже вполне состоялись, изучены и оценены историками, университетской профессурой и их оценки вынесены СМИ в головы «широких народных масс», то их следует воспринимать, как вполне простительную человеческую слабость, которой подвержены практически все. И которая постоянно материализуется вполне банальной ситуацией, когда у любой победы несметное число авторов, в то время, как у любого поражения таковых не находится, чаще всего вообще.

Понятное дело, что такая оценка почти никакой концептуальной значимости деятельности спецслужб, буде даже она по своей сути будет принята разведсообществами, ничего не изменит в существующей исходной «оптимистической» позиции этих самых спецслужб. По простым и вполне понятным причинам:

1. Никому не хочется собственными руками сокрушать фрагмент мифологического сознания «широких народных масс» о могуществе и всеилии спецслужб, сформированный долгими десятилетиями с помощью, в основном, кинематографа и оппозиционной публицистики, истово находящей следы зловерной деятельности сотрудников тайных полиций даже там, где их отродясь не было.

2. Мало найдётся высших руководителей спецслужбы, у которых существует уверенность в способности собственных ведомств (с учётом их структур, специфических технологий работы), концентрироваться на длительном интервале времени на реализации даже очень важной геополитической задачи в постоянно меняющемся, часто весьма кардинально, социуме, при неизбежном участии спецслужб в стремительных потоках политической жизни.

3. Достаточно образованные и многоопытные руководители (даже на уровне внутрикамерного пахана) отлично осознают высокую полезность благоприятных для себя мифов разнообразного характера: от мнимого владения боевыми искусствами, до могущественных связей или собственном фантастическом бесстрашии и мстительности, и т. п.

Руководители спецслужб также прекрасно осознают (не хуже отцов церкви) «производительную мощь» мифов о всеилии, всепроникновении спецслужб, массировано доносимых СМИ, кинематографически до сознания и подсознания «широких народных масс». А потому и впредь во все времена будут только укреплять такие мифы и конструировать новые.

Особенно хорошо это удаётся, когда к знакомым состоявшимся событиям, правдоподобно воплощённым действиями обаятельных актёров, приплетены измышлённые хитроумные действия спецслужб, якобы обеспечивших историческую победу. Естественно, что здесь несколько оправданий такой практики спецслужб, в частности то, что политики измышляют, выдумывают вообще бессовестно, без меры. Не отстают от них и обслуживающая власть интеллектуальная творческая челядь.

4. В глубине души большим чинам в любых госструктурах, особенно выбившимся в вельможи государства, очень хочется в глубине души верить в то, что они действительно творят историю. Потому в сотворённые даже при их участии мифы они и сами весьма охотно верят, что в сильнейшей степени (не хуже прибылей, наград, почётных или должностных званий) согревает душу. Особенно приятно это слышать вновь и вновь из уст разнообразных угодничающих именитых гимнопевцев.

5. В ряде случаев сотрудникам спецслужб действительно удалось подготовить и осуществить впечатляющие, блестящие по уровню профессионализма операции, истинное содержание которых по множеству соображений нельзя раскрывать никоим образом. Но заявить об этом по политическим и иным мотивам нужно. Тогда только рождаются кинолегенды, в наибольшей мере соответствующие реальности. Хотя, конечно, тоже изрядно приукрашенные художественным вымыслом во имя зрелищности. Но такое – весьма редкое явление в пересчёте на количество занятых в спецслужбах людей.

Таким образом, можно вполне обоснованно заключить, что любые «государственные интересы», которые реализуют, защищают, наряду с другими государственными учреждениями, и спецслужбы, всегда осуществляются преимущественно в виде личного, кланового, корпоративного интересов, либо содержат таковые в изрядной доле. В зависимости от того, какой уровень добросовестности удаётся поддерживать в многообразном чиновничестве лидерам политического режима.

Если, к примеру, при И.В. Сталине голова любого нерадивого чина могла в мгновение оказаться на плахе, то при последнем генсеке КПСС номенклатурное чиновничество трудилось на благо государства уже с изрядным «довеском» своих личных интересов.

Нынешние же чины в своей служебной деятельности практически полностью интересы общества заместили на личные. И теперь если и есть что-то для государства в существовании и работе его традиционных институтов, то только, разве что, сам факт из наличия, которое поддерживает в населении иллюзорную надежду и веру в то, что государство якобы существует и блюдёт интересы общества.

Этой поддерживающей кое-какую жизнеспособность российского социума иллюзией по инерции воспроизводится его минимальная жизнедеятельность. Хотя как-то. Со спецслужбами дело, как кажется, обстоит немного лучше – обстановка понуждает к действиям. Действия – мобилизуют, тренируют, хотя бы в некоторой мере. В отличие от всех прочих «боевых отрядов» многомиллионной коррумпированной российской бюрократии.

7. Кадровые спецнужды спецслужб

Действительно, для спецслужб зачастую нужны достаточно специфические люди, иногда – и с полезными для дела аномалиями в психике, способностях. К примеру, тихони – отличники, послушные родителям и учителям, малоинтересны для них. Разве что, для каких-нибудь технических подразделений обеспечения, где нужны ум и беспрекословная исполнительность при высочайшей добросовестности.

Вообще-то, многие природные человеческие качества вполне поддаются корректировкам, трансформациям в процессе жизнедеятельности. Иногда – весьма существенным. Известно, что грамотно составленной тренировочной программой, под руководством профессионала можно развить в человеке иные природные способности до поразительных уровней. Главное – чтоб от этого была какая-то кому-то польза, и феноменальные способности человека были бы социально востребованы, оценены.

Здесь именно и таится одна из опасностей, которые спецслужбы регулярно воспроизводят в социумах: отправляя на пенсию ещё достаточно нестарых «узких специалистов», подготовленных для производства разнообразных пакостей во имя безопасности государства, спецслужбы становятся «кузницей кадров» и для корпоративных служб безопасности и для структур организованной преступности. Что часто почти одно и то же по целям своей практики.

Кадровые спецнужды спецслужб состоят ещё и в том, что им почти противопоказаны некоторые психотипы: категорически не нужны клинические правдолюбцы, люди с неколебимо устойчивыми взглядами по вопросам социальной справедливости, должного и недолжного социального поведения, иные чрезмерно самостоятельные, неохотно повинующиеся особи. А также те, кто в состоянии трезво, чётко осмысливать последствия своих действий и отстаивать свою точку зрения.

У психологов врачебных комиссий, определяющих психофизическую пригодность кандидатов в спецслужбы есть, конечно, множество своих иных дополнительных параметров, оценок многообразных личностных характеристик. Но уже первичное собеседование опытного руководителя спецслужбы с кандидатом почти сразу, без всяческих психологов позволяет установить и отсеять неприемлемо хороший для спецслужб кадровый материал.

Справедливости ради следует сказать, что перечисленные действительно достойные

человеческие качества делают их обладателей людьми неприемлемыми для работы и в службах основных государственных и корпоративных структур. По причинам вполне понятным: устойчивые в своих принципах и убеждениях всегда источники конфликтов, напряжений в коллективах, склонные к тому же «выносить сор из избы» – апеллировать к начальству, общественности и т. п. А ещё того хуже – вести дневники, копить и систематизировать информацию, документы, подтверждающие их правоту и неправоту оппонентов.

Как правило, такие человеческие качества, неприемлемые для разнообразных корпораций, структур, формируются в семейной субкультуре научной, некоторой – лучшей – части творческой интеллигенции, низшего духовенства, преподавательского-профессорского состава конфессиональных школ, университетов, гуманитарных высших учебных заведений стран классической европейской культуры.

Среда этих социальных групп стабильно, во все времена, во всех народах воспроизводит революционеров, пламенных вождей, провозвестников революций, лидеров контрэлита, создателей революционных учений, идеологий.¹¹

Являясь от веку возбудителями людей против наиболее несправедливых жизненных укладов, эта человеческая неугодная, бескорыстная, готовая к личным жертвам и лишениям во имя своих идеалов генерация, от веку же является и первейшим объектом внимания и репрессивного воздействия спецслужб. Поэтому понятно стремление опытных кадровиков органов госбезопасности изначально отсеять от своих структур тех, кто являет потенциальную угрозу стабильности любого политического режима, во имя сохранения которого в первую очередь и создаются и щедро финансируются любые спецслужбы.

Но не приемлют спецслужбы не только самую содержательную, нравственно-духовную генерацию людей. Противопоказаны им, к примеру, и поражённые нарциссизмом красавцы-мачо, чьи комплексы физиологического превосходства над прочими особями мужского вида, часто наглухо купируют интеллект, не говоря уже о всех прочих необходимых для спецслужбы качествах. Равно, как и многие иные разновидности неколебимо убеждённых в своих неоспоримых превосходствах разной природы над окружающими.

Такая публика всегда вызывает и раздражения, и отторжения многих людей, взаимодействующих по жизни со спесивцами. Отсутствие же у них одного из главных профессиональных достоинств сотрудника спецслужбы – высокой межличностной коммуникабельности – вовсе делает такого кандидата изначально непригодным для оперативной работы.

Малопривлекательна для спецслужб молодёжь из сельской местности в силу её некоторой специфической «приземлённости» мировоззрения, «мировосприятия»: заторможенности мышления, поведения в быстро меняющемся, насыщенном событиями, информацией окружающем мире городов, отличающейся высокой концентрацией людей, интенсивностью их взаимодействий. Размеренный, спокойный уклад сельской жизни формирует труднопреодолимые медлительность, обстоятельность реакций, поступков, их убедительную мотивацию.

Люди с такими качествами просто выпадают из слаженной интенсивной работы сложной структуры, что, естественно, травмирует их самих, вызывает напряжение в работе групп профессионалов. Потому-то, если есть выбор, кадровики спецслужб предпочитают тех, кому городское столпотворение – естественная среда, в которой они легко и свободно «крутятся» с любой предлагаемой жизнью интенсивностью.

Само собой разумеется, что спецслужбы только в исключительных случаях и только

¹¹ Здесь авторы опять зачем-то наводят тень на плетень. Революционеры в нормальной человеческой среде не производятся. Это – прерогатива очень специфической среды разрушителей. На эту тему есть прекрасные работы – Дэвид Дюк «Еврейский вопрос глазами американца» или Эдуард Дрюмон «Еврейская Франция». – Д. Б.

для работы в очень специфических секторах человеческой жизнедеятельности отбирают способных, пригодных по психо-физическим кондициям натурализованных представителей этно-конфессиональных, инородческих общин. К примеру, в европейских странах это касается этнических китайцев, арабов, в США – мексиканцев, негров и т. п.

Обоснования такого подхода в кадровой политике очевидны: всерьёз против своего этноса работать никакой сотрудник никогда не будет, а для работы с коренным населением он непригоден – мало найдётся желающих взаимодействовать в серьёзных делах с инородцем.

Само собой разумеется, что в спецслужбы не могут быть приняты люди, совершившие уголовные преступления и привлечённые за это судами к ответственности. Причины тоже вполне очевидны: и потому, что нельзя разрушать легенду о том, что безопасность страны призваны защищать «лучшие из лучших». И потому ещё, что люди, уже явившие себя, как пренебрегающие любыми очевидными и необходимыми к исполнению законами, непригодный, рискованный человеческий материал для работы в управляемых командах, где некорректное поведение даже в мелочи способно провалить серьёзную и дорогостоящую акцию.

Что вовсе не гарантирует того, что ранее не судимые за преступления сотрудники спецслужб не склонны к их совершению и не перешагнут закон в подходящих для этого обстоятельствах. И, тем не менее, люди преимущественно осторожные, достаточно изначально послушные, безусловно предпочтительней для спецслужб тех, кто любит рисковать, импровизировать вопреки воле начальников.

Наиболее подходящие для себя кандидатуры спецслужбы, как правило, рекрутируют в среде хорошо образованных и достаточно обеспеченных социальных групп: научно-технической интеллигенции, государственных служащих, чьи дети получают оптимальное для данного общества образование и воспитание. Предпочтение и здесь отдаётся людям с неброской внешностью, но с достаточным потенциалом воли, честолубия, интеллекта.

Но наиболее любимый и ценимый кадровый материал для спецслужб, вне всякого сомнения, – дети самих сотрудников и руководителей спецслужб. Выросшие и воспитанные в особой субкультуре ценностей, мотиваций, механизмов взаимоотношений, они оказываются наиболее благодатным материалом для формирования и пополнения среды профессионалов. Кроме того, они уже частично наследуют полезные социальные связи родителей, могут неограниченно обращаться к опыту отцов, который, в отличие от всех иных прочих, доступен для них полностью без всяких купюр, умолчаний.

Особо ценимы дети высокопоставленных руководителей спецслужб – им открыты двери элитных учебных заведений (не говоря уж о лучших университетах), наиболее благоприятные для быстрой карьеры структуры спецслужб, должности в наиболее закрытых центрах управления, госструктурах и т. п.

Вот вполне типичный рядовой, современный пример такой карьерной судьбы:

«Андрей Луговой. Родился в Москве в 1965 году в семье офицера Министерства обороны СССР. С 1987 годы выпускник Московского командного училища Верховного Совета РФ – элитного вуза, кузницы офицеров Минобороны и КГБ. Из кремлёвского курсанта он стал кадровым офицером и принят на службу в 9-е Управление КГБ СССР. В 1991–1996 г.г. служил в главном управлении охраны – Службе безопасности президента, переименованной позднее в ФСО. Потом, уволившись из спецслужб, стал директором службы безопасности телеканала ОРТ, в то время контролировавшегося Борисом Березовским...

Дмитрий Ковтун. Деловой партнёр и друг Андрея Лугового. Родился в Москве в 1965 году в семье офицера Министерства обороны СССР. С 12 лет жил с родителями в Москве – в том же подъезде, что и семья Лугового. С ним вместе поступил в Московское высшее общевойсковое командное военное училище имени Верховного Совета РСФСР, большинство выпускников которого в настоящий

момент являются сотрудниками спецподразделений ГРУ, СВР, ФСБ, ФАПСИ. Закончил училище в 1986 году. По окончании служил в Чехословакии, затем в Германии».¹²

Понятное дело, что не только отцы упомянутых сотрудников российских спецслужб были весьма высокопоставленными чинами МО СССР, но и их деды, похоже, вели свою родословную не из детских домов, а скорее всего от видных в своё время комбригов или командармов. Иначе бы не оказались в столице на высоких генеральских должностях. И их дети, благодаря положению папаш, проходили военную службу не на Камчатке, Таймыре или, к примеру, в Северодвинске или ещё какой гарантированной дыре, а сразу попали в столичные структуры спецслужбы или в Европу.

Можно несколько не сомневаться в том, что и отношение к ним во время прохождения службы было со стороны их командиров особым: более снисходительным к «шалостям» и более щедрым при поощрениях за любые сколь-нибудь приметные служебные «подвиги» – как охранительный щит работал авторитет родителя, его дружеских связей.

Подобная практика повсеместно существовала во все времена и в основе её отнюдь не какие-то рациональные начала, а исключительно неодолимые инстинктивные императивы продления благополучия рода, передачи по наследству накопленного, достигнутого высокого социального статуса, который для множеств «элитных» человеческих особей является наивысшим благом.

Безусловно, есть в таком положении дел и нечто рациональное: реализуется природный принцип выживания и доминирования более сильных и дееспособных особей. А в социальном плане – ускоренное, наименее затратное и достаточно устойчивое воспроизводство различных сущих фрагментов «элиты» общества.

Однако, в отличие от живой природы, где выживает и даёт потомство сильнейший и способнейший, в социумах действие этого закона в изрядной мере деформировано с весьма существенными издержками и ущербами для человеческих сообществ.

Причины здесь тоже просты и очевидны: если родоначальники именитых кланов, семей пробивались в элиту личными незаурядными делами (ратные подвиги, сокрушительный деловой, финансовый успех, лидерство в победных революциях и т. п.), то уже их дети, а тем более – внуки, вырастали в довольстве, неге, безопасности, иные просто в роскоши. Не являя и не формируя в себе никаких воинских или гражданских доблестей. Но при этом наследуя весьма значимые должности, собственность и управляя через них впечатляющими фрагментами, сегментами социумов.

А если и преуспевая при этом в чём-то, то исключительно только в разнообразных непотребствах, потребительстве, роскошестве, мотовстве. Что, естественно, воздействует на общества только разлагающе, причём, часто настолько «успешно», что уже через 2–3 поколения приводит социум в состояние полного упадка, расстройства и социальных потрясений.

Подобное происходит во всех без исключения фрагментах «элиты», хоть с известным своеобразием в каждом, включая генералитет спецслужб. Стремительные же карьеры в элите спецслужб детей бывших высших руководителей, не получивших достаточного «боевого» опыта оперативной работы и связанных с ней реальных рисков и опасностей, неизбежно серьёзно снижает качество «штабных» управленческих решений, разработок.

А кроме этого привносит в и без того сложные, напряжённые взаимоотношения сотрудников спецслужб элементы блата, кумовства, торгашества, в сильнейшей степени разлагающие их «трудовые коллективы». Не столь, возможно, масштабно и интенсивно, как в правительственных, иных госучреждениях, но вполне достаточно, чтобы сделать службы безопасности государства неконкурентными со своими основными оппонентами.

¹² Дарья Пильнова. Дмитрий Шкрылев. «Российский PR против Скотленд-ярда». «Новая газета». 18.12.2006 г.

Что само по себе вовсе не гарантирует неизбежных геополитических потерь, поражений страны – сильное политическое руководство способно успешно функционировать определённое время и при слабых спецслужбах. А при слабом политическом режиме и сильные спецслужбы бесполезны, разве что, только могут как-то этот политический режим «укрепить». Если, конечно, найдутся в них руководители, способные рискнуть собственной головой (опасность в том, что донесут свои в случае провала попытки «коррекции»).

Таким образом, элитаризм неотъемлемо присущ и спецслужбам. Как и всем прочим разновидностям корпоративных образований в любых сферах человеческой жизнедеятельности. Почти в точном соответствии с ответом известного в советское время героя анекдотов – «армянского радио», – объявившего, что сын генерала не может стать маршалом, потому что у маршала тоже есть сын.

И это, как ни анекдотично звучит, почти всегда так и бывает: дети масонов высших посвящений двигаются в иерархии лож через несколько степеней сразу. Так же примерно обстоит карьерная судьба детей большинства военачальников, видных учёных и всех прочих, отцы которых оказались наверху хоть какой-то иерархической пирамиды, включая оргпреступность. И везде, и всюду такой незаслуженный лично карьерный рост оборачивается деградационными процессами тех структур, где засилье такой практики наиболее интенсивно.

Учитывая, что спецслужбы обязаны присматривать, а где-то и плотно контролировать практически все виды человеческой жизнедеятельности общества, кроме, разве что, работы общеобразовательных школ, то и подготовка кадров в них имеет множество самых разнообразных специализаций. Одних готовят в качестве мирных, тихих «технарей», разрабатывающих и изготавливающих спец-технику и спецсредства для различных разведывательно-контрразведывательных функций.

Из других «лепят» специалистов «наружного наблюдения» – весьма важной профессии в органах не только госбезопасности, но и внутренних дел. Из третьих – «специалистов широкого профиля», способных работать и во внешней разведке, и в контрразведке. Кого-то готовят на морских диверсантов, кого-то для работы с агентурой из числа «церковников», гомосексуалистов, педофилов и т. д. и т. п.

По ряду вполне объективных фильмов, вроде французского «Никита», можно получить представление о том, что сотрудники спецслужб должны уметь хладнокровно пристрелить, отравить «нужного» человека, при необходимости, растворить его труп в ванной и слить то, что образовалось, в городскую канализацию.

Нужно уметь допрашивать так, чтобы исключить возможность объекту допроса что-то не сообщить, о чём-то умолчать, где-то приврать. Нужно уметь заставить себя на глазах допрашиваемой матери взять её грудного младенца за ножку и выставить за окно на лютый мороз и многое другое подобное. И каково должно быть педагогическое мастерство профессорско-преподавательского состава иных учебных центров спецслужб, чтобы внушить своим «студентам» чувство гордости за свои способности нетрепетно творить любые душегубства, гнусности во имя великих целей – обеспечения безопасности государства и аж целого народа.

Сильно помогает этому знание законов человеческого поведения в группах: человеку для устойчивого самоуважения достаточно знать о высоком мнении о себе нескольких значимых для него близких людей. В тюремной камере для этого достаточно снискать к себе благосклонность пары опытных зеков сообщением о числе лично убитых и проявленных при этом крайней жестокости и спокойствии. Для каскадёра важно заполучить высокую оценку некоторых своих трюков со стороны именитых коллег и т. д.

Преподавателям разведшкол в этом помогают обильные числом люди-легенды, которых в истории любой спецслужбы всегда имеется изрядное число.

Нетрудно и потом удерживать таким образом уже всю «практикующих» сотрудников спецслужб в системе своих «корпоративных» ценностей, представлений о достойном и недостойном, полностью противоречащих почти всем «общечеловеческим» нравственным,

религиозным предписаниям.

Из откровений киногероев фильмов о разведчиках-шпионах, сценарии к которым пишут или режиссёров которых обязательно консультируют бывалые, матёрые сотрудники спецслужб, массовый мировой кинозритель давно осведомлён о таких «истинах», как «убить трудно только первого человека», «невиноватых людей не бывает», «человеком больше, человеком меньше – какая разница?» и т. п.

Правда, как свидетельствуют многие писатели из бывших разведчиков и контрразведчиков, процесс «нейролингвистического программирования» в процессе обучения сотрудников спецслужб нередко изобилует элементами профессиональной «шизы»:

«Текучесть кадров в ЦРУ сегодня высока, как никогда. С 1989 года число сотрудников сократилось на 20 процентов. Скандалы внутри ЦРУ не способствуют повышению авторитета «конторы» среди потенциальных кандидатов на работу в разведке. Часто ещё на этапе подготовки к приёму на работу или учёбу у кандидатов возникают сомнения в правильности сделанного выбора. Молодые специалисты, закончившие престижные колледжи, не удовлетворены качеством преподавания на «ферме» (школа ЦРУ), манерой использования «детекторов лжи», а также всякого рода интеллектуальных и медицинских тестов, которые зачастую применяются, как мера наказания сотрудников. Произвольное толкование полученных результатов позволяет администрации допускать всякого рода злоупотребления в отношении сотрудников».¹³

Не всё в таких подходах обучения будущих сотрудников спецслужб от недоумия или профессиональных деформаций сознания педагогов – есть в этом и чётко осознанная цель: необходимость полного разрушения «обыденной» нравственной ориентации человека, полученной им ранее культурной среде.

Ибо человек обычный, нормальный по меркам массовых социальных групп («классов») не сможет преодолеть в себе внутреннее сопротивление для выполнения, вероятно, большинства типичных «спецслужбовских» заданий, поручений.

Но этот же человек, попавший в среду парадоксальных, иррациональных с точки зрения обывателя «ценностей», гарантировано через некоторый срок утратит свои прежние возможности определять свои и чужие поступки, мотивации действий в привычной системе оценок «хорошо-плохо», «достойно-недостойно», «должно-недолжно», «нравственно-безнравственно».

И уже только такой деморализованный в прежних своих нравственных представлениях человек становится функционально пригодным для спецслужбы, где главным корпоративным достоинством, открывающим и значимые карьерные перспективы и признание своим сообществом сотрудников и начальством, является точное, в установленные сроки исполнение приказа. Чему в сильнейшей степени способствует истребление в собственной душе любых нравственных «комплексов», расчищающее в мировосприятии сотрудника спецслужб поле для свободного функционирования иной, отличной от общепринятой в социуме, технологии взаимоотношений между людьми. Где в основе – только целесообразность во имя успеха служебной или личной деятельности. И где любой человек – только «либо цель, либо средство».

С позиций оставшихся пребывать в среде нормальных людей, сотрудник спецслужб, как правило, тёмная личность, у которой непонятно что на уме, что-то, вероятно, очень нехорошее.

Совместная продуктивная деятельность с такой особью обычных людей невозможна и потому, что делать такая персона ничего не хочет, а хочет только советовать и руководить. И потому, что всё время пытается ответственность, тяготы переложить на других, а чтобы скрыть свою непригодность, пытается всё запутать, всех соучастников процесса перессорить,

¹³ В.А. Галицких. «Кадровая политика ЦРУ». «Родные просторы» № 1(41), 1999 г. стр. 12.

восстановить друг против друга.

С позиций же самого сотрудника спецслужб, его руководителей, логика такого поведения своего рода «сверхчеловека» – вполне нормальна, правильна. С этим и живут и те, кто «среда» для спецслужб, и те, кто эту «среду» употребляет для своих специфических целей и нужд. Как, впрочем, и представители других фрагментов «элит» – банкиры, топ-менеджеры, вельможи, их родня и челядь.

Конечно, очарование корпоративным элитаризмом сообщества сотрудников спецслужб, как и любые иные чары, проходит к определённом сроку. Ко многим (но не ко всем) возвращается осознание того, что почитаемое среди обычных людей достойное – только и является действительно достойным, а порицаемое, считающееся мерзостью – и есть действительно мерзость.

Но груз былых «подвигов», за каждый из которых в священных писаниях воздаяние – геенна огненная, а главное – безвозвратно истёкшая большая и лучшая (по состоянию здоровья) часть времени собственной жизни намертво обрекают человека на «пожизненный найм» в спецслужбах.

Даже когда человек вышел в отставку по выслуге лет или по возрасту и занимается делом вполне мирным – например, консультирует предпринимателей по проблемам ведения торговли оружием, военным снаряжением или чем-то подобным. Ибо успешной деятельность бывшего спецслужбовца может быть только, если он опирается на свежую информацию, поддержку сослуживцев, друзей, оставшихся ещё на прежней работе. В обмен, естественно, на какие-то ответные услуги, выполнение каких-то поручений и другое подобное.

Что является, по своей сути, настоящим пожизненным наймом. Более даже последовательным, чем практикуемый многими японскими фирмами – здесь «трудовые отношения» завершаются не выходом на пенсию, а только собственной кончиной или полным разрушением здоровья.

Под обаяние спецслужбовского элитаризма подпадает не только подавляющая часть сотрудников ведомств «плаща и кинжала», но, что тоже очень важно для корпоративного самомнения, – изрядная часть населения, а среди молодёжи – подавляющая. Что с одной стороны, в сильнейшей степени укрепляет в убеждённости в своей исключительности сотрудников спецслужб, с другой – обеспечивает всегда превосходящий реальные потребности приток желающих попасть на работу в спецслужбы.

Из которого и формируется «пехота» этих ведомств, которой предназначено быть всегда на передовой, всегда под прицельным огнём противника и нести главные потери на «фронтах невидимых войн». Которые потом прибыльно для издателей и для авторитета спецслужб становятся ещё и материалом развлечения «широких народных масс», но в самом привлекательном, высокохудожественном варианте, когда в 1,5 часа кинодействия спрессовываются поступки и результаты работы многих лет, а то и десятилетий наиболее успешных сотрудников и целых подразделений служб безопасности.

О наличие «классовой дифференциации» внутри спецслужб повествуют и многие знающие предмет авторы шпионских романов. К примеру, одним из них это изложено таким образом: «Я узнал сегодня, что существуют две категории работников ЦРУ – «белые» и «чёрные». «Белые» – это постоянный состав (кабинетные начальники, штабисты, учёные и техники, специалисты, эксперты). «Чёрные» – это переменный состав (исполнители, «зелёные береты», шпионы и диверсанты).

Выходит, Лот – «белый» разведчик. А я – «чёрный». Так сказать негр разведки. Над этим стоит поразмыслить. Когда я играю чёрными в шахматы, почему-то всегда проигрываю Лоту. И верно «чёрные» всегда проигрывают «белым» в разведке.¹⁴

Подобное имеет место всюду и во всех иных иерархиях: сладостное чувство

¹⁴ Гривадий Горпожакс. «Джин Грин – неприкасаемый». Изд-во «Молодая гвардия». 1972 г. с. 369.

собственного превосходства над окружающими и сослуживцами греет души и сердца самых разных категорий людей.

Правда, по разным основаниям в различных социальных группах, категориях: силач в любой деревне – первый человек. Коварный, хитрый, ловкий и бесстрашный бандюган обязательно будет паханом в уголовном мире и обладать изрядной властью в своей иерархии. И, естественно, быть высочайшего мнения о своей персоне.

Гордятся собой до чрезвычайности спортивные олимпийские чемпионы, победительницы конкурсов красоты, особо «продуктивные» наёмные убийцы, миллионеры и миллиардеры, куча иных удачников самых разнообразных модификаций. Но гордость сотрудников спецслужб ни с чем не сравнима. Апофеозом такого особого уважения к своему статусу является фраза гестаповца в одном из именитых советских фильмов о разведчиках: «У нас генералы плачут, как дети!».

Подобное действительно временами имело место, но не во всех спецслужбах и не везде. К примеру, в Пытошном приказе великокняжеской Руси на дыбе случалось оказаться и иным первейшим вельможам того времени. Равно, как и в петровской Российской империи. Святая инквизиция тоже особой снисходительностью к титулам не отличалась. Не говоря уже об упомянутом гестапо, а так же об НКВД.

Ныне подобное могут себе позволить, разве что, спецслужбы некоторых мусульманских или африканских стран, да ещё может быть некоторых стран Латинской Америки, вроде чилийской контрразведки в недавнее правление Пиночета. Но даже таких разрозненных исторических прецедентов вполне достаточно, чтобы над спецслужбами всех стран витал ореол вершителей судеб сильных мира сего. Хотя ныне масоны, возможно, пускают под откос гораздо больше судеб или жизней различных сановников, чем все спецслужбы мира, вместе взятые.

Высокое же положение в «табеле о рангах», социальной значимости сотрудников спецслужб во мнении населения прочно удерживает их личный состав, позволяя поддерживать в нём приличную служебную дисциплину, беспрекословную исполнительную, уступающую, разве что, только оргпреступным сообществам.

Методы и средства поддержания порядка и дисциплины в спецслужбах никак не похожи на принятые в госучреждениях или корпорациях. Да и сами «проступки» – куда как своеобразны. К примеру, если при проведении «операции устранения» исполнители прихватят «сувениры» в виде нескольких пачек долларов – даже хорошо: у полиции может появиться версия убийства с целью ограбления.

А если кто-то при этом возьмёт «на память» редкую бриллиантовую брошь, а потом по ней полиция начнёт разматывать свои ниточки, то в виде «дисциплинарного наказания» такому сотруднику вполне может быть выстрел в затылок с последующим спуском тела где-нибудь в укромном месте в прорубь.

Если, к примеру, чиновник понуждает бизнесмена в обмен на какие-то разрешительные действия построить себе дачу, то он рискует (в случае заявления в полицию) быть привлечённым к уголовной ответственности за вымогательство.

Но если нечто подобное получит сотрудник спецслужб за предупреждение о готовящемся против предпринимателя возбуждении полицией уголовного дела – никаких последствий не наступит, даже если полиция установит виновников утечки своей оперативной информации: руководство спецслужб никогда не усмотрит в таком поведении своего сотрудника даже дисциплинарного проступка.

Потому, к примеру, что «спасённый» предприниматель был в некотором роде поставщиком конфиденциальной информации из сферы взаимоотношений бизнеса и исполнительной власти. Точно так же будут признаны правильными действия сотрудников спецслужб, если они «устранят» одного или нескольких случайных свидетелей их плановой акции по минированию нужного автомобиля или чего-то подобного (точно так же, как это делают все профессиональные преступники).

Не будет прощена подобная «шалость» только в одном случае – если попытаются по

каким-либо основаниям это скрыть от начальства, что вполне может впоследствии обернуться для «конторы» большими неприятностями из-за плохо выполненной работы по сокрытию следов.

Или, к примеру, если чиновник обычного ведомства за прогул на работе вполне может быть уволен, либо ещё как-то впечатляюще наказан, то сотрудник спецслужб, по роду своей деятельности регулярно употребляющий спиртные напитки, а потому могущий сорваться в запой, за недельный невыход на работу по такой причине никак не будет наказан. Более того, может быть направлен в санаторий для прохождения специального курса излечения от алкоголизма по особым методикам.

И так – практически по всем прочим видам служебных нарушений и упущений. Даже если кто-то из сотрудников спецслужб совершил нечто совершенно очевидно чудовищное, повлёкшее серьёзные социальные последствия, руководство спецслужб будет предпринимать все меры, чтобы объективная информация не стала достоянием общественности, органов власти и управления, и уж тем более – СМИ.

В такой ситуации корпорация сделает всё, чтобы её сотрудник избежал привлечения к уголовной ответственности с проведением официального следствия органами внутренних дел и сопутствующими ему протоколами допросов, очных ставок, обысков, выемок и т. п. Если избежать такого неприемлемого для спецслужбы развития событий никак нельзя, «контора» постарается сделать так, чтобы «засветившийся» сотрудник надолго исчез, к примеру, за границей. В особых случаях – навсегда.

Такая вынужденная закрытость делает спецслужбы действительно особыми госучреждениями, принадлежность к которым порождает и особый корпоративный дух. Который с каждым вывертом служебной судьбы только укрепляется, формируя и особый кодекс служебного поведения, оказывающий своё сокрушительное воздействие и на всё поведение сотрудника – и в своём быту, и в иных социальных сегментах, где ещё придётся подвизаться в разных социальных ролях.

В этом отношении императивы кодекса служебного поведения сотрудников спецслужб мало чем отличаются от жёстких установок, которые предписывают своим адептам масоны, преступные авторитеты. К примеру, таких: «Всегда всё отрицать», «Не знаю, не видел, не брал», «Не верь, не бойся, не проси», «Не проболтается тот, кто ничего не знает» и т. д.

Нормы служебной этики, бытующие на низших уровнях иерархий спецслужб, вроде приемлемости совершения уголовных дел при исполнении заданий, отрицания любых очевидных свидетельств и т. п., по мере перехода к более высоким иерархическим уровням, изрядно разнообразятся и «обогащаются». К примеру, при изменении обстоятельств и во имя каких-нибудь «высших интересов» (включая карьерные соображения генералов спецслужб) расшифровывают перед противником, мафией своего сотрудника, которому поручено кого-то из видных деятелей «убрать».

По крайней мере, такими сюжетами изобилуют зарубежные фильмы о спецслужбах, где преданные, но чудом выжившие агенты ведут охоту на своих начальников – предателей. В тех же киносюжетах нередко большие начальники спецслужб отдают приказы уничтожить убегающего за рубеж носителя опасной информации о себе вместе с самолётом и пассажирами.

В реальности вряд ли действительные руководители службы госбезопасности тоже остановятся в подобной ситуации, особенно если на кону их личная карьера и уж тем более – жизнь. И уж тем более не дрогнет рука и не сорвется голос, если «во имя интересов государства» или собственной спецслужбы (что полагается одно и то же) нужно пожертвовать весьма дружески расположенным политиком, финансистом, банкиром. Не говоря уж о сколько угодно заслуженных агентах в среде оргпреступности или ещё где-то.

Вот уж где-где, а на генеральских заоблачных уровнях иерархий принцип «целесообразность – выше закона» уже и есть самый жёсткий, неукоснительно соблюдаемый принцип. Перед которым все нравственные прописи – полное ничто, в сторону которых никто и никогда из многозвёздных генералов, находясь «в здравом уме и твёрдой памяти»,

не посмотрит ни при каких обстоятельствах. Кроме, возможно, нескольких секунд перед собственным расстрелом, буде таковой случится.

И так или примерно так поступают, как правило, всегда все высшие руководители любых корпораций – тайных, явных, полулегальных. В этом есть тоже немалый рациональный смысл: есть функционирующий руководитель – генерал во главе структуры – обязательно набегут, соревнуясь и противоборствуя, и старшие и все прочие офицеры. Именно благодаря чрезвычайно развитым инстинктам самосохранения всех особо преуспевающих в человеческой цивилизации справедлив и живуч ещё один популярный «принцип»: «Мафия бессмертна!».

Выкручивающиеся как только возможно во всех непростых жизненных обстоятельствах, опираясь на инстинкт самосохранения, руководители спецслужб прекрасно осознают ещё одну важнейшую для себя вещь: кроме личных доспехов, брони в виде хорошей реакции, сообразительности, важно не покидать укреплённую цитадель, защищая её сообща. Цитадель – вся структура спецслужбы, весь её штат, вся её экипировка, идеология, корпоративная этика.

Понятное дело, что все руководители спецслужб среднего уровня (до полковника включительно) «рекрутируются» из наиболее подходящих оперативных сотрудников. Подходящих по разным обстоятельствам, включая прежде лояльность и преданность начальству. Высшие – генералитет спецслужб – в подавляющем большинстве «прорастают» из собственных карьерных полковников. Отбор производится по порой весьма прихотливым сочетаниям «контрольных параметров», исправно работающих во всех властных иерархиях.

Но есть при комплектовании руководителей спецслужб высшего уровня и ряд специфических особенностей, отсутствующих, к примеру, в армии. Так, во многих странах высшие политические руководители предпочитают ставить во главе самых сильных спецслужб своих проверенных соратников. Пусть и не имевших солидного опыта (иногда – никакого) работы в органах госбезопасности. Особенно отчётливо эта тенденция присутствовала в СССР: областные комитеты КПСС (по согласованию с отделом административных органов ЦК КПСС) частенько направляли заместителям начальников УКГБ областей первых секретарей крупных горкомов, райкомов.

Иногда такие крупные партийные функционеры направлялись и начальниками управлений комитета Госбезопасности СССР. И работали такие «выдвиженцы», как правило, вполне успешно. Известно, к примеру, что почти легендарный глава КГБ СССР 80-х годов прошлого столетия Ю.В. Андропов «происходил» из первых секретарей обкомов. А один из его предшественников на этом посту Семичастный оказался даже во главе этой одной из самых мощных спецслужб мира прямо с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

Таким образом за счёт некоторой возможно, потери качества управления спецслужбами обретался контроль политиков за службами госбезопасности. Не в последнюю очередь из вполне обоснованного опасения, что руководители спецслужб могут вознамериться играть значительно большую роль в политической жизни, нежели та, что им прописана.

Любопытно, как описываются источники и механизмы пополнения генералитета в армии США устами литературного персонажа в образе американского разведчика: «Очень важно понравиться генералу, – сказал он мне и, видя, как я поморщился, добавил: Понимаю, ты не хочешь строить карьеру благодаря «пулу»,¹⁵ но надо смотреть фактам в глаза: даже на войне, а в мирное время особенно, ордена и звания зарабатываются не столько героизмом в бою, сколько «пулом», связями, хорошим отношением с начальством... На «пуле», малыш, весь свет стоит, а не одна только армия Соединённых Штатов... если ты знаешь одного генерала, то ты знаешь всех генералов. Генерал Трой Мидлборо – типичный американский генерал, а генералы армии Соединённых Штатов почти так же похожи друг на друга, как оловянные солдатики.

¹⁵ Блату – прим. переводчика.

После корейской войны Трой Мидлборо окончил школу командного-генеральского штаба и долго служил в Пентагоне... Работа адски скучная, но в карьере любого офицера крайне важна – там офицер на виду, там завязываются связи с сильными людьми... Таков послужной список генерала. А что он за человек? Что у него в голове?

Да то же, что и у каждого обычного генерала. Ведь все они прошли одну дорогу. Азы военной науки и офицерский катехизис воспринимали в юные годы, когда лепится сознание и выковывается характер. Стереотип закреплялся в казармах, гарнизонах, штабах. Эти люди никогда не занимались созидательным творческим трудом. Они командовали солдатами, хотя сами никогда солдатами не были. Они были густопсовыми бюрократами, чиновниками в погонах...

Американские генералы – это бизнесмены, менеджеры, директора в мундирах, которые не прочь поболтать о демократии... До генеральских звёзд доживает только тот, что умеет ладить с начальством, не рискует ни на войне, ни в мирное время в карьеристских баталиях». ¹⁶

Конечно, типичные карьеры генералов спецслужб бывают позамысловатей, позакрученней армейских в любой стране, но «базовые» элементы почти у всех одинаковые.

Удивляться здесь особо нечему – такова, в общем-то практика большинства людей: не будучи истинно религиозными, духовными, а потому глубоко нравственными, множество живущих достаточно легко отказываются от общепринятых норм морали, если цена этому выглядит впечатляюще в виде карьерного роста, денежного вознаграждения или обретения значимых титулов, званий.

Зачастую цена иным недостойным поступкам, действиям до неприличия мала. Сотрудники и руководители спецслужб, если и отличаются чем-то в такой «общечеловеческой» практике в лучшую сторону, то разве что только значительно более высокими «расценками» за каждый эпизод своего отступничества. Что-что, а цену себе и своим «услугам» здесь не только знают, но и умеют поднимать её выше любой реальной стоимости.

Тем более, здесь не принято подсчитывать чужие издержки – как частные, так и всего общества. Действует только одно неписаное, негласное правило: чтобы гарантировано уничтожить любую изобличающую улику, надлежит сжечь хоть «Боинг-747», хоть пароход, хоть целый дом, не говоря уже о таких «мелочах», как казино, ресторан или офис банка, корпорации.

Так что, следование соблюдению принципа целесообразности никак не учитывает никакие общественные потери (если это не грозит утратой личного автомобиля, костюма или квартиры). Но так ведут себя не только сотрудники спецслужб – все: военные, чиновники, уголовники и уж тем более – политики. Именно для этой категории так сродни принцип: «чем хуже – тем лучше». Чем хуже, естественно, у любых оппонентов или там, где не данные политики у власти.

Так что, служебная этика сотрудников спецслужб принципиально не отличается ничем в своей «безразмерности» от безграничности дозволенного по отношению к людям и миру, которое практикуется у разнообразных элит и их отдельных формирований в виде ли масонов, в виде ли орденов, элитарных закрытых клубов. Да и вообще, среди любых «практикующих» политиков.

В отличие, к примеру, от религиозных образований, некоторых наиболее образованных и воспитанных социальных групп, либо изначально природно нравственных людей. И никакой нравственной эволюции в местах концентраций людей слабонравственных нет и нет надежд, что подобная ситуация может когда-либо измениться к лучшему: люди, будучи в разнообразных группах, способны усиливать только свои худшие намерения. Таков один из законов социальной психологии, справедливый и для спецслужб.

¹⁶ Гривадий Горпожакс. «Джин Грин – неприкасаемый». Изд-во «Молодая гвардия». 1972 г. стр. 364–368.

Спецпроблемой для кадрового состава спецслужб всегда была и остаётся проблема предупреждения предательства, а при появлении такого акта – минимизация ущерба и принятие мер возмездия к перевёртышу.

По установившемуся выверенному и обоснованному мнению руководителей спецслужб наиболее предрасположены к предательству мировоззренчески, духовно малосостоятельные сотрудники спецслужб, к тому же, с выраженными карьерными устремлениями, тщеславием. Мотивами предательства чаще всего бывают опасения серьёзного наказания за тяжёлые служебные проступки, реже – алчность, разворовывание казённых средств.

Имеют место единичные случаи перехода во враждебный лагерь по идейным соображениям, но подобное в истории спецслужб случается настолько редко, что практической опасности обычной жизнедеятельности это не представляет, в расчёт не принимается хотя бы потому, что предусмотреть и предотвратить такое развитие событий невозможно.

Более всего перебежчиков бывает из числа тех, кто отобран на работу в спецслужбы из сословия «разночинной» технической интеллигенции. Попросту – из многочисленной ныне в любом обществе среды инженерно-технических работников. Люди, бесспорно, одарённые умом, надлежащими деловыми качествами, но не «вызревшие» мировоззренчески в процессе семейного и прочего воспитания и образования до осознания, ощущения своего родства, единства не только с семьёй, но и со своим этносом, обществом.

Такие особи в своих мотивациях ограничиваются исключительно личными интересами, принимают в расчёт только личные опасности и угрозы и готовы во имя спасения своего благополучия, жизни пренебречь без колебаний такими пустыми для них понятиями, как «служебный долг», «присяга», «верность Отечеству» и др. И которые своё предательство всегда воспринимают только, как вполне здравый, целесообразный поступок, логичный и оправданный во всех отношениях. И, естественно, не испытывают из-за акта своей измены каких-либо особых мук совести.

А вот выходцы из семей потомственной научной, творческой интеллигенции, из семей кадровых военных, чьи предки несколько поколений служили Отечеству, не только не помышляют, как правило, о возможности спасения своей карьеры, жизни изменой, но и не идут на это зачастую под жесточайшими пытками. Ибо для людей высоконравственных, духовных изменить долгу, присяге – изменить всему самому значимому и дорогому в жизни: памяти предков, родителям, друзьям, идее.

Предать для людей такой генерации – разрушить представление о сущностях, составляющих мировоззренческую основу самого себя. Попросту – совершить акт позорного самоубийства, которое никто из дорогих людей не оправдает. Подобное же идейное «самостояние» – вещь несокрушимая в живом человеке.

Безусловно, часто неосознанное ощущение нерасторжимого духовного родства со своим народом, родиной присуще множеству представителей всех сущих сословий, включая даже социально отверженных. Но проявляется это, как правило, в минуту всеобщей беды, неотвратимой смертельной опасности для всей своей нации. Это чувство редко просыпается в условиях, когда человек сам по себе отбивается в одиночку от одному ему грозящих бед.

В нациях с высоким уровнем образования, с вековыми традициями семейного, культурного воспитания не в пример больше тех, кто мировоззренчески, духовно вполне состоятелен, прекрасно осознаёт свою общность, духовное родство со всей нацией. Здесь и в спецслужбы приток людей более духовно зрелых несравненно выше, чем «среднестатистический» в иных странах.

Известно, к примеру, что во время Второй мировой войны американские войска столкнулись с феноменом, когда японские солдаты в массе своей бились до последнего, предпочитая смерть сдаче в плен. Как и предписывал свод правил воина-самурая многовековой давности, на котором воспитывались военные Японии. Следование которым создавало у нации стойкое уважение и к самим военным.

Идея служения нации присутствует, и весьма ощутимо, в жизнедеятельности всех фрагментов элиты японского общества. С впечатляющими зримыми, благотворными практически для каждой социальной группы результатами.

Столь же подвержено идее служения государству и народу высокоидеологизированное сознание китайцев. Почти наверняка в этих странах иностранные разведки испытывают серьёзнейшие трудности с обретением агентуры, значимых агентов влияния в среде элиты.

В большинстве других стран, где в сознании подавляющего числа людей нет идеи общности национальной судьбы, ощущение общенационального духовного родства, ситуация совершенно иная и в спецслужбах. Из-за крайней разобщённости индивидов, в одиночку выбивающихся в жизни, слабая мотивация служения Отечеству сильно облегчает богатым иностранным разведкам вербовку агентуры в том числе и в самих спецслужбах.

Предательство предательству – рознь. Одно дело – бежавший на Запад резидент ГРУ Резун, другое дело – работник центрального аппарата КГБ Митрохин (обоих роднит только рабочее-крестьянское происхождение, так высоко ценившееся в СССР, прежде всего при приёме в КПСС):

«В марте 1992 года в английское посольство в Риге, недавно ставшей столицей независимой Латвии, позвонил человек в потрёпанном пиджаке. Когда его пустили, он предъявил паспорт на имя Василия Никитича Митрохина и заявил, что он – бывший сотрудник КГБ и в его распоряжении находятся тысячи секретных документов из архива этого ведомства... Большую часть службы в КГБ Митрохин провёл в незаметной должности архивариуса первого главного управления КГБ.

Папки с делами, которые проходили через его руки, содержали подробности зарубежных операций КГБ, имена агентов и донесения резидентов. В 1984 году коллеги проводили Василия Никитича на пенсию. И никто из них не знал, что целых 12 лет полковник Митрохин копировал документы из секретного архива и выносил из здания на Лубянке. Дома он перепечатывал только ему понятные закодированные письма, помещал их в контейнеры (в просторечии в бидоны из-под молока) и закапывал в саду своей подмосковной дачи.

Его домашний архив составил 25 тысяч страниц убористого текста. Аналитики британской «Интеллигент сервис», разобравшие архив Митрохина, не могли поверить своей удаче. Как заметил, один из них, «если бы на Запад бежал глава КГБ, он обладал бы гораздо меньшей секретной информацией»... Из истории мы знаем, что и в царской охране были офицеры, бескорыстно помогавшие революционерам свергнуть самодержавие».¹⁷

Что же мотивировало предательство полковника КГБ Митрохина, 8 лет уже находившегося на пенсии, человека с вполне сложившейся и весьма благоприятной биографией?

Кроме глубоко уязвлённого в годы службы в органах безопасности самолюбия (40-летнего сотрудника в расцвете сил и полного надежд не просто так ведь «задвинули» в архив), неудовлетворённого тщеславия и корыстолюбия, никакие иные мотивации здесь не имели места. Тем более, что с 1992 года и началось хищническое разграбление госсобственности СССР, прежде всего столичной высшей советско-партийной номенклатурой – было кого брать в пример.

А сколько ещё в структурах нынешнего ФСБ тех, что потенциально готовы были бы повторить «подвиг» Митрохина, не знает никто. Но, судя по тому, что донесли до нас только в последние годы СМИ (российские и зарубежные) об участии иных высших чинов служб госбезопасности РФ в контрабанде на миллионы и десятки миллионов долларов, об их участии в банковских и иных финансовых аферах, о неисчислимых количествах иных корыстных должностных правонарушений сотрудников ФСБ, ФСО, пограничной службы и других, корысть, как одна из самых могущественных мотиваций частной деятельности

¹⁷ Ефим Барбан. «Диссидент с Лубянки». «Московские новости». 23.09.2005 г.

«государевых слуг» живёт в их среде и процветает.

Форм же измены государственным интересам, охране которых присягают все офицеры спецслужб, существует множество. И не все они связаны со сдачей врагу агентуры, иных секретов разведки. Только чуть менее эффективны по ущербу государству популярное ныне разворовывание бюджетных средств, «крышевание» множеству многочисленных мошеннических кодов правительственных чиновников и многое другое подобное. Так что, митрохинское «крапивное семя» буйным цветом произрастает на кадровых грядках и нынешних российских спецслужб.

Работа же по укреплению чувства служебного долга в органах госбезопасности акцентируется ныне не столько на отборе наиболее качественного человеческого материала (весь, как правило, второсортный), а сколько на усилении, усложнении внутрикорпоративного «спецнадзора за спецконтролем».

Что редко приводит к положительным результатам, чаще – росту конфликтности, подозрительности и противоборству внутри спецслужб. С чем совладать практически невозможно: козни, подставки, расправы с врагами-сослуживцами происходит всегда под лозунгами борьбы с предательством, отступничеством, нерадением, терпимостью к «врагам Отечества». Чему противиться особо желающих нет и в среде руководства спецслужб.

Внутрикорпоративный «присмотр» за собственными сотрудниками в спецслужбах обязателен, сложен, трудоёмок и требует изрядной аккуратности – чтоб не перегружать и без того напряжённую психику личного состава. Но как бы ни был многопланов, сложен и эффективен внутрикорпоративный «спецконтроль» спецслужб, наиболее профессионально, с «полной выкладкой» он в состоянии работать только против самого низшего уровня оперативных сотрудников.

Но уже, начиная со среднего командного состава, возможности «спецконтроля» идут на убыль: и народ здесь тёртый, весьма искушённый, знающий, как правильно мотивировать все свои подозрительные действия. И личных друзей-врагов у работников «спецконтроля» здесь достаточно, что не позволяет им действовать, как надлежит по законам оперативной работы.

Ещё хуже дело обстоит с присмотром за генералитетом спецслужб: возможностей у тех оторвать головы сотрудникам собственного «спецконтроля» немереное количество, сплочённость в генеральской среде весьма высока да и оставшиеся на должностях почти обязательно отомстят. Потому трогать по пустякам многозвёздные генералы спецслужб своих малозвёздных соратников не будут – те знают о корпорации столько (в частности о своих руководителях) малоприятного, что ссора обойдётся для всех чрезвычайно дорого.

Есть и ещё обстоятельства, весьма затрудняющие работу внутреннего контроля спецслужб против подозрительно ведущих себя собственных генералов: многие из них намертво связаны с высокопоставленными действующим политиками, у которых достаточно власти, чтобы убрать наиболее враждебных своим друзьям-генералам коллег. Тем более, что проштрафившиеся дадут для этого достаточно компрометирующих материалов на своих не в меру ретивых недоброжелателей-руководителей.

Сильно мешает нормальной, продуктивной работе внутрикорпоративного «спецконтроля» также ещё одно неустранимое обстоятельство: повсеместное использование служб собственной безопасности их начальниками для упреждающего сбора компрометирующих сведений на конкурентов по карьере, коллег, поддерживающих тесные дружеские связи с кланами политических оппонентов.

В силу упомянутых обстоятельств, во избежание недоразумений и ненужных объяснений с подчинёнными руководителями службы собственной безопасности, на эту должность, как правило, начальники структурных подразделений спецслужбы назначают тех из своих старых соратников, кому могут полностью доверять.

Те же, в свою очередь, подбирают для особо деликатной работы группу тоже из особо близких соратников по прежним должностям. Но и этим множество специфических сторон сложных взаимоотношений отнюдь не заканчиваются. К примеру, нужно быть весьма

деликатными с сотрудниками, вышедшими на пенсию. «Отставников» в любом звании нежелательно обижать и потому, что те могут от обиды серьезно помочь любым оппонентам своих обидчиков. Или потому, что вдруг решат засесть за мемуары втайне от своих бывших соратников и донести до широкой общественности излишне откровенно сведения о нежелательных для огласки некоторых методах работы спецслужбы.

Проблемы почти со всеми бывшими сослуживцами возникают сразу – народ стремится устроиться там, где денежней и быстро часто поэтому оказываться в структурах и фирмах, которые сами являются объектами внимания спецслужб (филиалы иностранных фирм, банков, легальные структуры, контролируемые организованной преступностью, иностранными спецслужбами).

Кроме того, мало сотрудников уходит на пенсию, храня в душе тепло или даже любовь к своей бывшей «конторе». Скорее бывает совсем наоборот. И эти-то глубоко недружественные чувства очень быстро дают о себе знать в формах и методах вполне успешного противостояния усилиям здравствующих сотрудников спецслужб. Что требует изрядных дополнительных усилий в работе или проведения специальных «разъяснительных» мероприятий, чтобы урезонить своих особо ретивых бывших коллег.

Напрягаться собственной службе безопасности особо приходится во взаимоотношениях со своими «бывшими» и в случаях, когда последние начинают нанимать на решение своих служебных проблем на новом месте работы действующих сотрудников с помощью впечатляющих сумм наличности или иных форм проплат.

Но чаще всё-таки взаимодействия «бывших» с действующими сотрудниками складываются вполне конструктивно в обоюдных интересах и отслеживать эту сторону деятельности спецслужб вполне удаётся их руководителям, не прибегая к помощи услуг «спецконтроля за спецнадзором». О различных же курьёзных случаях специально говорить особой необходимости нет и по причине того, что это на многообразные лады зрелищно интерпретировано кинематографом, особенно зарубежным.

И в нынешние дни спецслужбы практически всех стран корёжит от множества кадровых проблем, издержек работы «по подбору, расстановке и воспитанию кадров»: «Фильм «Сириана», обличающий методы ЦРУ на Ближнем Востоке, выйдет в российский прокат в конце февраля... В США этот политический триллер уже стал частью общественной кампании против малопривлекательных действий ЦРУ в регионе.

От этой кампании теперь трудно отмахнуться, поскольку герой фильма – офицер ЦРУ (его играет Джордж Клуни) – сам принимает активное участие в критике своего бывшего работодателя... Недовольство деятельностью ЦРУ подтолкнуло его написать автобиографичную книгу «Не вижу зла»... В интервью обозревателю «Новой», руководителю Agentura.Ru Андрею Солдатову, Бэр рассказывает о том, что сегодня происходит с американскими и российскими спецслужбами на Ближнем Востоке...

– Существует мнение, что российские спецслужбы традиционно сильны на Ближнем Востоке. До 2000 года всё руководство СВР имело опыт работы на Востоке – от Примакова до Трубникова. Вы работали в этом регионе, как вы оцениваете позиции российской разведки?

– Русские очень хороши в тех странах, которые их интересуют. Египет, Сирия, Ливан, Ирак. Но в странах, которые для них менее важны, как Саудовская Аравия, они работают хуже. Даже в Израиле. Вы должны иметь в виду, что русская разведка в принципе всегда была лучше, чем западная, потому что люди, которые служат в русской разведке, имеют более высокий уровень образования, чем их коллеги в Штатах. Если ты был умным в Советском Союзе, ты шёл в разведку, если ты умный в Штатах, ты идёшь в бизнес.

– Но сейчас ситуация изменилась. Последние 15 лет были не лучшими для наших спецслужб. Вы контактируете с действующими офицерами ЦРУ, что они думают по этому поводу?

– Очень многие офицеры нашей разведки ушли в бизнес и стали там успешны. Кто-то пошёл в частные службы безопасности, они работают на подобные американские компании,

и всё, о чём они думают, это то, как делать деньги. И они не думают о России, а думают о деньгах...

– Раньше вы говорили, что у ЦРУ нет достаточного количества людей, говорящих по-арабски...

– Нет, конечно. А в Багдаде ситуация ухудшается тем, что 400 сотрудников резидентуры ЦРУ никогда не покидают «зелёную зону». Что они могут знать об Ираке? Ничего. Вы не можете сидеть в своих кампусах, смотреть телевизор и понимать такую страну, как Ирак.

– У ФСБ такие же проблемы. Во время захвата заложников в «Норд-Осте» в ФСБ не хватило людей, знающих чеченский язык, для оперативного перевода переговоров террористов. У нас это происходит из-за того, что спецслужбы не доверяют представителям этнических меньшинств. А у вас?

– Моральный дух в ЦРУ сейчас очень плох. Народ приходит и уходит очень быстро, около 20 % сотрудников увольняются каждый год. Организация, которая теряет одну пятую персонала, не может выжить. Кроме того, делается ставка на технику. У нас есть все эти шифровальные алгоритмы и суперкоды, есть оптоволоконные кабели, но всё это делает вообще невозможным работу в таких странах, как Пакистан и Саудовская Аравия. Плюс проблемы с внутренней безопасностью. ЦРУ так и не оправилось после дела Олдрича Эймса. А те правила безопасности, которые создали, чтобы подобного больше не повторилось, максимально затруднили вербовку людей на службу в ЦРУ.

– Можно ли сейчас попасть на работу в ЦРУ, будучи саудовцем по рождению?

– Это невозможно. Ты не получишь работу в ЦРУ, если у тебя есть родственники в таких странах, как Саудовская Аравия. Они всегда тебя будут подозревать. И именно поэтому так много бездарных операций из-за плохой развединформации.¹⁸

Радоваться такому невесёлому положению с кадрами в одной из мощнейших спецслужб мира нашим собственным разведчикам оснований немного – у самих таких проблем неувпорот:

«В Центре специального назначения ФСБ, есть лишь одно подразделение, которое теоретически способно на действия за рубежом. Это управление «В» (бывший «Вымпел» ПГУ ГКБ, созданный Андроповым, как диверсионный отряд). По имеющимся (открытым) данным, в управлении «В» всего 4 отдела, при этом один отдел постоянно находится в Чечне. Все должности в оперативно-боевых отделах ЦСН офицерские, но берут ребят и после срочной службы, присваивая звание прапорщика. А от прапорщика вряд ли можно требовать глубокого знания арабского. Раньше вымпеловцев засылали в другие страны, но эта практика закончилась с развалом Союза. Школа утеряна, так как в результате реформ управления (одно время «Вымпел» под именем «Веги» входил в состав МВД) там просто не оставалось классных специалистов по зарубежной диверсионной работе».¹⁹

Практически все спецслужбы во всех странах мира позиционируют себя, как сберегателей безопасности государства и общества от иностранных шпионов, «международного терроризма», агентов влияния в собственной правящей элите, от организованной преступности, разрушающей, растлевающей нацию наркотиками, азартными играми, проституцией.

8. Взаимодействия и конфликты спецслужб с институтами государства и общества

¹⁸ Роберт Бэр. «ЦРУ пало духом». «Новая газета». 16.02.2006 г.

¹⁹ Андрей Солдатов. «У ФСБ просто не осталось сил, способных эффективно действовать в глубоком тылу противника». «Новая газета». 24.08.2006 г.

Придумывается и возвещается много ещё хорошего подобного. Слов нет, что-то из того, что перечислено, всё-таки делается. Но в целом же картины реальной жизнедеятельности и возникающих при этом взаимодействий спецслужб с другими институтами общества носят во многом совершенно иной, отличный от рекламируемого, характер.

Не всегда, правда, хуже, но иной. В котором есть место не только противоборствам, переходящим иногда в схватки не на жизнь, а на смерть, но и взаимопомощи, взаимоподдержкам, обмену взаимными услугами. Не во всех масштабных, длительных противостояниях, позиционных боях преимущества, доминирование на стороне только спецслужб. Распределение людей в социумах по синекурам, поприщам закономерным бывает только отчасти, чаще – по случайным обстоятельствам: «Важно в нужное время оказаться в нужном месте».

Многим способным в этом смысле сильно не везёт. И этот вечный элемент случайности в рисунке каждой человеческой судьбы весьма часто заносит людей со своеобразными жизненными принципами, мировосприятием совсем не туда, где бы им надлежало бы быть по логике их характеров.

А потому, весьма нередко иной «вор в законе» ведёт себя гораздо патристичнее, нежели иные вельможи государства и те государственные структуры, которые они возглавляют. И такие «несовпадения» – вещь весьма и весьма распространённая в социумах со многими, иногда и весьма впечатляющими, следствиями. Больше – негативного свойства.

Совсем недавно, в декабре 2006 г. бывший сотрудник службы внешней разведки СССР, работавший в 70-е годы ушедшего столетия корреспондентом одной и советских газет в Италии Л. Колосов, поведал в телеинтервью о том, как неожиданно для себя был приглашён на встречу с одним из боссов итальянской мафии, в конце которой ему были переданы обширные материалы по готовящемуся в стране фашистскому перевороту.

Материалы были настолько убедительны и детальны, что на подготовленную по ним публикацию в советской прессе последовала весьма решительная и категоричная реакция официальных властей и правоохранительных органов. С той поры минуло четверть века. События тех лет нашли достаточное отражение и в публицистике, и в кинематографе, и в детективной литературе.

Своеобразие той ситуации, её беспрецедентность заключалась прежде всего в том, что государственный переворот – тягчайшее преступление против власти, государства – готовился при активном участии ряда руководителей итальянских спецслужб, призванных в первую очередь защищать конституционный порядок и конституционные органы власти.

А предпринял решительные, тщательно спланированные и хорошо подготовленные шаги по предотвращению путча главарь одной из влиятельных «семей» мафии. То есть, как раз тот, кого официальная власть, общественное мнение однозначно числили в наиболее опасных врагах государства и общества.

И подобное можно изрядным числом обнаружить в истории практически любого государства. Что никак не влияет на сложившиеся устойчивые стереотипы в общественном мнении о роли, значении спецслужб, правоохранительных органов и других «опор и надеж» государства. Что, в общем-то, вполне и обосновано – всё-таки «правда в больших числах».

Более того, генералы организованной преступности и их «армии» по всему миру – самые последовательные и решительные противники тоталитаризма, диктатуры. Ибо сами являясь самыми радикальными, безмерными «мелкопоместными» диктатурами, отлично противостоят в таком качестве любым усилиям либеральных демократических режимов справиться с преступностью. А вот фашистским диктатурам они противостоят не могут – кишка тонка.

Организованная преступность с её изобильными, бесконтрольными деньгами от наркотрафика, игорного бизнеса, проституции прекрасно вписывается в избирательные демократические процедуры формирования органов государственной власти и местного самоуправления.

А через эти «органы» в состоянии достаточно эффективно влиять в своих интересах не только на правоохранительные органы, но и на спецслужбы. Против чего сами спецслужбы никогда и нигде особо не возражают – контакты с оргпреступными сообществами им самим во многих обстоятельствах нужны самым настоятельным образом.

Например, для нейтрализации быстро набирающих силу оппозиционных режиму профсоюзных или политических лидеров, имеющих серьёзные шансы пройти в руководители государства. Всего-то и надо в оплату «услуг» выпустить из тюрьмы пару главарей мафии или оттянуть вцепившихся в видных деятелей триад местных полицейских.

Можно также с помощью контролируемой оргпреступностью профсоюзов блокировать работу национального транспорта и погрузить страну в хаос, спровоцировав отставку неугодной политической правительственной команды.

Со структурами организованной преступности сопредельных не очень дружественных стран, спецслужбам, имеющим разветвлённую сеть по сбыту наркотиков, всегда можно договориться во имя своих целей о сбыте крупных партий наркотиков, оружия, боеприпасов и другого подобного и высокодоходного «товара», разрушительного для общества «нежелательного» государства.

Вполне пригодны для «употребления» спецслужбами и обычные коды дворовой шпаны, нуждающиеся в деньгах на алкоголь или наркотики. Этим «генералов песчаных карьеров» незасорно нанять на приуроченные к удобному моменту осквернения синагог, исторических памятников, провоцирования межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Настоятельная нужда в которых для различных политических сил возникает постоянно, а организовывать подобные акции приходится спецслужбам через свою «сопливую агентуру».

Учитывая же, что спецслужбы никогда и нигде не занимаются проблемами общеуголовной преступности при любом её уровне в обществе, они никогда и не рассматривают оргпреступность, как своего противника. А вот союзником её неформально числят (и пользуют) по множеству направлений своей практической деятельности.

Полезных союзников нередко приходится защищать. Чаще всего от собственных органов внутренних дел. В России последних двух десятилетий процесс взаимовыгодного сотрудничества спецслужб и структур оргпреступности пошёл и глубже, и шире – стала своеобразной практикой «крышевания» бизнеса, банков, подразделения служб безопасности вполне успешно выполняют подчас и функции наёмных убийц:

«Сотрудники отдела «Т» (борьба с терроризмом и защита конституционного строя) из УФСБ Калининградской области принимают заказы на устранение бизнесменов... Киллер признался, что является агентом ФСБ и у него было удостоверение оперуполномоченного в звании капитана».²⁰

Ещё свидетельство: «Элитным офицерам КГБ, зачастую потомственно, вбивалась в голову известная система ценностей. Она, конечно, подразумевала приоритет интересов государства перед интересами какой-то там отдельной личности, но она же включала в себя пусть не идею законности, но всё же понимание того, что и во имя чего допустимо делать.

Также люди были, но они давно уже стали легендой. Часть из них состарилась и «выбыла». Другая, весьма значительная часть создала компании и банки, перешла служить в и под коммерческие структуры, где быстро утратила ориентиры... Но в «том КГБ» их вряд ли отнесли бы к элите. О кадрах же ФСБ выпечки после 90-х и говорить нечего, штамп «сделано в КГБ» на них – такая же липа, как лейбл Levi's на советском самоостроке.²¹

Но общество с рыночной экономикой, к каковому типу теперь принадлежит и российское, кроме совместной договорной деятельности предполагает обязательно и

²⁰ Игорь Корольков. «Управление ТТ». «Новая газета». 07.11.2005 г.

²¹ Леонид Никитин. «Гражданские орды». «Новая газета». 23.05.2005 г.

жесточайшую конкуренцию. Что в полной мере свойственно и криминальной практике многих сотрудников спецслужб. Свидетельством чему один из множества примеров:

«В 1995 году я готовил статью о банде братьев Ларионовых, терроризировавших Владивосток в начале 90-х. Банду разоблачили. Уголовное дело вела Генеральная прокуратура. Выяснилось, что преступная группа была какой-то страной. Она скорее напоминала воинское подразделение с чётко организационной структурой, строгой иерархией и железной дисциплиной. В её составе оказались бывшие отличники ВДВ и морской пехоты, блестящий офицер-десантник и один из лучших сотрудников местной прокуратуры.

Сами члены банды бандой её не называли. Они называли её Системой... Система была прекрасно вооружена, располагала несколькими десятками конспиративных квартир. С помощью обширной агентурной сети собирала информацию о лидерах преступного мира, бизнесменах и сотрудниках государственных учреждений. Банда убивала. Её жертвами становились криминальные авторитеты и бизнесмены, связанные с криминалом...

Удалось выяснить, что с бандой работали два полковника ГРУ: действующий начальник агентурного управления Зубов и бывший начальник оперативно-аналитического центра той же разведки Полубояринов... Полубояринов непосредственно формировал банду и тоже руководил в ней аналитическим центром.

Спецслужбы создали параллельные структуры для приведения в исполнение внесудебных приговоров... На базе таких структур возможно создание постоянно действующих лжебанд, которые вступают в плотный оперативный контакт непосредственно с ОПГ бандитской направленности и ОПГ, специализирующихся на заказных убийствах и терактах...».²²

Приведённый пример «взаимодействия» российских спецслужб с оргпреступными сообществами – не исключение, а только эпизод обширной, длящейся уже второе десятилетие практики. О том, что она – отнюдь не важная составляющая часть борьбы правоохранительных органов с оргпреступностью, а только «коммерческая составляющая» жизнедеятельности российских органов госбезопасности – свидетельствует вся российская реальность.

Где правят бал обвальные злоупотребления служебным положением всевозможных должностных лиц, включая и правоохранителей, именуемые в обществе «коррупцией», где любая общеуголовная организованная преступность всегда в тесной «смычке» с органами власти, управления, правоохранительными структурами и спецслужбами. Вместе дополнительно ещё занимаются и всевозможной предпринимательской деятельностью.

Один из множеств примеров тому: «Нашу страну лихорадит от громких скандалов и арестов таможенных чинов... прокуратура и ФСБ начали ловить по несколько десятков таможенников в неделю, но это полумеры, поскольку основным заработком таможи являются конфискованные товары. Конфискация – это национальный вид спорта. Им занимаются все: таможенники и милиционеры, чекисты и судебные приставы. В идеале эта процедура должна воплотить в жизнь сказку о Робин Гуде, когда ценности отбираются у плохих людей и отдаются хорошим. В реальности же это очень часто отлаженный криминальный бизнес».²³

Российские печатные СМИ изобилуют материалами об участии российских спецслужб и структур МВД, генеральной прокуратуры в контрабанде мебели, китайского ширпотреба на сотни миллионов долларов. Это – в столице. В регионах местные подразделения не очень отстают в такой практике от своих столичных коллег и начальников. А «на круг» по стране получают астрономические суммы, добытые «государевыми слугами» криминальным

²² Игорь Корольков. «Запасные органы». «Новая газета». 11.01.2007 г.

²³ Максим Агарков. «Конфискация – это национальный вид спорта». «Новая газета». 08.06.2006 г.

путём исключительно для личного обогащения своей руководящей верхушки. И почти никогда – на «общее дело».

Об участии российских спецслужб в лице их руководства, действующих и бывших сотрудников в превращении банковской деятельности в частности, и всей финансовой системы государства в целом в сплошной криминальный бизнес, известно из тьмы публикаций на эти темы ныне даже, пожалуй, слепым и глухонемым. Нечто отдалённо подобное этому имело место, разве что, при некоторых диктаторских режимах в странах Латинской Америки и Африки.

В большинстве современных стран спецслужбы таких благоприятных условий не имеют и вынуждены для своих неизбежных гешефтов продумывать и осуществлять целые спецоперации в сфере банковского бизнеса, чтобы надёжно прятать концы в воду. Или хотя бы соблюдать внешние приличия в там, где СМИ не рискуют задирать спецслужбы.

В России спецслужбам не приходится утруждать себя на этот счёт. И вовсе не потому, что они к этому стремились – в пору безвременья всегда сильнее оказываются тот, что состоит в мощных корпорациях, сплочён хоть какой-то дисциплиной и обладает долей властных полномочий. А потому неизбежно начинает корпоративно доминировать во всех сферах жизнедеятельности социума, где есть заслуживающие внимания прибыль, приработки, продвигаясь и концентрируясь в этих сферах интуитивно – на запах денег, добычи.

У государственных силовых структур в этом стихийном промысле есть весьма убедительные «аргументы» для любых других конкурентов в этом досужем корпоративном увлечении. У спецслужб же они – самые впечатляющие.

Службы, даже эпизодически взаимодействующие со структурами организованной преступности, объективно вынуждены выступать, как их защитники перед правоохранительными органами государства. Обычно – изредка, в современной же России – сплошным единым с криминалом фронтом. Противоборствуя, правда, и здесь на свой специфический манер: вовлечением высокопоставленных «правоохранителей» в совместные с криминалом гешефты, обеспечивая криминальных «авторитетов» компрометирующей информацией на несговорчивых оперативников, следователей, прокуроров, судей. Каковых, правда, в России почти уже и не осталось, но всё ещё встречаются в других странах.

Так что, спецслужбы повсеместно – по крайней мере, не враги оргпреступности. А если таковое и происходит – то эпизодически, как элемент конкуренции, из-за вторжения оргпреступности в сферы традиционных интересов спецслужб, либо из-за некоторого обнагления или чрезмерной спеси паханов, набравших большую силу. Правда жизни и здесь – в больших числах статистики, а не в отдельных эпизодах «правильного» поведения спецслужб, тиражируемых, как правило, в героических кинофильмах в их честь и на их деньги для формирования «правильного» сознания многомиллионных человеческих аудиторий.

Незримое, ничем особо не афишируемое доминирование спецслужб над всеми прочими госструктурами, включая правоохранительные, существует в реальности практически повсеместно в разной степени «концентрации». А обусловлено в большей степени субъективными мифологизированными ощущениями и мировоззренческими умозрительными конструкциями самого чиновничества.

Но одно государственное ведомство постоянно представляет для спецслужб особый интерес, с которым спецслужбы всегда сотрудничают и взаимодействуют почти на равных. Речь идёт о министерстве иностранных дел. Вот, как виделось это на примере деятельности КГБ СССР историку разведки, профессору Кембриджского университета Кристоферу Эндрю:

«Более всего меня поразило, что именно КГБ, а не советский МИД осуществлял внешнюю политику СССР. Именно эта организация была главным инструментом советской внешней политики. К примеру, когда в конце 50-х годов к власти пришёл Фидель Кастро, по его настоянию советский посол на Кубе был смещён, и его место занял резидент КГБ, с

которым Кастро привык иметь дело. Да и вторжение в Афганистан было инициировано КГБ и началось с организованного им убийства президента Амина...

Резидентура КГБ в Индии в 70–80-е годы была крупнейшей за пределами СССР. В 70-е годы её возглавлял Леонид Шебаршин, который впоследствии стал главой Первого главного управления КГБ. Он потратил свыше десяти миллионов долларов на поддержку партии Индиры Ганди и антиамериканскую пропаганду в Индии. Из архива явствует, что это ведомство фабриковало фальшивки под видом документов ЦРУ, чтобы убедить индийское правительство в происках США.

Агентура КГБ подбрасывала липовые документы с грифом ЦРУ, в которых говорилось о поддержке США сикхских сепаратистов, стремящихся к созданию государства Халистан. Сама Индира Ганди и не подозревала, что значительные суммы, поступившие в фонд её партии от спонсора Нараяна Мишры, на самом деле шли из Москвы. Согласно документам архива, КГБ подкармливал в Индии десять газет и информационное агентство. Из отчётов резидентуры явствует, что в 1972 году она разместила в индийской печати около четырёх тысяч нужных ей статей, в 1975-м – уже пять тысяч. Трудно поверить, но в начале 80-х в Индии было 1500 обществ индийско-советской дружбы, которые курировало КГБ (и только два общества индийского-американской дружбы)». ²⁴

Надо полагать, что советским историкам разведки (возможно тоже профессорам известных университетов) есть, по крайней мере, и побольше, что рассказать о действиях ЦРУ, Моссад, АНБ и иных прочих спецслужб под «крышами» своих посольств во всех прочих без исключения странах мира. Есть неисчислимые множества тому свидетельств в целом ряде серьёзных и в публикациях исследований работы зарубежных спецслужб. К примеру, внешнеполитическое ведомство самой могучей ныне империи мира США – государственный департамент – вполне можно рассматривать, как «вспомогательное средство» разведсообщества этой страны:

«В последнее десятилетие число разведслужб в структуре гражданских министерств и ведомств возросло. Старейшая среди них – разведывательная служба государственного департамента – Бюро разведки и исследований. По официальным предписаниям его основная задача – анализ и оценка информации, которую посольства США получают открытыми методами. Однако факты говорят о том, что многие американские дипломаты, не считая сотрудников ЦРУ, были пойманы с поличным в различных странах, когда они занимались сбором информации не открытыми, а шпионскими методами...

Административный директорат, помимо общих «рутинных» функций по управлению делами ЦРУ, обеспечивает тайные разведывательные и подрывные операции, имеет своих представителей в резидентурах... По решению правительства на АД возложена также обязанность поддержания отдельной связи между государственным департаментом и многими посольствами США... ЦРУ, по мнению Розитцке, стало столпом имперского президентства.

Президенты, считает он, систематически использовали его, как механизм, с помощью которого они могут проводить внешнюю политику без дипломатов... Бесспорно ЦРУ пользуется влиянием в Белом доме. Оно не просто даёт информацию, а участвует в выработке курса США на международной арене. Это влияние в последние годы всё время усиливалось. Последнее слово в вопросах разведки перед принятием президентских решений принадлежит директору ЦРУ. Но не только в вопросах разведки. Директор ЦРУ обретает вес в выработке военной и внешней политики». ²⁵

Практика спецслужб иных стран, если и отличается некоторым своеобразием в виде несколько иных традиций, структуры или доли сотрудников спецслужб в посольствах, то

²⁴ Ефим Барбан «Диссидент с Лубянки». «Московские новости». 23.09.2005 г

²⁵ В.В. Петрусенко. «Белый дом и ЦРУ». Москва. «Мысль». 1985 г. стр. 15, 32, 44.

весьма незначительно от общемировой практики. По которой вычленив «чистого» карьерного дипломата от сотрудников посольства, работающих на спецслужбы, практически невозможно.

Так что, в целом дипломатический корпус, скорее всего, можно рассматривать, как серьёзный вспомогательный ресурс для спецслужб уже самих спецслужб, чья востребованность политической властью несопоставимо выше, нежели все дипломатические функции вместе взятые. Дипломатия мира в первую очередь – институт для прикрытия с помощью иммунитетов деятельности разведок мира. И только, во вторую, в третью очереди – для исполнения функций собственно дипломатии.

Очень интересны взаимодействия и взаимоотношения спецслужб и крупного промышленно-торгового и банковского капитала. Традиционно в мире это выглядит примерно следующим образом:

«ЦРУ создано так, как было задумано: как орудие политической власти сугубо классового характера. Уже в самом начале на многие руководящие посты в нём пришли представители финансовых, деловых, юридических кругов, связанные с Уолл-стритом... С самого момента своего зарождения – пишет американский социолог У. Домхофф, – и на протяжении дальнейшей истории, ЦРУ находилось под контролем членов высшего класса и функционировало в механизме элиты власти... Но связи с предпринимательской верхушкой не ограничиваются согласием отдельных её представителей временно отойти от своих дел и погрузиться с головой в шпионско-диверсионную сеть, которая, как паутина, охватывала бы весь земной шар. Руководители ЦРУ регулярно встречаются с членами Совета бизнеса, включающего в себя владельцев 200 крупнейших корпораций, поддерживают контакты с кланами Рокфеллеров, Милонов, Уитни и др.

Особенно тесное партнёрство сложилось у ЦРУ с нефтяными монополиями США, которые не довольствовались тем, что поставили себе на службу государственный департамент, конгресс и в какой-то степени Белый Дом. Реализация обширных программ оснащения разведывательных ведомств современной техникой и технологией сблизила их с магнатами электронной и аэрокосмической промышленности. В ряде случаев ЦРУ помогало «Локхиду», «Боингу» и другим компаниям сбывать авиационную технику за границей, выводя их на «своих» лиц в иностранных правительствах, которые способствовали заключению контрактов за взятки.

ЦРУ считало своим долгом оказывать всяческое содействие транснациональным корпорациям. Те же, в свою очередь, рассматривают разведывательные органы в качестве штурмовых отрядов американского капитализма. Бывший сотрудник ЦРУ Ф. Эйджи указывает, что ЦРУ является фактическим орудием, отстаивающим во имя «национальной безопасности» интересы крупнейших транснациональных корпораций... Выражением благодарности заправил нефтяной, электронной, аэрокосмической и других отраслей промышленности сотрудникам разведывательных органов за их деятельность является представление многим из них после ухода в отставку тёпленьких местечек в ведущих корпорациях энергетического сектора экономики и военно-промышленного комплекса.

«Многие бывшие сотрудники разведки США, – пишет корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дж. Гердт, – подписали прибыльные деловые контракты благодаря тому, что во время службы в правительстве они имели доступ к сверхконфиденциальной информации и поддерживали совершенно секретные связи с иностранными официальными лицами. Один бывший сотрудник, например, является представителем американской компании в африканской стране, где он участвовал в тайной операции ЦРУ, способствовавшей приходу к власти нынешнего президента этой страны. Другой бывший сотрудник имел в своё время конфиденциальные связи с правителем одной арабской страны, а теперь он за 300 тысяч долларов консультирует ряд американских фирм, действующих в этой стране».

Среди консультантов корпораций называются имена бывших директоров ЦРУ, их заместителей, начальников директорат, отделов, служб, резидентур ЦРУ, сотрудников

РУМО, АНБ и других ведомств «разведывательного сообщества».

Не говоря уж о высшем руководстве, среднее звено ЦРУ формировалось преимущественно из выпускников восьми привилегированных университетов, расположенных в восточных штатах и образующих, так называемую, «Лигу плюща». Слышущие интеллектуалами и либералами выходцы из «Лиги плюща», даже если они не обладают личным состоянием, получают поддержку правящего сословия (истеблишмента), которое рассматривает их, как свою надёжную опору. Среди них преобладают члены демократической партии. Если же учесть, что верхушка ЦРУ с самого начала складывалась в основном из членов республиканской партии, то в целом центральное разведывательное управление рос-лоб как ведомство, в котором относительно сбалансировано представлены обе партии монополистического капитала...

ЦРУ стремилось планомерно заручиться поддержкой максимально широкого круга влиятельных лиц. Большую возможность в этом смысле даёт деятельность советов по международным отношениям, существующих в различных городах Америки. Членами их являются представители финансовых, промышленных и торговых кругов, монополизированных средств массовой информации, академического мира, технократии. Ведущим среди них считается Совет по международным отношениям в Нью-Йорке. Одним из его основных директоров был А. Даллес, не порывавший с советом, пребывая на руководящих постах в ЦРУ...

Показательно, что в январе 1968 года под председательством бывшего министра финансов банкира Дж. Дилона в рамках Совета работала «дискуссионная группа по вопросам разведки и внешней политики». Выступивший на заседании группы бывший начальник Директората разведывательных операций, заместитель директора ЦРУ Р. Биссел впервые дал развёрнутый анализ стратегии ЦРУ в сфере тайных подрывных действий...

Выступая в 1981 г. в конгрессе, президент Ассоциации бывших сотрудников разведки Дж. Маури подчеркнул, что ничто не должно вести к разрушению существующих «конфиденциальных отношений ЦРУ с американскими деловыми кругами, научным миром и др.». Действительно, американская разведка высоко ценит большую прямую помощь, которую она получает от бизнесменов. В американской печати приводилось множество примеров того, как предприниматели выполняли различные «просьбы» разведки: и сбор информации, и вербовка иностранных агентов, и подготовка переворотов. Немало фирм и всевозможных офисов, с разрешения их хозяев, служат в качестве «крыш», прикрывающих деятельность ЦРУ.

Когда же ЦРУ создаёт собственные «подставные» банки, фирмы, предприятия, авиалинии, под вывеской которых работают разведчики, им вменяется в обязанность наладить многостороннее сотрудничество с деловым миром. Говоря о проблеме секретного субсидирования агентуры ЦРУ посредством различных каналов, первый руководитель операций «ковертэкшн» Ф. Визнер наставлял своих подчинённых: «Чрезвычайно важно добиться участия в них (подставных фирмах) людей, которые хорошо известны, благодаря собственному богатству.

Важными рычагами политического, идеологического и культурного влияния служат у американского капитала, так называемые, благотворительные фонды. К ним также был открыт широкий доступ разведке... Они помогли ЦРУ маскировать свои операции внутри США и за границей... ЦРУ поначалу тайно, а затем всё более открыто осуществляло «связи с общественностью» («паблик релэйшнс») в самой Америке. Оно внедряло своих агентов или обзаводилось «друзьями» в ведущих органах печати, радио и телевидения, разумеется, с согласия владельцев средств массовой информации».

Приведённое весьма объёмное цитирование исследования основных сторон взаимоотношений капитала и спецслужб на примере разведсообщества США можно множить и по немалому числу имеющихся других источников. Но в упрощённом виде и для спецслужб справедлив чеканный тезис капитанов американского бизнеса: «Что хорошо для «Дженерал Моторе» – хорошо для Америки».

Здесь вся программа жизнедеятельности всего американского разведсообщества. Которая неукоснительно выполняется. «Персонификация» отношений капитала и спецслужб на уровне конкретных ТНК, банков, фирм и конкретных руководителей спецслужб строится и по законам социальных коммуникаций, и по «велению сердца» чинов, стремящихся всегда прислониться покрепче к возможно большим деньгам (вместе с множеством прочих желающих «погреться»).

Во всех иных прочих «развитых» странах со сложной системой (деньги позволяют!) спецслужб, технологии и схемы взаимодействий базовых конструкций капитала разведобществом принципиально ничем не отличаются от приведённых выше в качестве примера США. Включая нынешнюю Россию, где на скорую руку сляпанный по преимуществу из лихих людей новороссийский «истэблишмент» горячо принял в свои объятия, в качестве «друзей» или руководителей служб безопасности, действующий и бывший генералитет спецслужб. И оттого, что время от времени «друзья» давливают до смерти некоторых своих «опор и надеж» из мира капитала, ничего принципиально не меняется в этой дружбе не на жизнь, а на смерть. Принцип упомянутых взаимоотношений, несмотря на обилие оттенков, неповторяющиеся ситуации, известен, прост и действенен: «кто платит, тот и музыку заказывает». Хотя нередко «музыканты» сами предлагают весьма «навязчивый сервис» – и по ассортименту, и по непомерно высокой цене за предложенную ненужную «услугу».

Есть ещё ряд существенных особенностей, свойственных данному типу отношений капитала и спецслужб: во-первых, здесь каждый отдельно взятый финансист, воротила бизнеса всегда слабее любой спецслужбы, будь он хоть самым Соросом или Биллом Гейтсом. Но в лице своих близких «друзей» в виде президентов, глав министерств, конгрессменов, в виде своих «коллективных «я»» в лице Союзов предпринимателей – всегда подавляюще сильнее, как отдельных спецслужб, так и их совокупностей.

Во-вторых, только производственный и финансовый капитал в состоянии производить весь потребный для его «элиты» ассортимент продукции, благ, услуг. Все остальные стороны взаимоотношений (политическая власть, спецслужбы, армия и др.) – только главные «потребители». Несмотря даже на то, что спецслужбы повсеместно умудряются довольно прилично «зарабатывать» сами, хотя обрётённое «левым» способом в подавляющем объёме тихонько прикарманивается. Чему множество свидетельств в публикациях о работе спецслужб:

«Многие специальные агенты ЦРУ быстро поняли, что их шпионская «крыша» даёт им лицензию на воровство. Если, например, для прикрытия своей шпионской деятельности они порой занимались контрабандой, торговлей оружием и наркотиками, то выручку преспокойно клали себе в карман».

У сотрудников российских спецслужб и органов внутренних дел с их копеечными денежными окладами добывание средств к приличному существованию является уже не эпизодическим, а постоянным занятием, приоритетным среди многих служебных задач.

Учитывая, что, по определению самих же капиталистов, «бизнес – это война», причём, война непрерывная, полномасштабная, с напряжением всех ресурсов, с использованием всех мыслимых подручных средств, то в этой войне крупным и средним капиталом использование возможностей спецслужб представляется делом вполне естественным, тривиальным, неизбежным. Как и использование возможностей структур организованной преступности. Так что и самые грязные методы работы спецслужб являются обычной составляющей «деловой этики» бизнеса. И пытаться здесь отделить «чистых от нечистых» – заниматься лукавым трюкачеством, словоблудием.

И уж, понятное дело, практика и спецслужб и бизнеса и рядом не лежала с нормами официальной общественной нравственности, тем более – заповедями священных писаний. Различия в этих пресловутых «кодексах деловой чести» от социума к социуму, безусловно есть, иногда – весьма существенные. Но при этом и самые приличные из них прочно остаются в зоне разнообразных «целесообразных» человеческих негодяйств. Как бы ни

ухищрялись многообразные современные «книжники и фарисеи» представить ситуацию умиротворяющей, богоприемлемой, богоугодной.

Ещё одной наиболее распространённой и высокоэффективной формой самоорганизации собственников – капиталистов для ведения своих бесчисленных и бесконечных разнообразных бизнес-войн являются масонские организации, где «гармонично» сплетаются во имя совместной скоординированной «работы», капиталисты, властвующие и спецслужбы. Они же являют миру образцы вседозволенности жизненной практики «истеблишмента» любой «цивилизованной» страны.

Наиболее полно «живописуют» такую современную нам жизнедеятельность журналистов, историков, учёных материалы, относящиеся к скандальной известной итальянской масонской ложе «П-2». Начнём с итальянского публициста:

«С масонами связаны ведущие фигуры политического и финансово-экономического руководства многих стран Запада. Среди масонов, как правило, ответственные чины ЦРУ. Центр руководства филиалами тайного общества, разбросанными по многим континентам и странам, находится в США. События в Италии показали, как каналы масонства используются для оказания политического давления, для вмешательства, через оккультные силы, в дела стран союзников США. И не только их.

В Италии «вольные каменщики» стали проводниками экспансионистской линии США и даже приняли на себя организацию политического террора. Ложа П-2 плела заговор против собственной страны, её общественного устройства. Возглавил ложу агент американской военной контрразведки, бывший фашистский офицер Личо Джелли. В момент похищения Моро на Джелли была возложена обработка информации секретных служб, касающейся обстоятельств преступления. Внутри ложи под его руководством работали все шефы секретных служб Италии, их помощники и доверенные лица. Ложа курировала и «параллельные» структуры секретных служб, напрямую служившие ЦРУ. Членами ложи являлись руководители министерства обороны Италии, лидеры ряда партий, депутаты, а также крупнейшие банкиры, промышленники, директора газет и журналов, радио и телевидения.

Этот «спрут», – так именуют в Италии систему тайных организаций, – протянул щупальца в жизненно важные центры страны. Он связан и с преступным миром, наёмными убийцами. Хотя ложа П-2 формально запрещена, мало кто из её участников заплатил за пребывание в ней. Тайное олигархическое общество, защищающее привилегии привилегированных, сохраняет своё могущество, рычаги влияния.

...Чем же объяснить такое многочисленное представительство в ложе руководящих работников спецслужб? Думается, скорее всего с 1977 года П-2 превратилась в точку соприкосновения всех «параллельных структур», обладающих реальной властью в стране... С обнаружением списков членов ложи П-2 секретные службы оказались в пикантной ситуации: там рядом с именами представителей военной элиты стояли имена руководителей СИСМИ и СИСДЕ».²⁶

Любопытен «вклад» отцов итальянской нации, входивших в П-2, в обеспечение правопорядка в собственной стране:

«Как писал в июне 1981 года журнал «Панорама», органы правосудия, проявившие интерес к терроризму, знают, что в эти годы следствие, часто стоявшее на пороге истины, было вынуждено поднять белый флаг, капитулировать перед «невидимым противником». И вот теперь после опубликования списка членов ложи П-2 и обнародования в книге «Во имя ложи» связей масонов, становится ясно, что у подчинявшихся Джелли «по масонской линии» руководителей секретных служб, высокопоставленных государственных и партийных деятелей, ответственных сотрудников министерств, представителей военного командования,

²⁶ Джузеппе Де Лутинс. «История итальянских секретных служб». Пер. с ит., Москва, Изд. «Прогресс», 1989 г., стр. 9, 299.

высших эшелонов финансово-экономических кругов и средств массовой информации Италии было достаточно сил и возможностей, чтобы запутать, затормозить, а то и вовсе прекратить начатое следствие по любому делу, в той или иной степени затрагивавшему их интересы».²⁷

Продуктивная совместная деятельность спецслужб и масонских лож отнюдь не ограничивается упомянутыми здесь США, Италией. Масштабы, размах, планы на ближайшую и отдалённую исторические перспективы впечатляют и поныне:

«Луис М. Гонсалес-Мата ранее был ответственным чиновником испанских секретных служб и в этом качестве имел доступ к материалам, которые обычно остаются за семью печатями для рядовых граждан, не посвящённых в секреты буржуазной политической кухни. На основе собранного им богатого документального материала автор пришёл к выводу, что политическую линию всему буржуазному миру диктуют могущественные центры невидимой власти – так называемая, «трёхсторонняя комиссия» и Бильдербергский клуб, прикрывающиеся вывесками безобидных клубов, а также тесно связанные с ними масонские ложи».²⁸

В начале пятидесятых годов США решили, – пишет Гонсалес-Мата, – что в Европе надо заменить их открытое присутствие другим, менее бросающимся в глаза способом обеспечить своё господство, а именно через посредство многонациональных корпораций и проамерикански настроенных политических деятелей, финансистов, агентов секретных служб».²⁹

Кто в разнообразных связках «масоны – спецслужбы» главнее, кто реальный «ведущий», а кто – «ведомый» складывается в различные времена и в различных обстоятельствах по-разному. Несомненно, ЦРУ через своих креатур в высших уровнях масонских иерархий в ведущих европейских странах в состоянии направлять в определённой мере работу бизнес сообществ, правительств в нужное США русло (в понимании конкретных руководителей ЦРУ).

Но и масоны, работая в структурах ЦРУ, других спецслужб – возможно в ещё большей мере – способны задавать нужный им тон. Здесь важная роль принадлежит личностям таких масонов, их мировоззрению, мировосприятию. Озарений и мощных духовных прорывов ждать здесь, однако, вряд ли следует – «усреднённая» этика типичного масонского поведения, устремлений мало чем отличается от «грязной работы», как сотрудников спецслужбы, так и обычной общеуголовной (в том числе и организованной) преступности.

Подобно жестокому и беспощадному кодексу поведения уголовной коды, любая иная «неформальная» группа и их система вынуждены следовать во многом логике поведения тривиальных уголовников. Масоны – тем более не исключение:

«Уже сто лет назад Италию сотрясали скандалы, связанные с масонством. Тогда стала популярной поговорка: «Не все масоны – жулики, но все жулики – масоны». А словечко «фрамасоне» от французского «франкомасон», что означает «вольный каменщик», стало синонимом нечистоплотности в делах. Из Италии оно перекочевало в Россию, превратившись в «фармазона»... Обратимся теперь к рефрену золота и денег, столь значимым в практике масонства. По своим этическим понятиям оно не считает богатство и его символы злом... А раз так, то накопление богатства является для масона своего рода высшей целью, помогающей всем его «братьям»... Более того, «брат», совершивший

²⁷ Франческо Ломбрасса. «Во имя ложи». Пер. с ит. Москва, изд. «Международные отношения», 1983 г., стр. 11.

²⁸ Весьма подробно о Трёхсторонней Комиссии написал проф. Энтони Саттон в книге «Кто управляет Америкой». – Д. Б.

²⁹ Владимир Малышев. «За ширмой масонов». Москва. «Советская Россия». 1984 г. стр. 87.

прегрешения, награвший руки на добыче богатства, не столь виновен, если старался во имя «храма соломонова». А раз так, то надо отстоять его от покушений грубой толпы...

Погоня за богатством и властью у масонов возведена в добродетель, определена, как цель... Ещё хотелось бы отметить террористическую деятельность масонов. Хотя Джелли уверял, «масонская вендетта» – это средневековая басня, но серия загадочных смертей, поражающих «братьев», столь длинна, что не верится в случайность. Отмечая связи «братьев» с подобными террористическими действиями журналист Пикорелли писал: «Вот уже много лет, как в Италии не было ни одного крупного преступления, над которым не витала бы тень масонства». Остаётся добавить, что Пикорелли, близкий друг Джелли, ставший затем его смертельным врагом и начавший разоблачать «братьев», был убит выстрелом в рот». ³⁰

Здесь нет ничего особого, тем более зловещего: денег и власти желает большинство дееспособных людей. Но профессионально, неистово занимается достаточно ограниченная часть таких страждущих (многие просто весьма ленивы, не инициативны в достижении желанного и предпочитают пассивно ждать, когда удача, везение преподнесут им впечатляющие дары судьбы).

Естественно, что наиболее успешны изначально уже те, кто обладает хоть какой-то властью, собственностью, накоплениями. Они же – желанные кандидаты для включения в разнообразные группы, кодлы и их сложные системы, разрастающиеся порой (как масонские структуры) на целые континенты.

Любые кодлы, сложившиеся в устойчивые структуры («воры в законе» в России, имеющие «смотрящих» во всех значимых городах, во всех регионах), живут по своим жестоким, неумолимым законам, предписывающим всем своим членам, под страхом лишения жизни, такой кодекс поведения во имя устойчивого выживания и воспроизводства системы в самых неблагоприятных условиях, который низводит логику социального поведения любого адепта системы до банальной жизненной практики якудза.

Но если якудза и им подобных во всём мире худо-бедно опекает уголовная полиция, то, к примеру, масонов, концентрирующихся у вершин пирамид власти и денег, системно не опекает никто – только эпизодически возникающие диктаторские, фашистские режимы устраивали на них кровавые облавы. Но случается это настолько редко, что в исторической перспективе никак не сказывается на жизнеспособности масонства. Это имеет важнейшим непреходящим следствием для человеческой цивилизации только то, что общеуголовная «этика» является основой мотиваций в жизнедеятельности всех без исключения «элит» социумов, за редкими исключениями.

Сплочённым же в кодах во имя обретений власти и состояний успех гарантирован: со времени племенной жизни только охота сообща, целым родом приносила добычу. А потому, чем больше в ложе «братьев» из числа правительственных чинов, генералов спецслужб, правоохранительных органов, банкиров – тем более впечатляющ и «улов».

В нынешней России, когда подавляющую часть молодого дееспособного населения охватила эпидемия неудержимого, неутолимого ничем обретательства и поглощения возрастающими дозами разнообразных удовольствий, сложились, как нигде, наиболее благоприятные условия для стремительного разрастания масонства с его выверенными в столетиях технологиями «селекции» наиболее продуктивных и беспринципных.

Российские спецслужбы здесь не только никакое не препятствие, а только сильнейший катализатор такого процесса, возможно ещё и регулятор отношений между множеством возникших масонских структур, оргпреступных сообществ, правоохранителей. По крайней мере, это вполне соответствует и помогает объективному процессу мировой глобализации, во главе которого стоит и интернационал спецслужб наиболее развитых стран мира.

³⁰ Джанни России, Франческо Ломбарасса. «Во имя ложи». Пер. с итал. Москва. «Международные отношения». 1983 г., стр. 112, 120, 123.

Глобализации, правда, весьма своекорыстной, рассчитанной по лекалам её организаторов и реализаторов, а потому – весьма сомнительной в ожиданиях благоприятного, а уж тем более скорого воплощения.

Таким образом, масонство – естественное социальное явление, призванное оптимизировать через групповую деятельность стремление к власти и богатству в среде преуспевшей публики, однопорядковое со стихийным слиянием в разнородные уголовные кодлы «джентльменов удачи» из социальных низов.

Естественно, что спецслужбы просто не могут не взаимодействовать с любыми организованными и успешно функционирующими неофициальными сообществами. Несмотря на то, что между отдельными ветвями и видами лож «братьев» (как и между различными сообществами «братанов») вспыхивают иногда самые настоящие мини-войны на уничтожение во имя монопольного обладания наиболее «грибными местами». Но такова природа «взаимоотношений» между любыми разновидностями единомышленников, единоверцев, да и среди близкой родни, когда надо делить серьёзную власть или большие деньги: «В картишечки братишечек не бывает».

Российские (в том числе и советские) спецслужбы тоже имеют свой опыт взаимодействия с масонами. Хотя российское самодержавие, за редкими исключениями, не сильно жаловало «братьев», случалось и гонения устраивало, но в целом масонство вполне прижилось на российской почве, укоренилось в ней и довольно обильно произросло – по крайней мере, одним из главных творителей февральской революции 1917 года в России были «братья» из числа российских аристократов, знати. Что было впоследствии особо отмечено и «оценено» многими русскими публицистами, в основном – в эмиграции:

«Появились пламенные обличители масонского заговора и не менее ревностные защитники «оклеветанных» масонов. Появились и первые отечественные исследования этой животрепещущей темы. Наиболее заметными среди них стали труды А. Селянинова («Тайная сила масонства», СПб, 1911 г.), Н. Бутми («Кабала, ереси и тайные общества», СПб, 1914 г.), С. Нилуса (его работа «Антихрист как политическая возможность», выдержала с 1905-го по 1917 год четыре издания) и А. Шмакова – «Тайное мировое правительство», которые составили «ударный» отряд обличителей масонства и его неблагоприятной роли в мировой и отечественной истории.

Не дремали и сами масоны, стремящиеся склонить «либеральные» и «демократические» круги русской интеллигенции на свою сторону. Они в свою очередь издавали апологетическую литературу, стремясь доказать, что масонские ложи суть просветительные, благотворительные организации, и не более того...

Революция 1917 года только подлила масла в огонь. Гласное обсуждение темы на территории Советской России стало надолго невозможным, но тем более активно включилось в него многомиллионное русское зарубежье, образовавшееся в результате исхода беженцев за время гражданской войны. Подавляющее большинство русских эмигрантов было убеждено в том, что революция если и не была всецело делом рук масонов, то уж, во всяком случае, не обошлась без их активного участия (что впоследствии и подтвердилось документально).

В Советском Союзе вплоть до времён «перестройки» масонский вопрос находился в состоянии «полузапрета». С одной стороны, им пользовались, бывало, когда появлялась необходимость добавить чёрный штрих к «их нравам», обличить «загнивающий капитализм». Но, с другой стороны, совершенно невозможно было затрагивать этот «скользкий» вопрос в контексте отечественной истории.

Когда запреты отпали, вдруг оказалось, что юная российская демократия не забыла своих старых масонских симпатий. Только за 1990-й год была издана целая серия апологистических, промасонских сочинений, как советских авторов, так и зарубежных». ³¹

³¹ «История вопроса». «Советская Россия». 09.09.1993 г.

О том, что масонство при, по крайней мере, дружеском нейтралитете спецслужб, чрезвычайно успешно освоило новую российскую политическую элиту, можно судить по знаменательным фактам:

«Москва. Кремль. 16 ноября 1991 года. Б.Н. Ельцину вручён крест рыцаря-командора Мальтийского ордена богини Бау. Мальтийский орден с древнейших времён известен, как опорная структура международной масонской организации. С его деятельностью в России связано немало тайн, в том числе и тайна убийства Императора Всероссийского Павла I, получившего в своё время те же регалии, что нынче украшают грудь нашего президента».³²

К сказанному можно добавить, что по сообщениям бывших работников органов госбезопасности СССР на Мальте дислоцируется международный центр координации действий разведок ведущих стран, в работе которого принимали участие и старшие офицеры КГБ. Во имя каких целей создан этот центр, в какой мере и во имя чего удалось там что-то «координировать», «согласовывать», главное – кого с кем, а также, почему такой центр расположили под бочком Мальтийского ордена – никак не афишируется в лучших традициях спецслужб и масонских лож. Но ведь зачем-то они продолжают сосуществовать!

Неизвестно, какие были взаимоотношения с масонами в пору первого Великого инквизитора католической церкви, но вполне можно предположить, что весьма недружественные. Но времена всё меняют и ныне, по свидетельству информированных людей из среды клира и около него известно, что римская курия изрядно «нафарширована» масонами. В гораздо меньшей степени – агентами спецслужб.

В связи с недавним скандалом отстранения от должности епископа Варшавы, одного из польских католических священников за сотрудничество со спецслужбами, стало известно, что число сотрудничавших священнослужителей с органами госбезопасности в соцстранах могло составлять до 15 %. Такова реальность вне зависимости от того, хорошо это или плохо, правильно или неправильно, достойно или недостойно.

Если послушать самих практикующих такие полезные «совмещения» функций, то руководствовались они всегда при этом самыми лучшими, даже богоугодными намерениями. Позиция их «оппонентов» другая. У иных – весьма радикально отличная: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (Иоанн IV, 1). К нашему времени наиболее приложимы эти священные слова возлюбленного ученика Христова и тайнозрителя Ионанна. Наше смутное время весьма скудно пророками. Мир оскудел «Духом Божиим», но очень богат «духом заблуждения».

Одним из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества является масонство. О нём мы и намерены по архипастьерскому долгу нашему поведать православному русскому миру. Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, христианством, с Церковью, с национальной государственностью...

«Недостаточно победить влияние духовенства и лишить церковь авторитета... Необходимо разрушить самую религию» – постановляет масонский Конгресс 1900 года. «Борьба не на жизнь, а на смерть», – заявил на этом Конгрессе один бельгийский гроссмейстер. Знаменательны и следующие слова, что христианство и масонство абсолютно непримиримы. Настолько, что примкнуть к одному означает порвать с другим».³³

Справедливости ради следует здесь заметить, что, борясь с кем-нибудь «не на жизнь, а

³² «Советская Россия». 09.09.1993 г.

³³ Председатель Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей Митрополит Антоний. «Не всякому духу верьте». «Советская Россия». 09.09.1993 г.

на смерть», масоны стараются никогда лично не впадать в геройства, а при возникновении любой смертельной опасности, прячутся по щелям проворнее тараканов. Поднимать на «геройства» предпочитают других – приказами, пламенными революционными речами, песнями: уничтожение после революции православного клира в России осуществлялось в основном руками малограмотных «передовых рабочих» и «революционных» латышей, чехов, поляков, рекрутированных на низшие должности в органы ВЧК-НКВД.

Непросто складывались отношения с масонами и у российских спецслужб в монархические времена. Непросто и со стороны политического сыска, и со стороны самих масонов: в чём-то спецслужбы подыгрывали и помогали масонам, вербуя в их среде свою агентуру, в чём-то масоны подыгрывали и помогали политическому сыску, имея там осведомителей и покровителей.

В целом обе стороны были весьма хорошо осведомлены об основных намерениях друг друга и если случались позиционные противоборства, то протекали они по весьма прихотливым схемам – как-никак в российских масонах состояли и члены самых родовитых семей, включая царскую. Позиции же родовой знати, благодаря её исключительному положению в обществе, были настолько сильны, что те оказывались не по зубам никаким спецслужбам, какие бы «убойные» доказательства неблагонамеренного поведения «сиятельных особ» те не имели.

Не помогали ни высокий профессионализм, ни полнота знаний о «предмете»: «Спецслужбы Российской Империи, как известно, имели репутацию самых профессиональных в мире. Царская охранка знала всё: иерархию преступных авторитетов преступного мира России, планы политических радикалов на месяц вперёд, взяточников в высших чиновных кругах – поимённо. Знала даже, сколько денег тратят обучавшиеся в Лонжю, под Парижем, активисты-большевики. И не вина специалистов экстракласса, что их информацией политики пользовались порой весьма бездарно. (Это, похоже, судьба всех профессионалов, независимо от эпохи – достаточно вспомнить предостережение экспертов КГБ о планируемом извне развале Союза).

Не ускользнули, конечно, из поля зрения Департамента полиции и масонские органы в России. Плодом тщательного и кропотливого изучения их внутренней структуры, принципов действия и задач стала докладная записка, составленная экспертами Департамента ещё в феврале 1895 года, когда масонская сеть на территории Империи находилась в зачаточном состоянии. Информация, изложенная в ней, не потеряла своей актуальности до сего дня. Впрочем, судите сами. Мы предоставляем читателям выдержки из этого универсального документа...

Устройство «Всемирного общества вольных каменщиков», или «франко-масонов» уподобляется пирамиде, сложенной путём последовательного наслоения плоскостей, составленных из отдельных кирпичей. Каждый слой представляет иерархическую степень посвящения, каждый кирпич – отдельную ложу.

По окраске пирамида трехцветная. Нижние ряды – синие, верхние – красные... Низшее масонство включает три степени: ученик, подмастерье и мастер. Действительное назначение всего низшего масонства – просто служить кадром испытуемых для дальнейшего отбора...

Адепт низшего масонства ровно ничего существенного или поучительного не узнаёт. С течением времени для большинства поступивших из честолюбия, любопытства или ради заполнения праздного досуга масонская ложа превращается в нечто вроде скучного клуба с эксцентричным уставом, а самое масонство представляется чем-то напыщенным, смехотворным и в сущности бессодержательным.

Таковым на самом деле и было бы низшее масонство, не существуй трёх основных строго соблюдаемых правил.

В то время, как доступ в ложи высшей степени закрыт для адептов низшей степени, членам всех высших степеней, наоборот, вменяется в обязанность постоянное посещение низших лож, причём им сторжайше воспрещено чем-либо обнаруживать свою принадлежность к высшей степени масонства. Следовательно, над каждым поступившим в

масонство сразу же устанавливается незримое для него систематическое и длительное наблюдение, гарантирующее продвижение только вполне подходящих элементов дальше, в глубь организации.

Таковыми являются обычно люди только двух определённых категорий. Либо это – простаки с громким именем, большим состоянием или кристальной общественной репутацией, либо люди, одарённые умом, способностями, знаниями, но с заметным уклоном к неуравновешенности в страстях (честолюбцы, игроки, развратники и т. д.)....

Среднее масонство существенно отличается от низшего, прежде всего, одностепенностью лож. Иначе говоря, всякая степень имеет свои собственные логи.

Вторым существенным отличием является самый состав каждой логи. Вместо случайного, разношерстного, каковым он бывает в низшем масонстве, состав логи среднего значительно однороднее вследствие того, что адепты уже сортируются по ложам, в зависимости от общественного положения, социального круга, наклонностей, вкусов и других видовых признаков.

В ложах среднего масонства ритуал значительно упрощённый, характер же деятельности их разнородный. Одни занимаются политикой, другие – богоискательством, третьи – благотворительностью и т. д. Наблюдается, однако, нечто общее, т. е. специфически присущее любой из лож, а именно стремление подорвать в своих членах всякие принципы и традиции религии, семьи, служебной этики и проч.

Назначение среднего масонства: сперва пропустить адепта сквозь горнило всесторонних жизненных соблазнов, дабы выяснить себе точно полный нравственный облик его, безошибочно знать, на чём его поймать и чем его держать, далее – морально оторвать его от всего того, что человеку с детства было привычно почитать и беречь, т. е. нравственно обезличить его и тем самым превратить в послушное орудие масонской организации.

В среднем масонстве адепту раскрывается постепенно только одна какая-нибудь ближайшая цель, намеченная обществом (ниспровержение определённой династии, пропаганда монометаллизма и т. д.). Это неизбежно, т. к. каждый почти привлекается в качестве более или менее ответственного исполнителя той или иной отрасли масонской деятельности.

Некоторым, более зорким, выявляется при этом аморальность начинания, к которому они призваны служить, и это сознание становится им настолько тягостным, что они стремятся отойти от масонства. Но выход из среднего масонства даром не проходит. Принимаются крутые меры, чтобы заглушить в обществе голос ренегата, посвящённого в кое-какие тайны.

Иногда просто его имя компрометируется инсинуациями, подтасовкой данных и т. д., иногда, если нужно, его настигает и какое-либо более существенное наказание, как-то: внезапное разорение, разбитая карьера, судебный процесс и проч.».

Как видим, даже для стародавних российских спецслужб мало было тайн в деятельности масонства империи. События начала прошлого века дали убедительные факты «совместной» деятельности спецслужб и масонских структур по раскатке самодержавного строя, с разными, правда, целями. По полученным же результатам масоны оказались в большем выигрыше, хотя персонально многие из них потеряли всё, часто – и жизнь. Но несколько позже, уже после оглушительных побед и триумфов.

Как социальный институт, политический сыск древнее масонского интернационала, хотя и не «старше» организованной преступности. По сути, принципиальных расхождений в целях, методиках, технологиях деятельности спецслужб и масонов мало: служивая публика рекрутируется примерно из одних и тех же социальных групп, да и мотивации в деятельности членов тех и других «формирований» весьма похожи.

При наличии, конечно, определенных специфических отличий. Так, со сменой политических режимов и соответствующей сменой идеологий происходят кардинальные изменения и в руководстве спецслужб и в социальной принадлежности их личного состава. Существенно меняются наборы целей деятельности спецслужб.

В масонстве такого, как правило, не происходит, а неизбежные изменения носят более

«естественный» характер – со сменой мировоззрений «вождей», изменениями социальной обстановки и т. п. Меняются и взаимоотношения спецслужб и масонов: если российские жандармы из политического сыска Империи по преимуществу видели в масонах, их методах работы и целях враждебную силу и только отсутствие политической воли монархии удерживало российские спецслужбы от радикальных действий по полному их изведению (что вполне было по силам тогдашним идейным потомкам Малюты Скуратова), то спецслужбы США изначально видели в масонах своих ближайших союзников и соратников.

Потому, как политический режим страны создавался масонами, был их родным, и его сторожевые псы в образе американских спецслужб воспринимали отцов-основателей, как свою единокровную родню. Возможности же масонских лож США за рубежами, как и возможности транснациональных корпораций со штаб-квартирами в Америке, использовались разведсообществом США полной мерой. Равно, как и использование поддержки американских спецслужб масонами и теми же ТНК. Технологии и модели таких взаимодействий частично описаны ранее.

Выполняя для «элиты» ту же функцию, что и организованная преступность для неимущих социальных слоёв, масоны в полной мере подвержены влиянию всех социальных перемен, происходящих в мире, в том числе и тех, что произошли и при их активном участии. В мире, где «всё течёт, всё меняется», и братьям из разнообразных лож, задрав повыше фартуки «вольных каменщиков», приходится подчас улепётывать со всех ног от социальных лавин, непрестанно срывающихся то там, то здесь в качестве «побочных» результатов их особо бурной и удачной закулисной деятельности.

Если масоны и получили репутацию зловещей, почти демонической силы в мире (китайцы, вероятно, неудержимо гогочут, услышав подобные утверждения), то, прежде всего, благодаря грамотной, весьма масштабной, интенсивной и непрерывной организационной работе. Только тот, кто возглавляет или был в руководстве мощных национальных структур, вполне осознаёт, какого постоянного напряжения сил, воли, ума потребно, чтобы постоянно восстанавливать численность и структуру масштабной корпорации (вне зависимости от её целей, идеологии, технологий деятельности), избегая ущерба, наносимые ей «естественной» убылью «личного состава», боевыми или производственными потерями.

Кроме того, надо готовить и исполнять многочисленные регламентные мероприятия (регулярные заседания руководящих органов, тематические совещания, съезды, конгрессы, конференции и т. п.). И каково стоит поддерживать надлежащую исполнительную дисциплину рядовых членов и руководителей, различных уровней иерархии! А чего стоит одна только обязательная проверка получаемых результатов: если доверять только отчётам и рапортам исполнителей – беды не миновать.

Немало сил у руководителей уходит на урезонивание противоборств соперничающих работников, руководителей, целых структур, не позволяя конфликтам разрастаться до опасных для деятельности структуры масштабов. Очень важно (и весьма недёшево по разнообразным затратам) присматривать за своими – чтоб не переметнулись, отслеживать появление «засланных казачков» в своих рядах. А самое основополагающее – обеспечивать постоянно достаточное финансирование всей организованной и прочей деятельности.

Действующие закономерности здесь просты: разрастающиеся структуры, возрастающий уровень стандартов обеспечения жизнедеятельности корпорации и её членов, порождают всё более и более жестокие нужды в притоке финансов. Каждое очередное повышение этой «планки» воспроизводит проблему финансов в ещё большем масштабе. Так – до бесконечности. Посему масонство, даже если бы ничего больше не предпринимало, кроме обустройства своей структуры и организации её жизнедеятельности, обречено оставаться в вечной, всё более интенсивной погоне за деньгами и властью как источником новых денег.

Учитывая качества рекрутируемых – по преимуществу честолюбивых, со склонностями к негодяйствам – нетрудно согласится с критиками масонства, утверждающими, что их

адепты, ради обогащения идут на всё. И «контора» их покрывает и защищает – куда деваться, если хочешь иметь впечатляющий и постоянно пополняемый «общак».

Постоянная грамотная (опыта векового хватает!) осада в незримых боевых шеренгах любых значимых должностей и больших состояний гарантировано обречена на успех. Благодаря чему масоны в странах своего преобладания успешно наполняют своими адептами государственные структуры власти и управления, окрашивая их деятельность в концентрированные тона стяжательства и неистребимой коррупции. Что, в свою очередь, сильно облегчает и спецслужбам вербовку во властных структурах на компроматах агентуры для себя, понуждая её решать задачи разведобщества.

Но доминирование безнравственных честолобцев в структурах государственной власти и управления «цивилизованных стран», кроме повышения значимости и эффективности кое в чём их спецслужб, имело ещё и массу других важных следствий. В числе которых – существеннейшее преобладание в цивилизационной культуре бытовых ценностей, нравов морально несостоятельных, духовно ущербных «элит».

Главными качественными признаками которых являются неутолимое стяжательство, потребительское «бешенство», подаваемые мировым кинематографом, литературой, театром, как главные человеческие доблести, заслуживающие всяческого восхищения и подражания.

Причём, эта нравственная проказа не только успешно «цивилизовала» подавляющую часть населения стран европейской культуры, но и сильно зацепила клир ведущих конфессий, практически нейтрализовав духовно-нравственное влияние церкви на мирскую жизнь своих прихожан, на жизненное поведение завсегдатаев театров, которые на многих спектаклях умиляются душещипательным сценам, плачут, продолжая оставаться бездушными в жизненной практике.

После театра – привычно негодают, иные – душегубствуют. Для многих воцерквленных точно также заповедные прописи религиозного поведения перестают воздействовать на их мирскую практику за порогом церкви.

Так живут целые социумы, уподобляясь в своей жизненной практике своим светским вождам, во главе которых негласно шествует масонство. По заверениям всех допущенных говорить с нациями, шествуют все, конечно же, в светлое царствие разума. А то, что природные и социальные пейзажи вокруг чаще и чаще попадают всё более устрашающие, жутковатые, так это случайность, а не закономерность, сопутствующая схождению во всё более глубокие виражи общецивилизационного inferнального погружения.

Устрашает стабильность этого направления цивилизационного мейнстрима, поддерживаемого всё возрастающим потоком во властные структуры (через масонство, спецслужбы и т. п.) новых и новых орд неукротимых честолобцев со всё большими нравственными ущербами, зачастую шокирующими их более старших «братьев». Иного ожидать не приходится: алчущих жизненных успехов и впечатляющих обретений, всяческих благ только всё больше, а главная дорога – одна и она хорошо известна бесчисленным духовно-нравственным пролетариям.

В исламском мире роль змеев-искусителей для честолобцев и их основных поставщиков из «широких народных масс», подобно масонам в западной цивилизации, играют суфии и их ордена (аналог масонским). Те тоже стремятся вычленив в исламских обществах наиболее способных, одарённых, просветив их и используя, как поводырей в светлое царство человеческого разума кратчайшей дорогой, продираясь через «мракобесие» исламского духовенства.

Как в различных мусульманских странах взаимодействуют спецслужбы и религиозные ордена, обсуждается мало: на путях рыночных войн тамошние общества с их феодальными производственными технологиями не представляют пока серьёзной опасности. Кроме одной – производства в промышленных масштабах большей части мирового объёма наиболее потребляемых наркотиков. Этого своеобразного «оружия возмездия» в межцивилизационной войне в ответ на «неэквивалентный обмен» стран западной цивилизации с третьим миром. И, как показало развитие мировых событий последних десятилетий, и здесь спецслужбы

«цивилизованных стран» и масонские структуры удивили и на этот раз человечество своим специфическим подходом к одной из тяжелейших проблем цивилизации.

Как известно из потоков сообщений в мировых СМИ, правительства стран и их правоохранные органы и спецслужбы борются изо всех сил с наркоманией. Но наркомания мира настолько сильна, ловка, хитроумна, что сколь-нибудь серьёзных результатов нигде нет: сколько производится наркотиков – почти столько и реализуется. Где-то, правда, дело обстоит лучше, где-то гораздо хуже: в России, к примеру, реализуется наркотиков в 200 раз больше, чем в Японии (численность населения почти одинакова), даже по официальным оценкам в стране в год умирает от передозировки около 70 тысяч российских наркоманов. Реально же выморочная цифра в 3–5 раз выше. В США положение если и лучше, чем в России, то не намного.

И что же предпринимают при этом сильнейшие спецслужбы мира и те, кто с их помощью пытается функционировать в качестве мировых центров власти, то есть, господа масоны? А вот что:

«В условиях констатированного в 70-х годах «Римским клубом» перенаселения на фоне ресурсных ограничений в мире, наркотическая культура стала способом выбраковки лишних и слабых, демонстрируя циничную позицию социал-дарвинизма. Она возникла не стихийно, а была спланирована и смоделирована при участии ЦРУ и на государственные средства США. К работе были привлечены известные учёные и деятели искусства (Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр, О. Хаксли, Т. Лири, А. Гинзберг, даже К.Г. Юнг и М. Мидл, Бейтсон и другие). Создатели контркультуры окрестили её, как *rock-drug-sex culture*.

Реализация концепции ограниченности природных ресурсов и перенаселения, порождённая глобальным рынком, демонстрирует активно-деструктивную позицию, утрированный дисбаланс целей и средств, при котором интеллект вообще выводится за сферу гуманизма. В борьбе за «соответствие демографическим нормам» экономическая и информационная войны становятся не менее, а более действенными, чем даже реальные войны с применением физического оружия. В качестве методов сокращения населения используются насаждение наркотической «культуры», контркультуры сексуальных меньшинств,³⁴ культивирование бедности и долговой зависимости, которые сопряжены с высокой смертностью и низкой рождаемостью населения».³⁵

Самые выдающиеся, несопоставимые ни с одной страной мира, результаты реализации упомянутой технологии сокращения и деградации населения *rock-drug-sex culture* получены, к величайшему нашему прискорбию, в России, и только в России.

Причина очевидна: в обрушивающуюся на страну смуту структуры власти и управления заполнили одержимые хищничеством, алчным, неуёмным обретательством человекообразные особи с психологией вечно голодных грызунов. Которым и в голову не придёт ничего из того, то именуется национальными интересами, а если даже кто-то из околотовластного окружения и выговорит нечто подобное, то взять в толк, что это такое люди нынешней власти не в состоянии – не приспособлены они для этого, всё мышление локализуется только на собственной недвижимости, счетах в зарубежных банках и отдыхе на Мальдивах или в Куршавеле.

Естественно, если политическая властная камарилья не требует, то и спецслужбы, и правоохранители занимаются наркоманией только формально, без сколь-нибудь значимых результатов. В результате Россия оказалась единственной страной в мире, где население сокращается уже более 15 лет катастрофически, а по показателям нравственного, психического и физического здоровья деградирует в масштабах, не имеющих аналогов в

³⁴ Гомосексуалистов, лесбиянок – *Прим. авт.*

³⁵ О. Дейнека, профессор, доктор психологических наук. «Наркотическая «культура», как метод сокращения населения». «Вестник политической психологии», № 1(4).

мире.

В то же время главные генераторы перенаселения планеты – мусульманские страны Азии, Китай – оказались абсолютно невосприимчивы к означенной гениальной технологии ЦРУ. И тоже по вполне понятным причинам: мусульманское духовенство прочно держит в своих руках бытоустройство и культуру взаимоотношений в своих обществах. А коммунистическая партия Китая не менее успешно контролирует следование основополагающим нравственным нормам жизни общества и основанные на них принципы межличностных отношений.

И жестокими административными мерами решительно пресекают любые попытки создать предпосылки для материализации пресловутой rock-drug-sex culture в своей стране. И не допустят этого впредь, сохраняя здоровым и генофонд своих наций, и душевное состояние людей. Как бы при этом не прыгали и скакали специалисты ЦРУ и господа из «Римского клуба» или «Трёхсторонней комиссии». И это – отнюдь не первый, и не последний грубый просчёт спецслужб в реализации своих очередных амбициозных глобальных проектов.

В набирающей же обороты войне цивилизаций западные спецслужбы и масоны по своей извечной склонности к упрощениям (умышленный расчёт здесь вряд ли мог иметь место – жизни и самих глобалистов тоже на кону) весьма впечатляюще подыграли антагонистам западной цивилизации. И экономически – перекачивая колоссальные денежные ресурсы в экономику основных производителей наркотиков (Афганистан, Китай, исламские страны Юго-Восточной Азии).

И, что особо опасно, демографически – запустив деградиционные и выморочные процессы в собственных странах и вынужденно открыв шлюзы для миграционного половодья из враждебного геополитического лагеря: обслуживать европейскую техносферу, инфраструктуру своих уже катастрофически не хватает. Подобное – неизбежно и в обозримом будущем, сколько бы его ни было отпущено «надёжам и опорам» спецслужб и структур самоорганизации «элит».

По очень простой причине: у того, кто переходит автодороги, как попало, шансы погибнуть в дорожно-транспортном происшествии колеблются в пределах между 90 и 100 процентами – здесь всё зависит от длительности «эксперимента».

В какой мере в структурах власти и в спецслужбах СССР присутствовали и влияли на развитие событий масоны, сколько их было в разных сегментах советского государства, в какие периоды они стали особенно влиятельны и активны, нет сколь-нибудь объективных и полных сведений. Но то, что они были в СССР, не вызывает сомнений: специалисты обнаруживают «метки» их присутствия в изрядном количестве в разных сферах жизнедеятельности. Естественно, что основное место дислокации – столица: все оппоненты в политике, экономике, культуре в любом социуме стараются подчинить своему влиянию тех, кто обретается на верхних уровнях власти.

Интерес к этой стороне бытия СССР не в том, участвовали ли масоны вместе со спецслужбами (своими и чужими) в развале СССР или нет. Дело, прежде всего здесь в том, что любая достаточно разветвлённая общенациональная корпорация, при своём чрезмерном разрастании, неизбежно превратит в труху любой социум только своими непомерными потребительскими аппетитами (даже если такие запросы продиктованы необходимостью адекватно противостоять вызовам противников, как это было в случае с гонкой ядерных вооружений и «освоением» военных целей космоса).

Масоны, конечно же, не служители злобной марсианской цивилизации или ещё чего-то подобного – они лишь владеющие навыками селектировать, отбирать, структурировать и оптимизировать реализацию таких естественных извечных качеств людей, как склонность к стяжательству, власти, славе. Не позволяя «разбавлять» эти ценнейшие человеческие свойства никакими соображениями нравственности, морали.

По любым юридическим законам это не преступление, а по шкале социальных ценностей – так и вовсе величайшее, особо ценимое достоинство, умение. Которое должно

вознаграждаться возможно большим размером богатства, влияния, власти, известности.

Что же касается позиции здесь отдельных иерархов христианской церкви – пусть Господь и рассудит. Потом, за пределами земной жизни. Со стороны клира масоны не имели никаких особых утеснений, более того, жизненный успех в чисто мирском, бытовом измерении сопутствовал и сопутствует им в самых больших дозировках, имеющих быть в современных социумах.

Этого более чем достаточно, чтобы убедить все орды сущих и грядущих честолюбцев-обретателей в полной практической несостоятельности религиозных догматов с угрозами страшных мук за нарушение за пределами земной жизни. Кому этого мало – можно безнаказанно издеваться над иконописным изображением Господа, не получая за это никакого немедленного возмездия.

Для бездуховной, бессовестной сущности любого честолюбца-неофита таких «доказательств» – с избытком, чтобы навсегда проникнуться правотой ценностей обретений коды. И всю жизнь потом получать ощутимые доказательства правильности избранного жизненного пути. Чем держатся и будут держаться все сущие ныне тайные структуры имущих сословий, не испытывая никакого недостатка в притоке новых адептов в любые формирования ненасытных обретателей.

А для спецслужб – это готовые поля приложения своих сил: или для подавления чрезмерно разросшихся «формирований», или для направления их на «благие дела», либо использования, как естественных союзников в решении личных или корпоративных проблем.

Особняком стоят технологии взаимодействия и взаимосвязей спецслужб и клира ведущих конфессий. Своеобразие здесь определяется многими факторами:

- В ряде стран религия (ислам, иудаизм) несколько даже доминирует над светской властью и спецслужбам здесь особо не разгуляться, выстраивая отношения с тамошними церковниками.

- Во многих странах институты религии вровень с государственной властью (католицизм, ислам). Здесь тоже спецслужбам приходится быть предельно осмотрительными, корректными.

- В некоторых странах (бывшие соцстраны, ныне – Китай, Индия) противоборствующие религиозные сообщества – терпимый рудимент национальной культуры. Здесь спецслужбам раздолье, а клиру – некуда особо деться: хочешь нормальной карьеры, отсутствия неприятностей – взаимодействуй с охранителями отечества.

- Своеобразия добавляют и личностные качества глав государств: при тяготеющих к силовым методам управления лидерах, спецслужбы чувствуют себя особо уверенно и во взаимодействиях с клиром. Могут даже позволить себе быть и наглыми.

Наиболее прочные позиции здесь, бесспорно, у раввината. Многие авторы, включая архипастырей православия, утверждают, что высшие уровни мирового масонства (выше 33-ей степени) открыты исключительно для духовенства иудаизма. И в таком качестве именно оно определяет генеральные цели и направляет эту структуру на их выполнение. А через высокопоставленных (высокопродвинутых) масонов в качестве руководителей и сотрудников спецслужб в состоянии концептуально руководить таковыми.

Можно, конечно, оспаривать – целиком или частично – такое видение расклада сил. Но объективных обоснований отрицать такие возможности у раввината тоже нет и ни у кого. Кроме того, раввинат надёжно контролирует свою мировую диаспору, помощь которой получить спецслужбам можно тоже только по рекомендации религиозной иерархии.

Несколько слабее в этом отношении позиции мусульманского духовенства: и мировой суфизм не конкурент масонству, и диаспора не столь послушна и организована, хотя и более многочисленна. К тому же, в отличие от еврейской диаспоры, исламская не может похвастать такими же мощными позициями в политической, финансовой и культурной жизни стран пребывания. Но и того, что есть в распоряжении исламского духовенства, включая сеть медресе, вполне достаточно, чтобы оказывать (добровольно, по своему

усмотрению) помощь и спецслужбам «дружественных» стран, а то и вовсе исламским радикалам в их священной войне с неверными.

В обществах, где клир в состоянии поддерживать «паритетные» отношения со спецслужбами, какую информацию передавать им, какие просьбы органов госбезопасности выполнять, а какие нет, решают сами церковники на основе «взаимности». То есть, помочь, конечно, можно, но только, что взамен?

Картина взаимоотношений кардинально меняется в немногих странах, преимущественно «тоталитарного», диктаторского толка, где спецслужбы – главные устранители миропорядка, обладающие обширными полномочиями и наибольшей численностью. Благодаря чему, их социальный статус, влияние неизмеримо выше любых других государственных органов, не говоря уж об институте церкви с их конфессиональными общинами.

Интерес же спецслужб к религиозным структурам постоянно высок в любых формациях в любые времена: и как к мощному аппарату умиротворения паствы, и как к средству внедрения в сознание «широких верующих масс» нужных для политического режима умонастроений. Но главное – как источник обширной и весьма важной информации: конфессиональные структуры сами по себе мощнейший «естественный» агентурный аппарат. Причём, практически не требующий затрат, в отличие от агентуры самих спецслужб.

Катальная же разведка еврейских общин – вообще уникальнейшее обретение для тех спецслужб, которые бывают допущены к разведбанкам общин еврейской диаспоры. Благодаря, опять же, традиционно высокому социальному статусу большинства членов иудейской общины в любом социуме, в том числе и по причине традиционно высокого уровня образования и профессиональной подготовки практически всех дееспособных евреев.

Просто «по дружбе» к информационным закромам конфессий получить доступ непросто, особенно на регулярной основе. А вот если спецслужбы «зависают» над жизнедеятельностью клира – дело совсем другое.

К примеру, в СССР, в структуре государственных органов существовал институт уполномоченных по делам религий. Которыми становились люди вполне светские, но имеющие по преимуществу опыт партийно-советской, иной руководящей работы. И обязательно – по рекомендации соответствующих структур КГБ СССР. Дело было поставлено таким образом, что без согласия уполномоченного по делам религии (а, следовательно, КГБ) нельзя было получить приличный приход, переместиться на значимую ступень в церковной иерархии, отправиться в зарубежную поездку.

Этот важнейший фактор, естественно, в «полный рост» учитывался клиром в ходе непрерывных (естественно присущих) карьерных противоборств. Что позволяло спецслужбам социалистических стран (схема взаимоотношений была и там принципиально схожей) без особых усилий «формализовать» негласное сотрудничество со многими служителями церкви. Примерно так, как это описано в одной из недавних публикаций:

«Архиепископ Станислав Вельгус, назначенный папой Бенедиктом XVI главой крупнейшего в Польше и в мире Варшавского архиепископства, подал в отставку из-за обвинений в сотрудничестве со спецслужбами во времена ПНР... Точки над «и» расставила публикации в газете *Rzecz Pospolita* 4 января архивных материалов, хранящихся в Институте национальной памяти. Это были документы из папки под псевдонимом Грей. Документы однозначно свидетельствовали о том, что в течение, по крайней мере, нескольких лет в 70-х годах прошлого столетия ксендз Станислав Вельгус поддерживал регулярные контакты со спецслужбами и, вероятнее всего, выполнял их поручения. Их формальным агентом он числился до момента падения режима».

В нормальных государствах архивы спецслужб остаются непроницаемыми для сторонних при любых сменах политических режимов, а всевозможные «утечки» дозируются руководством самих спецслужб в случаях необходимости. И в соответствии с задачами или проектами, реализуемыми ими к настоящему моменту.

В Польше, в данном случае, надо полагать, верх взяла неутраченная никогда «классовая ненависть» угнетённых при социализме потомков буржуа, нереализованных интеллектуалов или просто обойдённых в карьере. Но, возможно, и деморализованные вконец бывшие сотрудники спецслужб, как это довольно часто случается ныне во многих странах, решили подзаработать на продаже известных им и ещё актуальных служебных тайн. После, возможно, неудачной попытки шантажа преуспевшего католического иерарха.

Но конфессии не есть отнюдь только пассивные страстотерпцы по отношению к активно на них воздействующим спецслужбам, масонам, либеральной творческой интеллигенции. К примеру, католицизм, в лице своих многочисленных религиозных институтов, сам сильнейший «игрок» во всех важнейших сферах жизнедеятельности современных общества. Как, например, это делает орден иезуитов:

«Общество Иисуса не ограничивается лишь религиозными делами. Оно преуспевает на поприще бизнеса, владея крупными капиталами, значительная часть которых вложена в предприятия, находящиеся на территории США, хотя и продолжает считаться нищенствующим. Особую активность в бизнесе иезуиты проявляют в США, ФРГ, Италии, Испании. О богатствах ордена итальянский публицист Дж. Грили писал: «Различные религиозные ордена, особенно иезуиты, которые, по-видимому, всегда владели огромными богатствами, а также некоторые собственно ватиканские учреждения инвестировали капиталы во многих странах: в Швейцарии и во Франции, в Германии и Голландии, в Соединённых Штатах, в Испании и в странах Латинской Америки. Эти капиталовложения охватывают самые различные сферы экономической деятельности – операции с недвижимым имуществом и нефтяные компании, кофейные плантации и авиационные заводы, крупные финансовые холдинги и судоходные компании...».

Орден иезуитов не публикует данных о своих доходах. Но в печати называлась сумма капиталовложений ордена в промышленность США и стран Западной Европы, достигающих нескольких миллиардов долларов... О связях иезуитского ордена с империализмом и его всё большей ориентацией на монополистический капитал свидетельствует тот факт, что центр тяжести его деятельности переместился в цитадель современного капитализма – Соединённые Штаты Америки, хотя его штаб-квартира продолжает оставаться в Риме. Историк Г. Мор из ГДР писал, что США стали Эльдorado для развития ордена иезуитов».³⁶

Структура ордена иезуитов мало отличается от наиболее мощных разветвлённых ТНК. Похож орден на корпорацию и по основным составляющим своей деятельности. А потому в таковом качестве является и объектом, и субъектом во взаимодействии со спецслужбами многих стран мира. Тем более, что и сам орден обладает обширными разведывательными и контрразведывательными «мощностями».

В каковом качестве могут интересоваться члены клира спецслужбы стран пребывания, можно зримо представить по фильму «Семнадцать мгновений весны», где высокопоставленный сотрудник немецкой политической разведки решал серьёзные задачи через пастора Шлага. По фильму оба героя – вполне достойные и очень симпатичные люди, мотивация действий которых – самая наилучшая.

В реальной жизни такое случается исключительно редко – обычно дело принимает характер коммерческой сделки: «Ты мне, я тебе». По самым разнообразным поводам, весьма далёким от служения Господу, хотя совершённым от его имени и во славу богоугодных вроде бы деяний. Многие другие религиозные организации по своим структурам, целям, технологиям жизнедеятельности тоже мало отличаются от упомянутого ордена иезуитов, а равно и от служб безопасности:

«Из многочисленных католических организаций, в частности орденов, особое внимание

³⁶ Л.Н. Великович. «Чёрная гвардия Ватикана».

буржуазная пресса в последние годы уделяет «Опус Деи». В официальных документах Ватикана она именуется ассоциацией верных католиков, которые посвящают жизнь поискам святости, совмещая это с исполнением своих профессиональных обязанностей. «Опус Деи» также называют «белым масонством», «божьим полипом», «Пятой Колонной Господа»...

Об организации «Опус Деи» член-корреспондент АН СССР И.Р. Григулевич пишет: «Опус деи» своей разносторонней всегда тайной деятельностью напоминает одновременно иезуитский орден, масонскую ложу и ЦРУ»... Особенностью «Опус Деи», как католического светского ордена, является то, что он фактически становится эталоном маскировки подлинной деятельности религиозной организации, не желающей делать достоянием общественности способы её воздействия на политику правящих кругов капиталистических стран.

Для структуры «Опус Деи» характерна градация. Во главе «Опус Деи» стоят три священника – генеральный президент и генеральный советник. Орден имеет горизонтальную и вертикальную структуру. Вертикальная включает три организации: священников, мирян, женщин («Опус Деи» имеет женскую организацию, существующую независимо от основной организации). Горизонтальная – разные уровни членства: нумерарии, супернумерарии, жертвователи и кооператоры.

Ддром «Опус Деи» являются нумерарии. Они должны иметь университетское образование. Нумерарии живут в общинах, не вступают в брак и дают три обета – бедности, целомудрия и послушания. Нумерариям запрещено посещать кино, театры и концерты. По данным журнала «Тайм», они составляют 20 % общего количества членов, жертвователи – 30 %, супернумерарии – 50 %. Важную роль в «Опус Деи» играют супернумерарии, которые, в отличие от нумерариев, не дают никаких обетов. Они могут вступать в брак. Супернумерарии занимаются сбором средств, создавая таким образом материальную базу ордена отчисляя в пользу организации часть заработка».³⁷

Как видим и в «Опус деи» присутствуют все основные элементы, свойственные военным структурам, военизированным политическим партиям, религиозным сектам, масонским ложам, тайным и полутайным всевозможным орденам: беспрекословное послушание «пехоты», неистовая погоня за деньгами, прибылями, борьба за власть, интенсивное участие на рынке обмена значимыми услугами в среде истеблишмента любой страны.

Как и везде, «генералы» церковных орденов, сколько бы высоких степеней посвящения они не одолели, остаются простыми смертными с присущей всем физиологией, психологией, с мировоззрением, принадлежащим одному из немногих типичных толков. А потому движимых, в конечном итоге, именно личными интересами, которые никогда и нигде не составляло труда выдать за вселенские, общецерковные, а то и вовсе промыслительные от самого Господа.

Так что отличить по жизни или по повседневной деятельности «генерала» иезуитов от масона высших степеней посвящения или от руководителя спецслужбы практически невозможно. Только по фотографии, а ещё лучше – по сетчатке глаза. А кто из них когда играет главенствующую роль, олицетворяет более приемлемые социуму интересы, а кто менее – зависит от времени, места и стечения обстоятельств. И только. Причём, в процессе таких специфических жизнедеятельностей подчас происходят такие трансформации, что только диву даёшься:

«Вот уже на протяжении полувека в буржуазной печати время от времени появляются сведения о подрывных действиях американской миссионерской организации, носящей странное название Летний лингвистический институт – ЛЛИ. Официальная цель этой религиозной организации – «изучать языки племён, не имеющих письменности, и переводить на них Новый завет, чтобы приобщить эти племена к христианству и донести до

³⁷ Л.Н. Великович. «Чёрная гвардия Ватикана». Москва. «Мысль». 1985 г. стр. 228, 231–232.

них слово божье»...

В национальном конгрессе Колумбии депутат Н. Перальта заявил, что некоторые из «учёных», работающих на ЛЛИ, состоят на службе в ЦРУ и систематически доносят в США о том, что происходит в стране. Подобные же обвинения выдвигались в перуанской и венесуэльской печати. В апреле 1976 г. перуанское правительство отменило соглашение с ЛЛИ, закрыло его филиалы и выслало из страны всех его сотрудников. Между тем, в печати стран Латинской Америки продолжают выдвигаться против ЛЛИ обвинения в том, что эта организация тесно связана с ЦРУ и Пентагоном, участвует в контрабандной торговле наркотиками и алмазами».³⁸

Примеров теснейшего сотрудничества разнообразных клериканских организаций со спецслужбами – своими и чужими – можно привести великое множество. Вряд ли подобная практика изменится и в будущем при сохранении основных черт современной цивилизации: сутана оказалась не менее надёжным прикрытием для разведок, нежели статус журналиста-международника или дипломата иммунитета.

Желающих же впечатляюще подзаработать на услугах спецслужбам «богоугодными» методами среди клириков всегда находилось изрядное число: служение Господу давно не сопряжено со смертельными опасностями, но сопровождается, как правило, достаточно внушительным уровнем благосостояния. А потому не грех его инициативно и увеличить, совмещая полезное с приятным.

Взаимодействие спецслужб с многообразными общественными организациями имеет спецификой то, что все 100 % любых общественных образований возникают и существуют только при наличии хоть какого-то регулярного финансирования. То есть, как вполне целесообразный бизнес проект, потребный для чего-то власти, бизнесу, банкам, спецслужбам, масонам, церкви. Или, к примеру, инопланетянам.

Причём, общественные структуры могут быть и оппозиционными политическому режиму страны пребывания и тогда они финансируются какими-либо фондами из-за рубежа. Можно вообще создавать множества филиалов какого-нибудь единого благотворительного фонда (вроде фонда Сороса, способного выплачивать даже зарплату чиновникам целого иностранного государства, как это имеет место в Грузии).

Единственный существенный недостаток таких структур – относительно легко просчитывается происхождение денег на их содержание и определяется тип ушей, которые торчат из дырявой шапки-невидимки, под которой прячется «спонсор». Даже когда финансирование идёт из бюджетов иностранных государств (через какие-то фонды, естественно), то это тоже означает, что проект создан и работает на спецслужбы финансирующего государства.

Именно по этой причине многие учёные в нынешней России были привлечены к уголовной ответственности по статье за измену родине за передачу конфиденциальной или секретной научной информации таким вроде бы «безобидным» образованиям, как «Беллуна», специализирующейся на экологии.

Примерно так же дело обстоит с различными «независимыми» радио- и телецентрами, финансируемыми отдельными странами или пулами государств. Вроде достопамятных радиостанций «Свобода», «Голос Америки» и др., которые были буквально нафаршированы сотрудниками спецслужб. Литературных, кинематографических, публицистических свидетельств тому – море разливанное.

И хоть такие свидетельства изрядно перегружены художественными домыслами, а то и вовсе измышлениями, в основе у них всё-таки всегда прочная документальная база в виде ли мемуаров бывших разведчиков и контрразведчиков, дипломатов, политиков. В виде ли исторических исследований материалов соответствующих архивов и изданных на их основе

³⁸ И.Р. Григулевич. «Пороки «Новой истины»». Москва. Издательство политической литературы. 1983 г., стр. 238, 241.

научных трудов. Так что, так называемые, «общественные организации», подаваемые общественности, как важнейший признак зрелости «гражданского общества», как самостоятельное, самодостаточное, полностью независимое социальное явление – практически не действуют. Как они были по преимуществу «фиговым листком», вроде литературного псевдонима, так пока таковым и пребудут.

Дальновидные спецслужбы богатых государств, располагающие обширными финансовыми возможностями, предусмотрительно и прозорливо не пренебрегают не только молодёжными, студенческими, но даже школьными общественными организациями: нынешний министр обороны США, в недавнем прошлом – директор ЦРУ – «по совместительству» ряд лет уже и глава бой-скаутов США. И, конечно же, вовсе не потому, что «впал в детство». О том, что спецслужбы самым серьёзным образом работают в студенческой среде во всех без исключения социумах – аксиома. Причины вполне понятны:

1. Процесс формирования мировоззрения у молодых интеллектуалов происходит бурно, открыто, в спорах. Осторожность в высказываниях им не свойственна – говорят всё, что придёт в голову. Потому легко и составлять их психологические портреты, и набирать компромат для вербовочных бесед и определять интеллектуально-волевой потенциал будущих организаторов производства, науки, будущих творцов, учёных, политиков. И, что особенно важно – будущих возмутителей порядка и социального мира.

2. Отсутствие жизненного оплота у молодых, в том числе и по части основных социальных опасностей, ловушек, отсутствие достаточных знаний для становления собственных мировоззренческих позиций делает многих из них легко манипулируемыми, управляемыми опытными сотрудниками спецслужб, сильно облегчает налаживание длительного (часто – пожизненного) сотрудничества в разных качествах. И хотелось бы многим потом избавиться от этого дописка к своей биографии, но сделать ничего уже нельзя – существует целая подборка документов, многие из которых подписаны собственной рукой. И хранятся в недоступных местах. Остаётся только «оптимизировать» эти повинности и минимизировать возможный ущерб для себя и окружающих. Утешая самих себя мыслью, что в жизни могло быть и хуже.

3. Здесь можно вовремя выявить и прибрать к рукам самый ценный кадровый материал спецслужб задолго до того, как его присмотрели масоны, другие политические коды – умных, даровитых, но беспринципных карьерных честолюбцев. Готовых, ради личного преуспевания, почти на всё, включая преступления, гнусности в широчайшем диапазоне.

В таких спецслужбах интересно и перспективно «вкладываться»: продвигать по карьерным ступеням, блокируя карьеры более одарённых, но совестливых и независимых, вводить в наиболее значимые социальные группы, оказывать разнообразную информационную поддержку, вытаскивать из передраг, в том числе и уголовных дел, возбуждённых правоохранителями. Чтобы потом, время от времени, попадать под политическое руководство некоторых из своих протеже, выскочивших, благодаря благоприятным обстоятельствам и помощи, на самый верхний уровень государственной власти. Но такие ситуации нечасты, а психологический дискомфорт у генералов спецслужб довольно быстро проходит, в том числе и благодаря особо продуктивному сотрудничеству и взаимопониманию.

Не менее благоприятна и нужна для спецслужб сфера молодёжных организаций всего «спектра»: от официальных (комсомольских, «идущих вместе» и т. п.) до «бритоголовых». В спецслужбах прекрасно понимают, что в официальных молодёжных организациях вырастают кадры политического партийного чиновничества для стабильной, мирной бюрократии со всеми её качественными характеристиками: склонностью к коррупции, карьеризму, равнодушию к социальным нуждам населения, корпоративной замкнутостью и элитаризмом.

Ну, а в среде неформальных бузотёров-экстремистов всегда имеются те, кто в надлежащий момент во время изредка случающихся социальных потрясений одномоментно превращается в способного, удачливого полевого командира, а то и командующего целой

повстанческой армией. И гораздо лучше для всех, если к этому моменту у спецслужб окажутся подходы к тем из них, кто не прерывал с ними хотя бы неформальных отношений.

А потому, какие бы заполошные вопли не раздавались в СМИ об угрозе фашизма, тоталитаризма с требованиями к правоохранительным органам и спецслужбам «раздавить гадину» — немедленно и окончательно — ни одна из серьёзных спецслужб никогда этого делать не будет. Тоже по вполне понятным причинам: при любой смене политического режима в стране, на какой период времени это бы ни растянулось, необходимо сохранить спецслужбы с наименьшими потерями для их личного состава, сохранности режима секретности её архивов. Для чего обязательно нужно поддерживать заблаговременно связи с теми, кто потенциально может стать лидером нового политического режима. Это — не говоря уж о ситуациях, когда в смене «прогнившего» старого режима участвуют и сами спецслужбы.

Но не следует и переоценивать работу спецслужб с молодёжью по причинам того, что движущие мотивы здесь преимущественно вполне утилитарные:

1. Спецслужбам никогда никакого дела нет до обережения и продвижения действительно талантливой молодёжи, которая может прославить и продвинуть общество, нацию в науке, искусстве, технологиях, изобретательстве. Этим занимаются только родители, родственники, отдельные энтузиасты, выдающиеся учёные и иные даровитые творческие личности, которых по жизни ведёт совесть, а не честолюбие и алчность. Спецслужбы же в целом и каждого их сотрудника в частности ведёт та же мотивация, что, к примеру, и профессионального боксёра: выиграть очередной бой, чемпионат и получить впечатляющий приз. И повторять это действие столько раз, на сколько хватит сил и здоровья.

2. Спецслужбам наплевать, сколько среди молодёжи наркоманов, ВИЧ-инфицированных, сифилитиков, туберкулёзников, насильников, убийц, импотентов и т. п. Главное — чтоб в собственном социуме в молодёжной среде не было подрывников — смертников. А вот в государствах — оппонентах были, и как можно больше. Более того, ни одна спецслужба не прочь заработать на наркотрафике, нисколько не смущаясь соображениями, что эти наркотики скормят молодёжи их собственной нации. При обилии молодых гомосексуалистов, педофилов или ещё каких дефективных групп особей, спецслужбы только дополняют свой аппарат соответствующими подразделениями, получив на это подобающее финансирование, новую штатную численность.

Как и всякие иные чиновники, руководители иерархий спецслужб никогда не загружают свою голову национальными, цивилизационными проблемами и даже теми служебными задачами, результаты работы над которыми наступят не скоро, через годы, когда они сами пребудут где-то в иных должностях или вовсе в иных сферах жизнедеятельности.

3. Не интересует спецслужбы и то, как и чем неправильно питается молодёжь, обрекая себя в будущем на серьёзнейшие проблемы со здоровьем, тяжёлыми болезнями, передаваемыми по наследству. Спецслужбы встрепенутся и начнут всю активничать только когда недокормленная молодёжь начнет изрядно бузить и в её среде появятся эмиссары ортодоксальных политических партий, групп, иностранных спецслужб. Уляжется или удастся подавить смуту — хоть трава опять не расти на этих молодёжных грядках!

Таким образом, спецслужбы и в таком чрезвычайно важном для них секторе социума, как учащаяся молодёжь, ведут себя только, как надзиратели, присмотрщики, каратели, «пользователи» подходящего человеческого материала в своих корпоративных целях. То есть, «пользователи» весьма расчётливые, в целом — вполне равнодушные к опекаемой молодёжи. А в отдельные периоды и по отношению к отдельным категориям молодёжи — непримиримо враждебные, способные уничтожить тех, кто противопоставил себя власти и воспроизводимому ею порядку жизни в обществе.

О том, что такой социальный порядок отнюдь не в пользу большей части молодёжи во многих социумах — достаточно ознакомиться с её положением в сфере образования, здравоохранения, профессиональной подготовки в нынешней России. И российские

спецслужбы такое положение никак не заботит – только военные суеются по своим причинам: армейских генералов море, а солдат почти уже нет.

А те, кого удаётся заполучить в армию, в изрядной доле или дистрофики, или больны и в нормальной стране призыву бы не подлежали. Не говоря уж о психическом здоровье, нравственно-духовном состоянии – из-за издевательств старослужащих и младших офицеров из армии дезертируют целыми группами, покалеченных – сотни и сотни ежегодно. Многих солдат отцы-командиры почти повсеместно по стране сдают в аренду, как дешёвую рабочую силу предпринимателям, а армейские «особисты» в этом никакой угрозы безопасности страны никак не видят.

Но не только в России власть и «элита» для безродной молодёжи – злая, жестокая мачеха:

«Моя работа в области обучения в раннем возрасте убедила меня в том, что наша система образования является ни чем иным, как способом поддержания классовой системы. Она блокирует возможности детей с низким социально-экономическим статусом полноправно участвовать в жизни общества, причём осуществляет это уже в раннем возрасте и весьма эффективно»...³⁹

Конечно, в современном мире с одними малограмотными не проживёшь, и далеко не всех капиталистическая система образования обрекает на то, чтобы стать недоучками. Определённые слои молодёжи получают хорошую школьную подготовку, не путают Израиль с Египтом, твёрдо знают, что Москва находится в России, а не в Мозамбике, хорошо владеют иностранными языками. Кто они, эти молодые люди? Это выходцы из привилегированных классов.

Социальная селекция начинает действовать на Западе ещё в школьные годы, хотя буржуазная пропаганда не устаёт повторять, что в период с 60–70-х годов в развитых капиталистических странах проведены реформы, которые якобы ликвидировали «дуализм» школьного образования, обеспечили всем «равные возможности»... Бывший директор Международного института планирования образования ЮНЕСКО Ф. Кумбе писал:

«Социальная обусловленность систем образования, которые внешне выглядят демократичными, была неоднократно показана в исследованиях о социальном происхождении учащихся из стран Западной Европы, которым удалось закончить среднюю школу и поступить в высшие и средние учебные заведения. Во Франции, например, шансы получить университетское образование составляет 58,8 процента для детей лиц с высшим образованием и менее 2 процентов для детей крестьян и рабочих. Такая избирательность особо заметна в более «старых» государствах в Европе и Латинской Америке, в которых давно существует состоятельная образованная элита и сильно дифференцированная социальная система».⁴⁰

Общеизвестно, что самый большой интерес спецслужб всегда привлекает к себе такая социальная группа, как учёные. Само собой разумеется, что спецслужбы во всех странах приставлены охранять военные секреты и тех учёных и разработчиков, что создают самое современное оружие и военную технику. Кроме того, спецслужбы активно привлекают учёных для разработки многообразной специальной техники для своих нужд и тратят на это громадные средства (бюджетные, естественно), сопоставимые с расходами на образование в целом (в России, по крайней мере).

Другой интерес у спецслужб к учёным и тоже есть, но также носит исключительно утилитарный, вполне практический характер:

1. Чтобы не выболтали или не продали военных и других известных им

³⁹ Дж. Бруннер, американский психолог и педагог.

⁴⁰ Ю. Баранов, Н. Сергеев. «Тайная власть капитала». Москва. «Молодая гвардия», 1984 г. стр. 172, 173.

государственных секретов врагу.

2. Чтоб зарубежные учёные за деньги или бескорыстно выболтали свои секреты отечественным спецслужбам.

3. Чтобы помогли побыстрее создавать и усовершенствовать украденные спецслужбами за рубежом образцы новейшего оружия, военной техники.

Иногда спецслужбы имеют насущный интерес уничтожить талантливых учёных в странах оппонентах. Так же, как и в случае с творческими талантами в молодёжной среде, спецслужбы не интересуется проблема возвращения национального научного потенциала в целом, полагая, что вырастут сами, как трава на городских газонах.

Примерно такое же потребительское отношение спецслужб и к другой специфической социальной группе – журналистам, вообще к сотрудникам СМИ. Интерес здесь также чётко локализован:

1. Чтоб побольше «растворить» в этой среде (особенно в числе зарубежных корреспондентов) своих сотрудников или агентов).

2. Чтобы без помех и промедлений размещать в СМИ нужные спецслужбам материалы и публикации.

3. Чтобы надёжно блокировать «выход в свет» нежелательных спецслужбам и политической власти публикаций, выступлений.

4. Чтобы вести разноформатные информационные войны. Как внутри собственной страны против отдельных социальных групп, личностей, особей (политиков, финансистов и др.), так и за рубежом с помощью искусно, профессионально сработанных многообразных информационных фантомов. В основном – пугающего характера: о скором нападении террористов, возникновении пандемии новой модификации смертоносного вируса, появлении бактериологического оружия у стран-изгоев, которое они могут тотчас пустить в ход и т. п.

Цель – привести «широкие народные массы» в состоянии тихой паники, в котором они плотно льнут к властям в надежде на защиту. Забывая при этом все свои социальные претензии к правящим элитам.

На остальные группы населения спецслужбы практически внимания не обращают, кроме редких ситуаций, когда необходимо локализовать, к примеру, население, проживающее в районе, пострадавшем от химического, радиационного или иного загрязнения: чтоб не разнесли заразу, и чтоб не болтали нигде лишнего. Аналогично – при «издержках» разнообразных опытов на «человеческом материале» (заключённых, больных, жителях городских трущоб и т. п.).

Ныне появилась новая «забота»: не дать зарубежным спецслужбам умелой организационной работой через оппозиционные партии, при их обильном финансировании, вывести орды «быдла» на столичные улицы для свержения политического режима.

От уровня жестокости «опеки», «пастьбы» спецслужбами человеческих «стад» в социумах зависит и «окрас» неформального восприятия населением собственных спецслужб. Спектр «чувствований» здесь бывает достаточно широк: от почтительно-доброжелательного к сотрудникам КГБ времён последних десятилетий СССР до глухой, скрытой ненависти шиитского населения Ирака к сотрудникам спецслужб – суннитам. Не говоря уж об отношении населения исламских стран к сотрудникам спецслужб США, буде таковые в каком-то качестве там заявятся и будут пойманы бойцами каких-либо полевых командиров.

Спецслужбы, правда, мало заботит отношение к ним населения, восприятие ими острых астенических чувств людей к себе можно аттестовать афоризмом великого римлянина: «Пусть ненавидят – лишь бы боялись!». Отложенное на будущее, возможно весьма далёкое, возмездие пугает сотрудников спецслужб не более, чем грядущие после смерти кары многообразных бесчисленных богоотступников, богохульников, богоборцев: «Нас пугают, а нам не страшно!».

Итак, по всему, именно спецслужбы являются теми субъектами отношений среди различных структурных составляющих господствующих элит социумов, которые наиболее

активны и «производительны» по упорядочиванию всех видов взаимоотношений в среде наиболее социально значимых групп. Они же располагают наиболее многочисленными, по военному организованными структурами, которым по силам выработать и консолидированные решения по любым концептуальным проблемам. И «запустить», поставить изобретённые технологии по решению сформулированных задач на «промышленную основу».

В решении каких-то значимых проблем временами могут быть более инициативны и продуктивны масоны, в каких-то банкиры и промышленники. По ряду специфических мировоззренческо-идеологических проблем в авангарде процесса временами оказывается клир.

Региональные фрагменты этих опорных конструкций структурирования национальной и мировой элиты в отдельные периоды могут противоборствовать между собой. Причём, достаточно жёстко и бескомпромиссно. Могут возникать схватки на уничтожение одними представителями элит других. Но всегда среди тех, кто выносит приговоры и особенно их исполняет, доминируют безраздельно спецслужбы.

К примеру, решение о ядерной бомбардировке Японии в 1945 году было принято высшим масонством США с участием руководителей спецслужб. А вот реализация всего этого процесса проходила в плотном сопровождении сотрудников УСС. Или, к примеру, в 30-х годах прошлого века численные «квоты» на уничтожение различных разновидностей «классовых врагов» в СССР принимали партийные руководители, а уничтожали (и «персонифицировали» состав) сотрудники НКВД.

Генералитет спецслужб, по своему общественному статусу, по своим социальным ролям, с учётом полной закрытости информации об их деятельности, недоступности никаким контролям, обладает рядом уникальных возможностей влиять на политиков, высших должностных лиц государства. Чему в немалой степени способствуют, как впечатляющие массивы накопленной информации, так и возможности личного состава спецслужб, возможности его влияния на структуры оргпреступности, правоохранных органов. Не говоря уж о всяких там политических и общественных организациях.

Даже масоны, будучи основными центрами координации действий и выработки решений по основным политическим, экономическим проблемам, для проведения своих акций вынуждены «одалживаться» услугами у спецслужб, правоохранителей, оргпреступности через личные связи членов лож.

Принципиально только спецслужбы в состоянии разгромить неугодные им масонские ложи, мафиозные кланы, политические партии. Наоборот сработать те если и могут, то только через социальные революции, военные перевороты – и только при попустительстве, халатности самих спецслужб. Политики, главы государств и правительств могут иногда сменить руководителей спецслужб, реформировать их структуры, но поменять всех генералов, весь оперативный и вспомогательный состав спецслужб – никогда.

«Косметическими» же мерами можно только несколько подправить деятельность спецслужб, не затронув ни её основных структур, ни их рабочих технологий, ни приёмов и способов реализации своих целей. Ни, тем более, сложившейся корпоративной этики.

Так что, основная драматургия взаимоотношений группировок генералитета спецслужб, масонских, церковных иерархий, политических и клановых групп складывается по поводу борьбы за руководящие должности в спецслужбах.

Этот вечный покер господ нашей кровавой цивилизации никогда им не надоест. Да по-другому они не могут и не хотят жить и действовать – нет никаких к тому побудительных причин. А вот оснований придерживаться такого «стиля» жизни – сколько угодно: власти, денег, влияния, жизненного комфорта при успехах – море разлитое. Чего ещё желать? К чему им ещё от этого безмерного изобилия стремиться?

Так что, пока климатические изменения от жизнедеятельности цивилизации не затопят континенты и не разрушат общества (как это предсказывается сообществами учёных), практика взаимодействия и взаимовыручки основных фрагментов элит, наиболее

боеспособными среди которых и впредь останутся именно спецслужбы, не изменится ни на йоту.

При постоянных изменениях форм структурирования элит и наполнения их человеческим материалом, спецслужбы имеют неодолимое, практически всегда успешно реализуемое стремление к людям власти, людям денег – на всех уровнях их иерархий: от генерала до лейтенанта. Дело житейское, вполне понятное: и «при дружеских отношениях обмен услугами впечатляющ, и при возможности выпотрошить или сдать «друга», обретения бывают весьма существенными. Точно так же действуют и масоны, и клир, и оргпреступность, и значимые люди в творчестве, в СМИ.

Так что, спецслужбы, будучи самыми заметными и успешными членами «пула» из «элитарных» социальных групп, сильно способствуют (вместе со всеми другими) отрицательной селекции социумов. Выполняя при этом особо важную для «элит» функцию: обережение и защита состоявшихся властных и собственников, вне зависимости от степени их личной гнусности и негодяйства. По-другому и быть не может: спецслужбы создаются для охраны «конституционного порядка», который повсеместно никак не корреспондируется с нравственными предписаниями ни одного священного писания. И ничем другим быть не могут.

Ни с каким общесоциальным злом они противоборствовать не намерены – разве что, только для решения локальных проблем, возникающих у близких или значимых для них людей. А посему, сколь бы ни были коррумпированы высшие и прочие чиновники, сколько бы наркотиков ни скармливала молодёжи оргпреступность, как бы ни буйствовала проституция и педофилия – спецслужбы неизменно будут практиковать один и тот же стиль: только договариваться с любыми криминальными лицами, структурами о взаимовыгодных сделках, помогая «партнёрам» в любом их бизнесе, сколь бы губителен он ни был для «неэлитарного» населения.

Спецслужбам безразлично, чья валюта является мировой и служит глобальным интересам страны-эмитента – лишь бы собственные (долларовые, к примеру) сбережения не обнулились. А потому, никогда ничего не буду делать против страны, чья валюта – основное средство вкладов, платежей за сделки, сколь бы враждебна ни была эта страна собственной. Посему, этот институт хоть и инструмент власти, но в высшей степени самостоятельный, имеющий свои корпоративные интересы, которые для него дороже и выше прочих. Случай тот, когда хвост весьма часто и свободно виляет собакой. Исключения бывают, разве что, во время войн. Да ещё в период СССР, где КГБ строился и функционировал во многом на иных принципах.

Своеобразие традиционной поддержки спецслужбами властвующих во всех их ипостасях (как и своеобразие практически всего, чем занимаются «бойцы невидимого фронта») заключается так же в том, что распространяется она всегда только на тех, кто прочно удерживает свои «позиции».

Кого опрокинули, кто свалился – практически сразу выбывает из «друзей» спецслужб. А в ряде случаев, во избежание огласки неблагоприятного участия служб безопасности в каких-либо скандальных гешефтах, бывших друзей быстренько профессионально «отправляют в расход».

Не только без всякого ущерба для общего дела, но даже с большим приращением «запаса прочности» всей системе: напор страждущих вломиться в слой преуспевших столь силён, число их столь велико, а новые претенденты все столь не щепетильны, что смена «команд» делает всю социальную страту только «боеспособней».

А стремительная «утилизация» неудачников не оставляет тем, кто ещё на плаву, никаких возможностей для сомнений и ослабления своего агрессивного натиска. Так что и в этом полной мерой реализуется роль спецслужб, как одного из стабильных механизмов отрицательной социальной селекции. Хотя в официальных прописях их обязанностей об этом нет и речи – это всего лишь закономерный «побочный» продукт жизнедеятельности спецслужб, который, по важности социальных следствий, часто превышает их официальные

функции.

Размах тайных операций спецслужб по всему миру, затраты на эти акции, сопоставимые по своим результатам с региональными войнами, таковы, что позволяют сделать вывод о сокрушительном примате в человеческой цивилизации принципа: «Целесообразность выше закона». Который менее академично можно представить, как неписанное правило поведения властвующих и собственников в виде бытовой формулы «если нельзя, но очень хочется (или очень нужно), то можно».

Именно спецслужбы и являются главными реализаторами этого важнейшего принципа, «цивилизационного» правила. А всякие там «правовые поля», «правовые государства» существуют в зонах, которые до поры до времени не интересны властвующим и их «инструменту» – спецслужбам.

Реализуя же для власть придержащих означенный принцип, сотрудники и руководители спецслужб неизбежно становятся и сами постоянными «пользователями» этого великого освобождающего от нравственных оков правила во имя достижения своих личных, групповых и корпоративных целей. Множа безмерно число тех в социумах, кому закон не писан. Но при этом очень активных, профессионально подготовленных и с неутолимыми личными запросами, непомерным карьерным и прочим честолюбием.

Это – мощнейшая деструктивная «добавка» к роли спецслужб, как отрицательных социальных «селекционером».

Многие социальные функции спецслужб, как уже упоминалось, эволюционируют вместе с изменением условий жизнедеятельности всей политико-экономической элиты, как главного «заказчика» и «работодателя» спецслужб. И поставщика «руководящих кадров» для них. Так что, отклонения от описанной «генеральной линии партии» в деятельности спецслужб имеют место, многообразны, но колебания эти, как правило, синхронны, а не в противофазе «генеральной линии».

И всё это очень удобно покрывается идеологической формулой об «укреплении и защите конституционного порядка», «национальных интересов», понимаемых всегда с позиций интереса тех, кто рулит в политике и экономике. Может в этом и есть какая-то целесообразность: все хотят жить очень хорошо и ещё лучше, работать поменьше, потому на всех с их безмерными запросами никогда ничего не хватит.

При этом может быть так, что большая часть сотрудников спецслужб низшего уровня в душе против господ жизни и их «деловой» этики. Но их генералы принадлежат иной социальной общности и этого достаточно, чтобы спецслужбы делали то, что они традиционно и делают.

9. Путь воина

Упоминание о знаменитом кодексе самурайской чести, который истово исповедовали десятки поколений профессиональных воинов «страны восходящего солнца», в контексте разговора о спецслужбах, если и уместно, то только для того, чтобы указать на полную несовместимость сего уникального памятника служебной этики высочайшего уровня с практикой подавляющего большинства корпораций современных «рыцарей плаща и кинжала».

У подавляющего большинства нынешних сотрудников служб госбезопасности профессиональный путь, как и у самураев, начинается с принятия воинской присяги. На этом совпадения практически и заканчиваются: государственная служба сотрудников спецслужб почти ничем даже отдаленно не напоминает строгого самурайского служения.

По тому, что творят в реальной жизни знакомые сотрудники спецслужб, даже по тому, как их «нехорошие» оппоненты ведут себя в книгах и кинофильмах, можно составить достаточно полное представление об их весьма своеобразном кодексе служебного поведения. Который даже назвать «кодексом чести» язык не поворачивается.

Исключения могут встречаться – и нередко – но только, как исключения из общего

порядка вещей для этой специфической сферы человеческой жизнедеятельности. Немало молодых людей, не осведомлённых на сей счёт, чьё представление о современной «работе» спецслужб сформировано сериалами «бондианы», очень скоро, в первые же годы своей службы, переживают тяжелейшее разочарование и при любой возможности стараются сорваться с крючка, на который их подцепили.

Но и спецслужбы знают о таких устремлениях и хорошо подготовлены, чтобы удержать на поводках клонувших и заглотивших наживку «рыбок». Как и в армии, где всеобщая проблема, как удержать на службе лейтенантов, всё-таки решается. Дальше – проще: тройка-пяток лет службы вырабатывают устойчивое привыкание практически ко всему.

Как иные люди привыкают и вполне комфортно чувствуют себя даже в тюрьме, особенно если срок приличный и надежд на раннее освобождение никаких. Тем более, что с годами к любому человеку, кроме профессионального, приходит и житейский опыт, который вносит кардинальные изменения и в жизненные мотивации, и в представления об окружающих, и в принципы взаимоотношений с людьми различных психотипов и нравственного содержания – одним словом, во всё мировое приятие в целом, с которым вошёл человек в состоятельную жизнь.

В том числе и молодые сотрудники спецслужб начинают осознавать, что далеко не всё в их службе так малодостойно, плохо. Многие при этом оказывается даже весьма и весьма приличным с перспективой со временем трансформироваться в хорошее, или даже очень хорошее. Вроде того, что полицейские даже к нетрезвым сотрудникам спецслужб, даже за рулём относятся вполне лояльно.

Сотрудника спецслужб даже в невысоких специальных званиях, даже по частным, бытовым проблемам примут в кабинетах, куда не пропустят многих вполне состоявшихся и достойных людей. И это греет душу, возвышает в собственных глазах и во мнении разных, близких и знакомых. Что весьма существенно для восприятия своего социального статуса, как весьма высокого в сравнении даже с преуспевшими в финансах, бизнесе, творчестве друзьями – сверстниками.

Таким образом и начинается своеобразный «путь воина» сотрудника спецслужб, ветвится, кустится, наливается почками, завязями, чтобы к определённом сроку начать плодоносить. Иногда – весьма значимо, ощутимо даже с учётом разросшихся appetитов, намного превышая пределы юношеских метаний. Правда, чаще всего иного совершенно свойства.

Свод предписаний по регулированию своего душевного состояния, мотивации, правил боёв и приготовлений к ним, изложенный в уставе самураев, для современных сотрудников спецслужб всё равно, что нагорная проповедь жителям Содомы и Гоморры. Истинный самурай обязан был побеждать боевым искусством, мужеством в открытом и достойном бою, быть преданным до последнего вздоха клятве.

Нынешние «рыцари плаща и кинжала» готовятся к боям совершенно иного рисунка и качества: нападать превосходящими силами, только исподтишка, из засады, неожиданно, желательно с использованием ядов, дорожно-транспортных происшествий, имитацией алкогольного, наркотического опьянения – чтоб скрыть следы своей «работы».

А потому потребны для таких «боёв» совершенно иные качества: способности выражать своим обликом что-то дебилно-безобидное, неспособное настораживать, готовность врать не моргнув глазом всегда, даже когда в этом нет никакой нужды. Высоко ценятся умения изворачиваться и отпираться от любых своих неуклюжих, непрофессиональных действий и приписывать себе в заслугу или чужие успехи, или любые случайно получившиеся результаты, выгодные спецслужбе.

Не является недостатком для нынешней генерации сотрудников спецслужб и природная разумная трусость – известно, что шизофреническая подозрительность крыс способствует сохранению, как их отдельной особи, так и популяции в целом. Но одним из главных профессиональных достоинств остаётся умение избегать открытых поединков,

предоставляя восполнять этот пробел кинематографу. А в реальности перекладывая эту функцию на специально тренируемых и экипированных, как средний танк, бойцов спецназа.

Как если бы самураи поручали вести бои за себя своим слугам, покупая им для этого боевых слонов. Что, естественно, было совершенно немыслимо – мгновенно разрушалась бы выпестованная концепция собственного самурайского «я» и глубочайшей уверенности в высочайшей ценности такого «я».

Но у современных «бойцов невидимого фронта» разрушаться нечему по причине того, что такое «я» у них никто не формировал, и не требовал, и в таком не нуждался. Ныне действуют в этой среде иные принципы при оценке личностных качеств, вроде «за битого двух небитых дают», «нормальные герои всегда идут в обход» и т. п.

То есть, во главу тактики личного «боевого» поведения ставится не героическая гибель – «погибаю, но не сдаюсь», – а всё-таки выживаемость. Есть и вполне удобная оправдательная формула для такого служебного поведения: сохранить кадровый потенциал «опытных бойцов» корпорации и донести в общую копилку опыт поражений, для выработки на его основе рекомендаций на будущее.

Вообще-то у любого безмерно малодушная безмерно много обоснований для проявлений робости, трусости. Как и у любителей обжорства, пьянства, блуда. Но при всей убедительности таких мотивировок, в практической жизни всё это выглядит до обидного жалковато:

«Суровые парни в авто со спецсигналами – они и врага видят насквозь, и в любую минуту готовы дать отпор. Этот образ чекиста навязывался нам десятилетиями. Но неуязвимый герой сериала «Агент национальной безопасности» Леха Николаев вряд ли выжил бы, попади он с экрана в обычную жизнь. Сотрудников ФСБ грабят и избивают на улицах столицы, как простых обывателей. К ним также вламываются в квартиры. У них угоняют автомобили... Только за последние 2 года у 17 сотрудников ФСБ в Белокаменной были похищены служебные удостоверения, у 28 чекистов угнаны личные авто (как правило, иномарки). И сегодня всевозможными прокуратурами столицы расследуются десятки уголовных дел, где в роли жертв – чекисты.

Последний громкий случай – ограбление высокопоставленного сотрудника секретариата УФСБ по Москве и области. На Рязанском проспекте трое преступников сняли с чекиста дублёрку, отобрали 15 тыс. руб. и служебное удостоверение. Дело было ночью, приметы нападавшего генерал не запомнил. До этого двое налётчиков на Ореховом бульваре избили и ограбили генерал-майора ФСБ, советника Совета безопасности при Президенте РФ. Добычей преступников стали служебное удостоверение, дорогие часы и мобильник. Потерпевшего в тяжелом состоянии доставили в Склиф.

А на Большой Почтовой улице в мае прошлого года нападение на чекиста закончилось трагически: полковника ФСБ убили в подъезде собственного дома. Налётчики размозжили несчастному голову, похитили бумажник и документы. Судя по всему, он стал жертвой наркоманов. Им всё равно – чекиста уничтожить или шпиона.

Не обходится и без курьёзов. В районе Вишнёвой улицы на офицера связи ФСБ напал 20-летний гражданин Таджикистана. И одержал сокрушительную победу – отобрали у силовика удостоверение, мобильник и 350 рублей. Грабителя задержали через 3 дня при проверке документов, поскольку он предъявил милиционерам... похищенную «корочку» с переклеенной фотографией. Как оказалось, задержанный не понимал по-русски и уж тем более не знал, что такое ФСБ».⁴¹

Но это – не путь истинного воина. Такие «бойцы невидимого фронта» ничего, кроме танков и бронетранспортёров, не в состоянии противопоставить ни воинам современного джихада, ни, тем более – шахидам. И обречены с блеском проиграть третью мировую – цивилизационную – войну, если политики и военные не применят весь арсенал оружия

⁴¹ Сергей Канев. «Рыцари без страха и дублёнки». «Московский комсомолец». 12.04.2007 г.

массового поражения. С умом, с толком, естественно, а не для бомбардировки по площадям – тогда большую часть планеты придётся «изъять из употребления».

А пока, чтобы самым решительным образом избежать открытого, непосредственного боя даже с «отмороженными» коллегами из иных спецслужб, где до сих пор ценят и готовят «камикадзе», нынешние «воины невидимого фронта» европейской цивилизации усиленно изучают и пытаются употребить даже такие средства дистанционного, бесконтактного боя, как колдуны племени Вуду, чернокнижная средневековая магия и т. п. Или гоняются за потерпевшими крушение НЛО, чтобы скопировать какие-нибудь неведомые науке технологические новинки, пригодные для использования в качестве психотропного и подобного ему оружия.

Самые же продвинутые в техническом оснащении спецслужбы (прежде всего США, Англии, Израиля) увлекаются лавиной всё новых технологических новинок с азартом компьютерных мальчишек, напрасно полагая, что овладели умениями и обрели личные качества высшего по отношению к личному мужеству, самурая порядка. Венцом этих заменяющих личные качества воина технологий является высокоточное оружие, применяемое, в частности, спецслужбами Израиля для уничтожения в автомобилях, домах, бункерах руководителей «террористических» организаций режимов стран «оси зла».

Но для эффективного применения такой технологии обязательно нужна небольшая мелочь – наберёванная в нужном количестве агентура в ближнем окружении вождей «террористов», которые сами себя полагают воинами Аллаха. Пока за большие деньги отступников в неимущих социальных группах удаётся находить.

Верхом профессионального мастерства нынешних ниндзя является умение спровоцировать кровавую междоусобицу кланов наркоторговцев, недружественных племён, государств (как это удалось спецслужбам США в случае с войной между Ираком и Ираном, длившейся почти 10 лет и обернувшейся миллионом погибших с обеих сторон). Очень неплохо получилось у западных спецслужб разжигание конфессиональной вражды между общинами суннитов и шиитов в Ираке (за 3 года десятки тысяч убитых, уровень взаимной ненависти зашкаливает, а её запаса хватит теперь на десятилетия).

«Личное участие» в таких боевых технологиях сводится к финансированию и поставкам оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в потребных количествах, минимальная отметка для которых означает простым термином «много». Технология эта стара, как мир, но вот «воины Аллаха» ею почему-то пользоваться считают зазорным для себя, заявляя открыто о своих совершённых акциях, предупреждая о готовящихся. Как в своё время поступали и русские князья: «Иду на вы».

В такой поистине самурайской боевой этике уже присутствует превосходство в мужестве, в готовности биться до конца, до смерти. Уже только это вынуждает спецслужбы стран-оппонентов перенапрягать все наличные силы и технические возможности – и потихонечку паниковать: вызов-то брошен на глазах всего мира и сплеховать, пропустить удар всё равно, что расписаться в своей полной профнепригодности.

По крайней мере, для руководства спецслужб шансов предупредить объявленные (тем более фантомные) удары невысоки – средства неадекватны: только дорогостоящая техника и деньги на подкуп предателей.

Человеческие же качества сотрудников западных спецслужб на настоящие воинские никак не тянут: люди сюда идут, прежде всего, за статусом, заработками, карьерой, хорошей пенсией в достаточно не старом ещё возрасте. Но никак не для того, чтобы вполне бескорыстно отдать жизнь во славу Господа или хотя бы каких-то идеалов западной демократии. По примеру тех же воинов джихада, шахидов.

Получается нечто похожее на схватку истинного воина с мечом с конторскими служащими, но вооружёнными до зубов на западный манер. Что не исключает ситуации, когда впавшие в панику клерки побросают свои всепокрушающие лазерные бластеры и разбегутся в начале боя. Как это случилось недавно с «элитным» английским воинским подразделением – морской пехотой:

«Россиянам не нужны общеевропейские ценности. Честно сказать, они даже не знают, что это такое. Зато британские моряки, сдавшие в плену всех и вся, на них воспитаны. На базе этих ценностей им положено спасать себе жизнь любой ценой – предавать командование, лобызать врагов, выдавать военные тайны. А возвратившись домой, наврать с три короба про тяготы застенков и получить за это недурные деньги.

Дикие русские так не умеют. Они не знают своих прав и не жаждут свобод, они пьют водку, ковыряют землю и считают копейки, но когда приходит время воевать, они идут и воюют в грязи и в холоде, и жмут врага, и погибают, и считают предательство тяжким грехом, даже если оно совершено во имя спасения собственной жизни.

Мне кажется, в этой связи цивилизованным европейцам стоит более бережно обращаться с памятниками советским воинам. А вдруг на мир опять нападёт какая-нибудь чума? Бравые воины, воспитанные на европейских ценностях, вряд ли смогут их защитить».

В телевизионной передаче «Поскрипtum» 15 июня 2006 года на просьбу телеведущего прокомментировать факт «устранения» главы чеченских боевиков Басаева, бывший глава ФСБ РФ Ковалёв сообщил, что раньше это осуществить оказалось невозможным, так как сотрудники спецслужб боялись предательства и мести себе и своим семьям со стороны чеченских полевых командиров. Именно так: боялись победить и получить за это пулю в спину с помощью своих.

Потому и «секретили» фамилии и лица боевых лётчиков, участвовавших в операциях спецслужб. Так что, не пустое это дело – боевой дух,двигающий одержимого им к реальным боевым схваткам: наличия его у оппонентов уже достаточно, чтобы многие «бойцы невидимого фронта» отказались от битв, уступая победу без боя.

Изначально различны позиции у средневекового рыцаря – «контрактника» и у нынешнего сотрудника спецслужб: первый чётко осознаёт, кому служит, что за это имеет лично и что должен для этого делать. Второй может только догадываться, чьи распоряжения выполняют, чьи интересы защищают его вышестоящие генералы и какова его скромная доля, вознаграждение при максимальном для данной структуры риске работы.

«Командный» найм, который обычно осуществляет пахан, атаман, авторитет, всегда существенно отличается от индивидуального служения: в любой команде всегда есть стремление одних спрятаться за спины соратников в бою, а при дележе добычи (если остался жив) получить побольше и повкуснее, нежели другие. В случаях особо напряжённых отношений иной «соратник» в бою может и стрелкнуть в спину. Понимание возможности такого развития событий не прибавляет ни боевого духу, ни самоотверженности.

Если же учесть, что главным официальным работодателем для всех спецслужб и их сотрудников является государство, которое только очень условно можно персонифицировать с кем-то из руководителей государства, первичников, становится понятней и «резиновая» верность присяге, которую практикуют в душе многие «бойцы невидимого фронта».

В этом отношении команда любого пиратского корабля, состоявшая из самых отъявленных отбросов общества, была лучше сплочена, консолидирована в сравнении с нынешними спецслужбами, так как каждый чётко знал свою долю в добыче и удел в случае поражения в бою. От которого возможности уклониться ни у кого не было.

Слишком общая постановка служебных задач главным работодателем, скрытность истинных замыслов начальников и начальников начальников, отсутствие жёстких императивов настоящей рукопашной схватки в повседневной деятельности большинства сотрудников спецслужб делают этих современных «рыцарей плаща и кинжала» по складу служебной деятельности и по психотипу весьма похожими на банковских служащих.

В жизнедеятельности и работе которых есть много места для активной имитационной деятельности, для отлынивания от некоторых обязанностей, для использования технических возможностей по должности на решение некоторых своих личных задач. Что заставило работодателей содержать службы мониторинга занятости своих сотрудников. Спецслужбы это сделали уже давно – по насыщенности структурами собственной безопасности,

перекрёстных проверок, испытаниях на детекторах лжи и т. п. разведсообщества равных себе не имеют.

Такая практика способствует поддержанию приемлемого уровня работоспособности, дисциплины, послушания. Но никогда не формирует, не укрепляет дух, самоотверженность служения, преданности присяге.

Конечно, сложнейшая система взаимоотношений в структурах спецслужб активно стимулирует у сотрудников воображение, способности быстро и многомерно соображать, чтобы не попадаться на «маленькой лжи, которая рождает большое недоверие начальства». Но в целом такая внутрикорпоративная субкультура работает только на понижение эффективности работы спецслужб в целом, усиление в их деятельности имитационной компоненты (каждого низшего уровня иерархии перед каждым высшим, службы в целом перед политической властью и обществом).

В целом же скептическое, достаточно пренебрежительное, а то и вовсе равнодушное отношение сотрудников спецслужб к своему работодателю – «государству» – во многом вполне обосновано: «бойцы невидимого фронта» лучше других знают, из какого по преимуществу не лучшего «человеческого материала» комплектуются все уровни иерархий всех «ветвей власти».

Знают, как и в каких масштабах потрошат казну все эти премьеры, президенты, спикеры и прочие «слуги народа» со своими кодами, семьями, челядью. А потому нередко самое сильное побуждение у иных работников органов госбезопасности – перестрелять или перевешать, как можно больше этих «воплощений воли народа», но только не служить и не услужать им, как это требуют должностные обязанности и указания руководителей.

Такое «соборное» государство никак не поддаётся персонификации, как это имеет место при найме на службу сёгуну, князю, при присягании на верность императору, царю, вождю восставшего народа.

Даже служение и «делу родной коммунистической партии» предполагало работу на более-менее понятную идеологию и основанные на ней социальную политику органов власти и управления государством и положенные в основу принципы социальных отношений в обществе.

Но мудро, практически невозможно для умственно полноценного человека, находящегося на службе в органах государственной безопасности, определить для себя убедительные внутренние мотивы для беззаветного, самоотверженного служения Отечеству, в котором «лучшие люди», «элита» – краса и честь нации, как они себя именуют и подают – всего лишь непомерно разбогатевшие на банковских, иных финансовых мошенничествах, гешефтах, на «правительственном» казнокрадстве и измождении.

И на таком сколоченном преступлениями, разнообразными гнусностями капитале и с его помощью в составе разнообразных неафишируемых кодов и кланов формируют не только структуры власти и политику государств, но и задают тон «культурной» жизни социумов. В которой самыми «высокодуховными» свершениями являются даже не театральные спектакли или редкие действительно нравственно состоятельные фильмы, а бессмысленны, копирующие выставки породистых собак, конкурсы типа «мисс Америка», «мисс Урюпинск», «мисс Вселенная». И ещё многое подобное такое, но уже с содержанием порнухи, затейливого блуда в роскошных интерьерах и т. п.

Надо быть законченным, клиническим идиотом, чтобы с риском для жизни служить в рядах спецслужб всей этой похабени, творимой «надёжей и опорой» социума – посредственностью, набившейся туда, где положено обитать действительно лучшим людям нации. Которые, по крайней мере, в нынешних социумах, статистически значимым числом туда пройти никак не могут, а тем случайным единицам, которые-таки инфильтруются в «элиты», ничего в их порочной природе и их богоборческой практике изменить не дано.

Но, как это ни печально для нравственно, духовно состоятельных сотрудников спецслужб, технологии работы их корпораций способствуют только отрицательной социальной селекции, лучшими «обретениями» которой для современных обществ

«развитых стран» мира являются по преимуществу умные, оборотистые, хищные, ненасытно алчные негодяи, богоборцы. Под политическим, экономическим, «культурным» руководством которых социумы устойчиво сохраняют повадки и облик неуёмных, агрессивных потребителей, прожирающих бессмысленно ограниченные запасы, остатки природных ресурсов планеты.

Но если современных наследников разновидности самурайского служивого сословия мало заботят постулаты из наставления «Путь воина», ввиду их вредности для личного здоровья и жизни, а также отсутствия достойных объектов служения, то главной их заботой, несомненно, стало вполне соответствующее духу современной цивилизации стремление любой ценой выглядеть в соответствии с мифом о своём статусе.

Как говорится, если нет пороку, чтобы быть достойными, то его скудные запасы тратят на то, чтобы казаться таковым любыми трюками и ухищрениями. Отсюда – чёрные костюмы и обязательные чёрные очки и непроницаемые лица у охранников VIP-ов. Здесь же – поношение своих коллег – оппонентов за «грязную» работу и недостойное поведение. Здесь же постоянные заверения после каждого теракта в том, что ещё более худшее успешно было предотвращено и очередные жалобы на мягкие законы и недостаточное финансирование.

Единственное, кроме декоративноприкладной деятельности по раскрашиванию имиджа, что роднит современных «рыцарей» спецслужб с их средневековыми прототипами, так это дух ничем не устранимой во все времена состязательности, нежелания делиться своими подвигами, боевыми свершениями с «коллегами». Равно, как и нежелание делиться своими стратегическими способностями, хитроумными планами или полученной «эксклюзивно» секретной информацией.

Здесь нынешние, правда, переплюнули всех самураев и рыцарей вместе взятых – те были вынуждены биться плечом к плечу со своими соратниками, выручая и спасая друг друга в сече. Нынешние, порознь сидя по кабинетам, у компьютеров, в ресторанах, на мягких сиденьях комфортабельных автомобилей, в непосредственной боевой взаимовыручке не нуждаются (напомним: боевые акции за них, как правило, выполняют бойцы спецназа), а потому уже традиционно не заботятся об избытии каких-то трудностей у коллег.

Такие «коллективы» современных спецслужб уже даже не кучки не связанных друг с другом песчинок, а, скорее, заряженные статистическим электричеством одного вида, стремящиеся отодвинуться друг от друга особи. И в определённых условиях «вышестоящим» стоит немалого труда понуждать этот «наэлектризованный» индивидуализмом народ действовать согласованно, сообщая, концентрируясь на какой-то одной задаче.

Здесь мы не пытаемся обсуждать ситуации, когда «коллеги» пытаются (часто весьма успешно) подставить друг друга, заткнуть брешь в своей обороне карьерой, судьбой, а то и жизнью коллеги. Старый боевой суворовский девиз – «сам погибай, а товарища выручай» в среде современных спецслужб, случись кому-то его цитировать, будет воспринят, как шутка в лучшем случае, в худшем – как диагноз. Здесь более актуален уже упоминавшийся принцип: «Любой человек – либо цель, либо средство». Это справедливо полностью и для взаимоотношений сотрудников спецслужб во взаимоотношениях друг с другом и с начальством.

Известно, что самурай, не исполнивший обязательства защитить своего нанимателя (и по ряду других оснований), совершал самоубийство, причём по специальному ритуалу, в присутствии ближайших соратников. За современными сотрудниками спецслужб, занятыми охраной государственных чинов, такое не водится нигде, не говоря уж о бесчисленных частных охранных структурах и их сотрудниках, равно, как и о службах собственной безопасности банков, корпораций.

Здесь эта генерация современных «рыцарей без страха и упрёка» ныне придерживается совершенно иной тактики, исповедует иные нормы «внутрицеховой» деловой этики: при создании опасной для «хозяина» ситуации, проявляя определённую мобилизацию сил, концентрацию внимания, изо всех сил убеждать работодателя, что необходимые меры

приняты, опасность будет нейтрализована.

А когда «хозяин» будет-таки убит, расплата – только увольнение. Которое предвидится и к которому стараются подготовиться, чтобы заранее компенсировать неизбежный материальный ущерб. Через определённый промежуток времени с помощью таких же друзей искать новую, достаточно доходную вакансию, сочиняя новому работодателю правдоподобные небылицы о своих подвигах на прежнем месте работы и роковом стечении обстоятельств, помешавших уберечь прежнего шефа.

Есть, правда, ещё одна принципиально важная общность служителей чести в ранние эпохи и нынешнее время. Служивое сословие самураев настолько высоко ценилось управителями, что низшие социальные слои были простым прахом у их ног. В числе прочих статусных привилегий у самурая было даже «право пробы меча»: своё новое оружие этот безупречный служитель господина мог опробовать на любом незнатном прохожем, крестьянине. И делали это с таким же равнодушием и хладнокровием, как если бы рубили соломенное чучело. Пока такая практика не была запрещена специальным императорским указом.

Нынешние служители демократических тронов не только не имеют таких прав, но, даже под страхом общеуголовного наказания, им запрещено производить «невинно убиенных» – и оптом, и в розницу. Однако, по отдельным сведениям, просачивающимся в печать «недружественных» стран, спецслужбы даже таких «правовых» государств, как США, проводили время от времени негласные опыты над большими массами людей и в своих странах, и за рубежом по применению лучевого, электромагнитного и иных типов психотропного оружия, новых штаммов «боевых» вирусов и иного подобного.

А в случаях расследований, ставших известными общественности некоторых деталей, спецслужбы принимали все меры для уничтожения выявившихся и потенциальных свидетелей, способных дать какие-то разоблачающие показания. В точном соответствии с правилом советских зеков, поэтически озвученным Владимиром Высоцким: «...И кто кого переживёт – тот будет прав, когда его припрут!».

Предпосылки для экспериментов на «широких народных массах» у спецслужб ныне «многофакторные» – исламистский джихад, атаки шахидов с одной стороны, возможности науки с другой:

«Победить терроризм реально лишь с помощью информационной войны, и это оружие у нас уже есть. С помощью скрытого акустического воздействия на людей можно контролировать их поведение, снижать уровни агрессии, минуя их волевой контроль. Смотрите – я записываю на компьютере свой голос, провожу кодировку, речевой сигнал превращается в шум, накладывается на музыку. Слова вы не слышите, а вот ваше подсознание их не может не слышать. Если крутить эту музыку по радио, возникает навязчивая идея. Это простейшее информационное оружие. Можно зашифровать и изображение...

Это дорогая технология, но к нам постоянно обращаются все спецслужбы... Один раз мы приняли заказ от одной очень крупной партии: нам закупили 40 ноутбуков, чтобы мы прозондировали всех региональных функционеров. Оказалось, что 49,2 % функционеров – группа риска, психбольные и наркодельцы. Россияне до сих пор не защищены от несанкционированных «закладок», которые могут быть в СМИ, рекламных роликах, книгах, Интернете. Государственного контроля в области работ по психотехнологиям нет. Меж тем в США... разработкой методик скрытого психологического воздействия на человека занято более 140 институтов». ⁴²

В борьбе спецслужб против или за установление своего или чужого доминирования в геополитике прибегают, в качестве оружия, и к открытиям в генетике, вирусологии

⁴² Екатерина Пичугина «Зомби замедленного действия» (Из интервью с академиком РАЕН Игорем Смирновым). «Московский комсомолец». 10.11.2004 г.

(геномодифицированные продукты, опасные для жизни вирусы, вроде возбудителей ВИЧ-инфекции), физике полей низких частот и др. Создавая же образцы оружия, способного влиять нужным образом на поведение «широких народных масс», их непременно приходится испытывать.

Удобнее всего делать это в собственных странах, где есть для этого вся инфраструктура. Естественно выборочно: на отдельных категориях населения, в отдельных местностях, городских зонах, вроде трущоб. Редкие, часто изрядно искажённые отголоски такой деятельности доносят нам СМИ (естественно, не государственные официозы):

«В том же 1989 году промелькнуло сообщение о переговорах тогдашнего председателя КГБ Владимира Крючкова с директором ЦРУ США по проблеме психотронного оружия, основанного якобы на полевом воздействии на человека. В 1993 году, находясь в добром здравии, неожиданно скончался бывший руководитель российской спецслужбы Виктор Баранников, который «слишком много знал». Официальный вердикт – мгновенная смерть в результате сердечного приступа...

Интересно то, что словосочетание «мгновенная смерть» в данном случае не является случайным. Оказывается, это – устоявшийся научный термин, вот уже полтора десятилетия будоражащий умы многих учёных: от биологов до физиков. По неполным данным, с таким диагнозом ежегодно в мире умирает около двух миллионов человек. И хотя установлено, что в подавляющем большинстве случаев мгновенная смерть наступает в результате воздействия на потерпевших аномальных физических полей, «вешать» все эти трагедии на спецслужбы попросту нелепо». ⁴³

Так что, право «пробы меча» на современный манер спецслужбы мира за собой не только сохранили, но и диверсифицировали на любой потребный к определённым обстоятельствам манер. Самый «естественный» и безобидный случай, который, к примеру, нередко имеет место быть практически в любой стране: разведчик уходит от преследования оппонентов, намеревающихся его задержать и допросить с «пристрастием». Герою невидимого фронта удаётся-таки сбежать, задавив насмерть или покалечив несколько граждан страны пребывания.

Можно быть абсолютно уверенным, что радостные шефы удачливого шпиона не только не обратят никакого внимания на факт убийства случайных прохожих, но обязательно отметят высокий профессионализм и отличную технику вождения при отрыве своего сотрудника разведки от преследования, которое вели тоже отнюдь не новички в таком деле. Естественно, не все сотрудники спецслужб постоянно, нетрепетно и безбоязненно крушат чужие человеческие черепа случайно оказавшихся подле них людей – характер работы подавляющего большинства из них этого не требует.

Но когда такое случается, никаких особых душевных переживаний у профессионалов не возникает. Разве что, только по поводу собственного опасения, что кто-то из выживших может его опознать и ведущая расследование полиция явится с ордером на арест. Тогда собственные руководители вполне могут распорядиться «пустить в расход» своего оплошавшего сотрудника. Вроде недавно забитого насмерть непонятно кем в «милицейских застенках» столицы бывшего подводника – диверсанта Пуманэ, задержанного незадолго до этого за провоз в своём автомобиле взрывчатых веществ.

Никаких особых проблем при этом у спецслужб не возникнет и в обозримом будущем: и потому, что очень редко оставляют уникальные свидетельства и потому, что в состоянии своевременно уничтожить случайно оставшихся в живых очевидцев. И потому, что простолюдины, люди без впечатляющего социального статуса с его основными компонентами из власти и денег, в глазах «общества» практической цены не имеют, а заступиться за них ни в СМИ, ни в судах некому и не на что.

Как, к примеру, в нынешней России, никого не интересует истинная причина смерти

⁴³ Сергей Ольгин. «Торсионный бронежилет». «Северно-Западная газета», 10.09.1999 г.

пенсионера или того же вконец деградировавшего бомжа, которых и хоронят-то часто в общие могилы безымянными, если не удаётся установить личность в отсутствие родственников и документов. Можно быть совершенно уверенным в том, что в обозримом будущем цена человеческой жизни – любой – будет только снижаться: в условиях переизбытка населения мира будут приветствоваться любые сколь-угодно «производительные» по части сокращения народонаселения технологии.

К тому же, в число подлежащих радикальному сокращению, а то и вовсе изведению под корень попадут и очень многие национальные элиты наиболее населённых стран мира. Это тоже вряд ли кого сильно будет печалить даже в их собственных социумах, кроме родни и подельников: в любой нации «широкие народные массы» воспринимают смерть своих вельмож, сановников примерно одинаково. Так, как это отражено в русской пословице традиционно произносимой по поводу почти каждой именитой кончины: «Умер Максим – ну и хрен с ним!».

Что тоже вполне обоснованно: традиционно в современной цивилизации в «лучшие люди» государства попадают немалым числом довольно гнусные особи, по которым искренне горевать ни один народ не хочет, каких бы при жизни или по смерти ему памятников ни ставили, какие бы пышные похороны ни устраивали и сколько бы панегириков ни было озвучено в СМИ в их честь. О чем провидчески, точно живописал поэт XIX века:

Как крепки камни все в призваниях своих,
Когда реку они вдоль берега ведут,
Или покойника, накрывши стерегут.
Или гримасничают долгие века,
Когда ваятеля подкупная рука
Доносит нам под маской красоты
Чьи-либо гнусные, проклятые черты.

К числу многих существенных отличий нынешних «рыцарей плаща и кинжала» от истинно героических, отважных самураев, средневековых рыцарей относится и способ ведения боёв: у последних преимущественно поединки, или войско на войско примерно равного числа.

У первых (кроме того, что скрытно, внезапно, исподтишка, в спину) – гонят кого-либо всегда командой, обеспечивающей в данный момент в данном месте подавляющее превосходство снижающее риски до минимума, а то и вовсе до нуля. Иное случается только по неожиданности, непредвиденно, при серьёзных просчётах на стадии подготовки той или иной акции.

Понятное дело, что такая «технология» единоборств формирует (и востребует) человеческие качества, просто неприемлемые для настоящего профессионального воина: предельная осторожность пугливой лани на грани робости, трусости, способность действовать только при уверенности в многократном, подавляющем превосходстве.

При непредвиденном же развитии событий (противник тоже всегда готовится) стараются свернуть операцию и отступить, сохранив любой ценой свою жизнь. В этом есть определённый резон: работая против одиночек или небольших групп «оппонентов», мощные спецслужбы в состоянии быстро перегруппировать силы и предпринять столько новых попыток, сколько потребуется для получения нужного результата. В схватках же с равным по силе, но более агрессивным противником такая тактика – верный путь к поражению.

Так что, нынешние сплошь «командные» единоборства «бойцов невидимого фронта» воспроизводят совершенно невероятный в средние века, да и для современных воюющих армий, психотип «бойца» – осторожного, предельно боязливого. Именуемого собирательно в литературе «тихим американцем», (равно, как и «тихим англичанином», «тихим россиянином» и т. п.) удачливость карьеры которого почти целиком зависит от умения

выжить и прожить долго. Иное же – только в кино.

10. Всё течёт, всё меняется

Действительно, в природе всё течёт, всё меняется. По-разному, с разной скоростью в различных природных средах, включая социумы. И спецслужбы, как их неотъемлемый атрибут.

Относительно быстро меняются природные растительные ландшафты под воздействием засух или обильных осадков в течение длительных периодов. Но очень медленно, незаметно для человеческих глаз меняются русла рек, очертания озёр. Горные массивы, в отсутствие сильных землетрясений, почти не меняются сотнями и тысячами лет.

Достаточно устойчивы и контуры государств – меняются войнами, революциями, но не радикально. Незначительно меняются в социумах структура, численность основных групп населения, их влияние, значимость в основных сферах жизнедеятельности. Ныне, наряду с привычками жизни, относительно быстро меняются мировосприятия больших социальных групп – целенаправленно или самопроизвольно – под воздействием мощных информационных потоков. Пусть и по преимуществу бессодержательных, либо вовсе злонамеренно измышлённых.

Сильно меняет (и унифицирует) мировосприятие молодого населения планеты Интернет. Это тоже изрядно прибавляет динамизма многим социальным процессам в соответствии с известной формулой К. Маркса: «Идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой».

Таких идей, правда, в истории социумов появляется немного, в остальном мировоззренческие изменения происходят по мелочи, меняя практику социальной жизни незаметно – как смещаются с Востока на Запад русла равнинных рек.

Самым стабильным «долгоиграющим» фактором, определяющим судьбы спецслужб, является обязательность их наличия у каждого государства, а также у таких устойчивых во времени внегосударственных корпораций, как конфессии, религиозные ордена, масонские структуры.

Предположительно – и у скрытно функционирующих представительств внеземных цивилизаций, буде доказано, что таковые всё-таки наличествуют и исподволь успешно манипулируют лидерами и главами государств, конфессий, орденов, масонских лож. А возможно (страшно подумать!) – отдельными генералами спецслужб, армейских подразделений.

Этот фактор настолько стабилен, насколько стабильна вся человеческая цивилизация, где никто никому не верит. Не доверяет ни на грош и в сфере межгосударственных отношений, и во внутриполитической непрерывной свалке, и в деловых взаимодействиях любого рода и вида, да и в большинстве житейских ситуаций. Тем более, служебных взаимоотношений.

А потому все за всеми следят, подсматривают, подслушивают и при необходимости пакостят друг другу. При удачах – страшно гордятся, радуются, награждают тех, кто сумел особо впечатляюще нагадить оппоненту. Естественно, пальма первенства тут бесспорно принадлежит спецслужбам – государственным и корпоративным: как-никак профессионалы, обучены, экипированы, имеют опыт и разнообразят его постоянно.

Так что, не только любой, даже карликовой стране без спецслужб никак, но даже мало-мальски значимой бизнесструктуре или банчишку какому без этого выжить невозможно – облапошат, обмишурят, короче по-нынешнему «кинут на бабки», или ещё на что, но обязательно разорят. Прежде всего – именно партнёры.

А если достаточно информирован – значит предупреждён, а предупреждён, как утверждали древние, значит вооружён. Ныне без оружия никому уже нельзя быть в безопасности. Даже население США обвалью состоит при огнестрельном оружии. О Ближнем Востоке и не речь – уже с подросткового периода «правовверный» присыхает к

автомату Калашникова, как европейский школьник к жевательной резинке.

В такой ситуации все вынуждены хитрить, скрытничать во всём, тратиться на охранные структуры и системы. Что тоже предполагает наличие всевозможных служб безопасности с изрядными бюджетами на их содержании.

Далее, государственную спецслужбу, как естественный и неотторжимый фрагмент государственного аппарата, невозможно в одночасье разгромить, к примеру, как крупную банду, или повстанческую армию: любые человеческие потери спецслужб быстро восстанавливаются – при наличии устойчивого финансирования (бюджетное обеспечение – самое устойчивое из всех сущих) любые вакансии, убыль средств обеспечения заполняются достаточно быстро. Быстрее, чем регенерируются органы у некоторых членистоногих.

Ещё одним «цементирующим» фактором стабильной востребованности спецслужб является неустрашимость их ни при каких обстоятельствах в разнообразных социально-политических противоборствах – в любых социумах, в любые времена: ожесточённая борьба за власть, привилегии, состояния между кодами, кланами, ложами, партиями, равно, как и внутри кода, кланов, лож, партий. Что в свою очередь несокрушимо обуславливает, прежде всего, существование политического сыска – главной компоненты большинства спецслужб.

Политическому сыску ныне почти повсеместно придают дополнительные силы финансовой разведки, налоговой полиции и структур по борьбе с экономическими преступлениями – в том числе и для разорения источников финансирования политических оппонентов. Вместо практиковавшихся в недавние времена политических убийств и политических судебных процессов, чреватых возмездием такого же толка при смене политического режима или политического клана у власти.

Правда, полностью уголовные и криминальные средства противоборства с политическими оппонентами и ныне не исключаются: в отношении политических радикалов из простонародной голытьбы, не имеющих своих собственных средств и подпитываемых из недостижимых зарубежных источников, сохраняются и активно применяются именно такие радикальные «стародавние» технологии. Единственно эффективные против новоявленных Емельянов Пугачёвых или Степанов Разиных, а то и того хуже – «неофашистов», «ваххабитов».

Потому-то так притягательны высшие государственные должности для нескончаемых орд претендентов на них: кроме практически безграничных возможностей личного, семейного обогащения, высочайшего социального статуса и сопровождающих его восхвалений и превозношений, здесь наличествуют и наилучшие средства для защиты обрётённого социального величия от бесчисленных домогателей – претендентов (естественно, недостойных этого высокого статуса).

Того, что перечислено, уже вполне достаточно для твёрдой уверенности: спецслужбы вообще, политический сыск в частности столь же бессмертны в человеческой цивилизации, как и мафия, и все прочие родственные ей формы организованной преступности. При всей, однако, стабильности «физиономии» спецслужб постоянно претерпевают изменения под воздействием многочисленных факторов.

К числу наиболее существенных из них можно отнести, к примеру, смену политического режима в стране, когда радикально меняется состав правящего слоя. Что нередко сопровождается уголовными репрессиями, гонениями в отношении бывших вельмож, их челяди, подельников.

При таких переменах полной мерой достаётся и спецслужбам: вышибают всех руководителей этих структур в столицах и регионах, иных из наиболее усердствовавших по отношению к состоявшимся победителям наказывают жестоко. Кроме тех, естественно, генералов, которые точнее других просчитали ближайшие политические перспективы и вовремя, но без огласки, стали под боевые знамёна контрэлиты.

Как в своё время сделал начальник контрразведки Генерального штаба российской армии генерал-квартирмейстер Н.М. Потапов, установивший отношения с большевиками и

перешедший после Октябрьской революции 1917 года на их сторону. Чем, кроме всего прочего, сильно уберёг кадры российской военной разведки от разгрома, сохранив и потенциал её агентуры на благо своего Отечества, позволившей нынешнему ГРУ Генштаба РФ остаться в рядах сильнейших разведок мира.

Но подобное – скорее всего происходит в виде исключения: руководители спецслужб политиками подбираются таким образом и обставляются такими делами, участие в которых отрезает им путь к «измене» в любом её варианте. И обычно высший генералитет спецслужб, подобно команде тонущего боевого крейсера, идёт ко дну вместе со своим «верхним» вождём.

Естественно, вновь назначенные по выбору новых политических вождей руководители спецслужб тотчас же ставят на ключевые руководящие должности своих ведомств проверенных соратников. Которые, в свою очередь, приведут своих – и так далее – по всей иерархии спецслужбы. Конечно же, происходят далее существенные изменения не только в социальных приоритетах работы спецслужб, но и в наборах конкретных «объектов» для первостепенного внимания и опеки сотрудниками сих сугубо специализированных государственных ведомств.

Речь идёт прежде всего о «верхнем» уровне бывших вельмож проигравшего политического режима, которые ещё в горячке пыхтят перегретым паром и жаждут реванша. Хотя бы для начала в виде крупных социальных потрясений по причине недостаточной организованности, отмобилизованности и опыта новых правящих команд, составленных часто наспех из весьма колоритного социального сброда. И многим оставшимся «в живых» сотрудникам спецслужб нередко приходится начинать работать по бывшим «друзьям»-собутыльникам.

Тут уж каждый выкручивается, как может. Тех, у кого не очень получается с «перестройкой» внутренних предпочтений и симпатий, как правило, вышибают со службы. Таких обычно набирается немного. По настоящему массовые и серьёзные разборки с сотрудниками советских спецслужб имели место в СССР после 1953 года после смерти И.В. Сталина и гибели шефа НКВД Лаврентия Берия.

Обусловлено было такое мстительное отношение к сотрудникам органов госбезопасности той поры со стороны пришедших руководить страной «верных сталинцев» прежде всего тем, что при жизни самого Иосифа Виссарионовича те мало внимания обращали на чины и звания проштрафившихся чем-то советских вельмож и обходились с ними так же жестко и сурово, а часто и вовсе жестоко, как и со всеми прочими «врагами народа».

Как и должны, в общем-то, по-настоящему работать нормальные спецслужбы. В отличие от нынешних: бессмысленно жестоких по отношению к безродным, неимущим маргиналам общества, вроде «скинхедов», и мягких, как воск, по отношению к тем, кто нафарширован деньгами и богат связями со значимыми особами государства. Что, понятное дело, в личном плане гарантирует руководителям и сотрудникам спецслужб отсутствие крупных неприятностей при сменах правящих команд. Но не обеспечивает задач национальной безопасности – безнаказанное предательство вельмож всегда самое сокрушительное для любого общества.

Уникальную бескомпромиссность к недругам Отечества, вне зависимости от их социального статуса, спецслужбы являют настолько редко в истории своих стран, что эти периоды легко пересчитать по пальцам даже одной руки. В российской истории – это периоды опричнины, петровская эпоха, когда боярские и стрелецкие головы под топором палача порою сыпались горохом.

Позднее, понятное дело, такой был сталинский период СССР, когда ВЧК-НКВД обнаруживали по приговорам «особого совещания» и карали смертью во внушительных количествах разнообразных «врагов революции», преимущественно из среды «эксплуататорских классов».

По совокупной длительности эти исторические отрезки составляют едва ли двадцатую

часть всего срока христианской эпохи страны, но по впечатлению на потомков намного превосходят даже величайшие потрясения и самые впечатляющие победы. И по высочайшим социальным следствиям – тоже.

Вторым по «результативности» фактором перемен в деятельности и характере «применения» спецслужб является регулярная (хоть и с различными интервалами) смена руководителей государств и правительств. Неизбежные при этом кадровые обновления в высшем руководящем слое спецслужб носят весьма ограниченный характер, а их следствия для ведомств не превышают обычных, имеющих место постоянно быть при сменах руководителей в любых других организациях и ведомствах.

Это влечёт, как правило, периоды «перестройки» ближайшего окружения нового начальника к особенностям его мировосприятия, представлений о способах, приемлемых средствах достижения служебных целей, перепадам его настроений, его особым симпатиям – антипатиям и ряду других подобных, вполне обыденных мелочей служебного быта.

Случаются, правда, уникальные житейские сюжеты, когда иногда на должности попадают люди настолько ограниченные (из блатных, как правило), что это заметно даже техническому персоналу. И тогда наступает для личного состава пора многообразных аппаратных развлечений, прерываемых только поношениями вышестоящих руководителей за постоянно случающиеся неизбежные конфузы в работе, благодаря дурику-начальнику.

Бывает, что в начальники выбиваются посредством посредственности, одержимые скрытыми формами паранойи и тогда подвластному «трудовому коллективу» становится не до шуток – иные психозы начальников настолько «заразны», что способны деформировать психику подчинённых до неадекватности реалиям служебной деятельности и привести к острым конфликтам с «дружественными» структурами (технические службы, милиция, прокуратура, учреждения министерства юстиции).

Но даже в таких экстремальных ситуациях нет ничего особо необычного – всё это сродни ситуациям, возникающим у людей при сильных простудах и иных заболеваниях, которые поддаются традиционному лечению.

Понятное дело, что «естественные» кадровые перемены происходят и безо всяких смен глав правительств: люди и в спецслужбах болеют, умирают от сердечных приступов, уходят на пенсию. Иных выгоняют по профнепригодности, чрезмерному увлечению алкоголем, блудом, а то и из-за паскудств по отношению к своим. Случается регулярно таковое, по крайней мере, не чаще, чем в иных прочих корпорациях.

Постоянно вершащаяся при этом «естественная» смена стилей руководства, акцентов в работе не носит никогда «революционного» характера, как это происходит при смене политических режимов, потому что над всяким новым командиром сохраняется «лесенка» старых умудрённых начальников. Которые никакому новому – молодому и энергичному – командиру особо разгуляться не дадут. Как бы тот не пытался и не подпрыгивал от негодования по поводу «старых перечниц с заплесневевшими мозгами».

Эти неустрашимые ничем перемены в жизнедеятельности спецслужб обусловлены одним фактором – «вялотекущей», постепенной сменой поколений личного состава спецслужб. С которой приходит служить в органы госбезопасности иное племя, имеющее несколько отличное от прежних мировоззрение.

Оценивать этот процесс только положительно – совершать непростительную ошибку: современники А.С. Пушкина, получавшие университетское образование и служившие в 3-м охранном Отделении, равно и как их более поздние коллеги, даже после окончания классической российской гимназии свободно владевшие древнегреческим, латынью и говорившие на одном-двух европейских языках, были разумеется, несколько, так сказать, разносторонне развитее тех, кто пришёл служить в НКВД в 30-е годы и чей мировоззренческий багаж состоял в основном из «классовой ненависти» и боевого опыта борьбы с контрреволюцией.

Но для решения практических задач, поставленных политической властью перед спецслужбами того периода истории страны, именно жизненный и боевой опыт были как раз

и нужны. Знание же латыни и французского не мешало, но и не могло тогда особо помочь. Это было серьёзным работающим фактором только для сотрудников разведки за рубежами страны.

Современные программы школьного образования повсеместно в мире даже в элитарных заведениях почти начисто «освободились» от излишеств наследия прошлого в подростковом образовании в пользу иных пластов знания: информатики, основ менеджмента, маркетинга, деловых коммуникаций, рекламы. Народ на выходе такого образования получается вполне коммуникабельный, шустрый, ориентированный на прибыльность своей жизнедеятельности. Даже в основах гражданского права кое-что смыслят. А на компьютерной клавиатуре – как заяц на барабане. Обожают ролевые компьютерные игры.

Оказавшись в спецслужбах, такая публика легко находит общий язык с уголовниками (род бизнеса), быстро осваивает технические новинки и с удовольствием ими пользуется, быстро приспосабливается к использованию своих уникальных должностных возможностей для извлечения максимальной личной выгоды. Они легко могут нажать кнопку дистанционного взрывателя радиоуправляемой мины, пуска боевой ракеты – реакция отработана на компьютерных играх ещё в школе.

А незнание учений Плутарха, Аристотеля, Сенеки только облегчает задачу, освобождая психику от комплексов совестливых переживаний по поводу допустимости смертоубийств, погубления душ и подобного вздора, навеваемого мыслителями, философами, поэтами, чрезмерным погружением в литературу и иные глубины человеческой гуманистической культуры.

Для идентификации врагов отечества, порядка достаточно различать цвета кожи, улавливать иноземную речь, реагировать враждебно на чужеродные обычаи. Правда, такое унифицированное для нужд современности образование не акцентируется на мелочах, вроде формирования умений жить в гармонии с природой во всём её многообразии, потребляя её ресурсы, стремиться их восстанавливать. Или изучать чужие нравы и обычаи для уважительного к ним отношения. Не говоря уж о развитии predispositions к реальному милосердию, состраданию.

В итоге, каждое новое поколение, приходящее в спецслужбы, становится всё более прагматичным, технократическим, своекорыстным, карьерным. Мало озабоченным проблемами нравственности, морали, религиозного смысла жизни, идеями служения нации, Отечеству. Что в целом только улучшает тактико-технические характеристики спецслужб, как инструмента «коррекции» поведения, как отдельных особей, так и целых групп, социумов, как системы поиска и добычи разнообразной секретной информации, как средства вмешательства в нежелательные для разведсообщества и политических руководителей процессы внутри страны и за рубежом.

Унификация мировоззрений сотрудников спецслужб на основе их примитивизации, запредельного упрощения, снимает множество острых проблем работы с личным составом спецслужб. Уровень работы кадров с «унифицированным» технократическим мировоззрением, пригодным для осуществления только простых знакомых логических, целесообразных действий, обусловленных «программой» – служебными функциями, можно проследить уже сейчас на примере работы полицейских какого-либо небольшого африканского государства. Где людей в полицию набирают по преимуществу в том племени, родом из которого сам её начальник.

Элементы «служебной культуры» грядущих техногенных социумов с «подобающим» образованием и воспитанием можно увидеть также в ряде голливудских боевиков на эту тему, когда нехватку сотрудников правоохранительных органов восполняют роботами – андроидами, вполне успешно (а то и гораздо лучше) справляющимися со своими служебными обязанностями.

Элементы «роботизации», именуемые в просторечии «профессиональной деформацией личности», у сотрудников спецслужб просматривается сейчас всё отчётливей практически у

каждого новичка из постоянного идущего пополнения. Прежде всего, в том, что касается исполнения ими обычных – «вечных» – социальных функций: отцовства, материнства, дружеской взаимопомощи, исполнение которых, для новой генерации сотрудников, превращается из основных во что-то весьма второстепенное, малозначащее на фоне благополучной, успешной карьеры.

Со временем этот процесс, по всей вероятности, будет только усиливаться, подстёгиваемый возрастающим корпоративным самомнением об особой значимости своего профессионального ремесла. Вряд ли подобные изменения в психотипе сотрудников спецслужб уже ближайшего грядущего будут особо травмировать их современников – те сами в своём роде будут подвергаться мощнейшей трансформации императивами всё более мощной и вездесущей в человеческой жизнедеятельности техносферы.

Прообразом чему уже сейчас могут служить всё более разрастающиеся числом «компьютерные мальчишки», для которых виртуальная реальность почти полностью заменяет живую социальную действительность, где они практически беспомощны и не способны самостоятельно выжить. Но оставим гипотетические будущие проблемы для социальных технологов будущей цивилизации.

Вернёмся к некоторым другим «переменным составляющим» в деятельности нынешних спецслужб. В частности, связанными с признанием элитами того простого факта, что наркотики пригодны быть одним из эффективных средств ограничения и даже существенного снижения численности народонаселения в «развитых странах».

Это, а также чрезвычайно высокая прибыльность этого сегмента криминального рынка, подвигли спецслужбы практически всех стран мира всё активнее включаться в оптовый наркотрафик (под предлогом борьбы с ним, естественно).

Очевидная высокая прибыльность личного участия сотрудников и руководителей спецслужб в наркотрафиках будет, естественно, в сильнейшей степени способствовать стремительному упрочению коммерциализации, как неотторжимой составляющей их служебного сознания. Что, наряду с вытеснением за пределы рабочих мотиваций личного состава таких побудительных мотивов, как интересы государства, общества, равно, как и совестливости, приведут к существенному снижению и без того не слишком высокой эффективности работы спецслужб.

Одновременно усиливая их противостояния и противоборства с полицией и другими правоохранительными органами, занятыми оргпреступностью в сферах контрабанды, финансовых, банковских мошенничеств, коррупции.

При этом, вполне вероятны такие перемены для снижения издержек от столкновений мощных ведомств, как, например, создание единых органов наподобие НКВД СССР, где милицейские структуры были подконтрольны сотрудникам органов госбезопасности. Тогда бы спецслужбы могли чётко и жёстко ограничивать зоны вторжения сотрудников полиции, наглухо закрывая, делая неприкосновенными фигуры политические, банковские, значимые криминальные.

О чём элиты могут пока только мечтать, даже в «тоталитарных» странах. Если спецслужбы будут подвигнуты обстоятельствами на путь таких трансформаций, то уже в обозримом будущем это вызовет не только ещё более их нерасторжимое сращивание с «генералитетом» организованной преступности по всему миру, но и вытеснению криминала из наиболее выгодных сфер его преступной деятельности и участия в них уже самих спецслужб.

Судя по всему, этот процесс в мире уже идёт, в некоторых странах «третьего мира» весьма успешно, в России, в частности, едва ли уже не завершён – с блеском и окончательно.

Апофеозом «эпохи» перерождения российских спецслужб стало признание сего факта интеллектуальным сообществом нации, нашедшим воплощение в создании фильма «Гражданин начальник-3», показанному по телеканалу «Россия» в феврале 2007 года. Содержанием которого стала непривычная до невероятности фабула, в основу которой легло множество реальных событий социальной жизни современной России:

«Около полуночи 6 февраля полным провалом закончилось расследование, которое могло бы стать самым громким уголовным делом последнего времени. Но не стало. В итоге лишь те, кто поддерживал следствие, оказались в опале: первый вице-премьер правительства России переведён на дипломатическую работу, а начальник КРУ ФСБ – на хозяйственную.

Подозреваемые же – замдиректора ФСБ, прокурор одного из субъектов Федерации и этого же субъекта начальник У ФСБ, несколько высокопоставленных и множество обычных офицеров ФСБ, МВД, УФСИН, следователи прокуратуры, криминалисты и судьи, профессиональные киллеры и криминальные авторитеты – от уголовной ответственности уклонились.

На счету этой преступной группы, работавшей в Москве, Республике Башкирия и целом ряде других областей – несколько десятков убийств, в том числе и удачное покушение на одного из российских губернаторов, похищения и пытки, захват промышленных предприятий, взятки, подкуп судей, незаконные аресты и неправосудные приговоры, шантаж, доведение до самоубийства и фальсификация уголовных дел.

И никто не сел. Как и за издевательства над несовершеннолетними злоумышленниками (им напильником стачивали зубы, а потом зверски убили), за незаконный арест и попытку убийства заместителя начальника следственного управления Генпрокуратуры, за сожжённых заживо сотрудников милиции.

Стоит заметить, что все эти преступления совершили офицеры ФСБ и МВД, причём, главные киллеры – люди с документами сотрудников башкирской прокуратуры.

В ходе расследования нашла подтверждение и информация о связи спецслужб со скинхедами. Так, стало известно, что замначальника ФСБ, после убийства губернатора, дал совет прокурору края: «Народ надо отвлечь: пусть у вас скинхеды кого-то замочат».

Причем, всё это – не новость. Весь народ об этом знает и даже президент. Новость в том, что это целую неделю показывали по телевизору. По государственному каналу. Сразу после программы «Вести»⁴⁴.

Слов нет, традиционный кинематографический закон жанра доводит концентрацию жизненных событий до чрезмерных уровней. Но массовые зрители это хорошо знают и в состоянии мировоззренчески самостоятельно изготавливать для себя информационные «коктейли» приемлемой консистенции из кинематографического действия и реальной действительности. А потому в подавляющем большинстве обоснованно приняли кинофильм, как волне реалистичный.

В названном фильме, пусть и в гротескной форме, но верно и достаточно корректно, адекватно действительности отражена ситуация в стране, когда спецслужбы, обретя бесспорное доминирование над всеми иными правоохранительными структурами и другими институтами государства, навязали им и свою технологию работы по «подбору, расстановке и воспитанию кадров», в основе которой лежит преимущественно принцип принуждения к сотрудничеству либо путём шантажа компроматом, либо соблазнения хорошими перспективами карьерного роста для тех, кто объективными данными для этого практически не располагает.

То есть речь идёт как раз о ситуации в государственной кадровой политике, основанной теперь на отрицательной социальной селекции, практикуемой спецслужбами в своей служебной деятельности. Но то, что даёт неплохие в целом результаты в специфической деятельности органов госбезопасности, оборачивается упадком качества государственного управления до критических уровней, будучи применено к государственной кадровой политике в целом. Что зримо присутствует в функционировании нынешней российской государственной машины.

Вот пример того, как это воспринимается рядом российских публицистов:

⁴⁴ Сергей Михалыч «Прям в тайм». «Новая газета». 12.02.2007 г.

«Но именно «метод отрицательного отбора» отсеивает думающих и возвышает исполнителей. Вот вам и объяснение «эффекта Зурабовых, Грызловых и Мироновых». Все назначения при методе отрицательного отбора становятся чисто техническими! Никаких выборов губернаторов и президентов не нужно. Бац – и чисто техническое назначение губернатора Матвиенко. Бац – и чисто техническое переназначение Совета директоров Центробанка».⁴⁵

Слов нет, нынешнее преобладание спецслужб в системе российских государственных органов далековато от того, которым обладало в своё время НКВД: среди тогдашних правоохранителей и иных должностных лиц практически отсутствовали особи, точка зрения которых на следственные оценки расходилась бы с официально изложенным мнением следователей НКВД.

Хотя формально «Особое совещание» – так называемую «тройку» – возглавлял партийный руководитель, вторым лицом считался прокурор региона, но случались «смешные» ситуации, когда то тот, то другой подписывали подготовленные сотрудниками НКВД пачки приговоров, где фигурировали и их собственные фамилии. И на «законных» основаниях тоже неумолимо попадали на конвейер смерти.

Но такие крайне благоприятные для спецслужб ситуации в истории приключаются нечасто, а заканчиваются для многих их сотрудников и руководителей весьма плачевно. Но ещё большие издержки несёт государство, чья правоохранительная система безобразно деформируется и нуждается потом в длительном дорогостоящем «капитальном ремонте». И мучительной смене кадров – почти всех.

11. Не верь, не бойся, не проси

Большинство людей относится к факту существования и специфической «жизнедеятельности» спецслужб, как к чему-то вполне естественному, существующему неустранимо, как, например, осенняя или весенняя распутица, промозглая погода межсезоний, эпидемии гриппа и т. п. Что надлежит терпеливо сносить, предпринимая меры, чтобы уберечься от возможных ущербов для здоровья.

Если климат становится губителен, некоторые люди (или многие) меняют место жительства. И почти никто не помышляет о том, чтобы переменой направлений рек, осушением болот или озёр поменять местный климат. Вековой порядок в социумах афористично и точно описал известный русский поэт:

Работаешь один
А как работа кончена
Глядишь – стоят три дольщика
Бог, царь и господин.

Упомянутые «дольщики» представлены своими «уполномоченными»: клиром, полицией, спецслужбами, чиновниками. Так что, у населения любых социумов сформировались наличием такого «присутствия» уже настоящие безусловные рефлексy: слушаться, уступать дорогу, кланяться в пояс и т. п.

Но далеко, правда, не у всех – нет этого почтения у бывалых зэков, фронтовиков, которым терять нечего, у членов оргпреступных сообществ, бывших сотрудников правоохранительных органов и ряда других. Совершенно не боятся, к примеру, спецслужб масоны высоких уровней посвящения, как одной из основных составляющих истеблишмента любого общества, способного сделать укорот и правоохранителям, и уж тем более, спецслужбам, чьи многие начальники – всего лишь «равные среди равных» в масонской

⁴⁵ Николай Андрущенко «Технический президент». «Новый Петербург». 15.02.2007 г.

среде.

Достаточно защищён от домогательств спецслужб клир любой официальной концессии – добровольное негласное сотрудничество отдельных священников со спецслужбами является их личным выбором, как правило, из соображений обретения каких-либо карьерных преимуществ. Даже карательная практика НКВД в отношении православных церковников определялась не произволом спецслужб, а вполне чётко сформулированной политикой власти того периода.

Естественно, не только не опасаются, но и заинтересованы в тесной дружбе (на возмездной основе) с руководителями спецслужб политики, бизнесмены, финансисты, банкиры, лидеры оргпреступности. Взаимозависимость в карьерах, в обретениях для обеих сторон, участвующих в «таком» бизнесе на деловой дружбе – практически равная. Так что, ни бояться особо, ни уважать друг друга у сторон нет никаких оснований. Кроме вполне здорового опасения, что «друг» может при случае и облапошить при чрезмерной доверчивости. Но и в этой среде те, кто хуже или медленнее соображает – еда для более шустрых. И никаких обид, всё естественно, на равных.

Но есть некая постоянная социальная общность, для которой нет никаких надежд остаться вне поля зрения спецслужб, их жёсткого прессинга, вне зоны манипулирования с их стороны. Речь, как уже упоминалось ранее, идёт, прежде всего, о творческой интеллигенции, студенчестве, в определённой мере – и о части научной интеллигенции, как источниках вечной смуты (если не досмотреть вовремя) во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Весьма непростой процесс «взаимодействия» спецслужб с вечным племенем, норовящим учинить какой-нибудь неурядицу, отнюдь не сводится только к одной схеме: «Тащить и не пущать!». Многие спецслужбы способны к серьёзной аналитике и прогнозированию, а потому иногда вынуждены и сами инициировать действия тех или иных «диссидентов», оказывать им разнообразную помощь. На манер того, как это делало в своё время 3-е охранное отделение и Департамент полиции императорской России в отношении инициатив попа Гапона.⁴⁶ Подобное во множестве иных вариантов не в диковинку и для современных спецслужб практически всех ведущих стран мира.

Естественно, сотрудников спецслужб для различных спецопераций такого или подобного характера весьма обстоятельно и достаточно тщательно готовят, «доводят до кондиции» их профессиональное мастерство годами практической работы. Потому не лишне и другой стороне заранее озаботиться обретением некоторых представлений о характере грядущих «соприкосновений». От которых уклониться возможности нет никакой – инициатива исходит почти всегда от спецслужб.

Ресурсов же, даже отдалённо сопоставимых с теми, что обладают политики, банкиры, вельможи – у этой категории и в помине нет и не предвидится ни при каких обстоятельствах. Но, как известно, даже в заповедниках для ядовитых змей люди приспособляются вполне сносно жить, зная и соблюдая набор непреложных правил безопасного поведения.

И даже извлекать изрядную выгоду из специфики своих жизненных условий: только из Индии, к примеру, в европейские рестораны ежегодно импортируют около 2 тысяч тонн мяса гадюк, не говоря уж о бесценном сырье для фармацевтики – змеином яде. Кроме того, существуют возможности поставок пресмыкающихся в зоопарки, на продажу в качестве домашних достопримечательностей любителям экстравагантностей, для устроителей зрелищ и т. п. Так что, ежели с умом подходить, то и наличие довольно агрессивных, малопривлекательных во всех отношениях спецслужб можно обернуть себе на пользу. Или хотя бы не во вред.

К числу некоторых правил техники личной безопасности в присутствии (в том числе опосредованном в лице агентуры, добровольных доносителей, завистников, конкурентов и

⁴⁶ Более подробно и правдоподобно о роли попа Гапона написано в статье А.П. Столешникова «Максим Горький – Иегудил Хламида». – Д. Б.

т. п.) недружественного внимания спецслужб целесообразно упомянуть, прежде всего, умение прочно держать свой вольнолюбивый язык за зубами. Помня, что эта роскошь безнаказанно позволительна только детям вельмож, генералов спецслужб, высшей финансовой элиты и некоторых равных им по статусу социальных групп.

Здесь, правда, тоже надо уметь блюсти меру: гробовое молчание в среде разговорчивых или вовсе болтливых сокурсников (иные могут быть и специально подученными провокаторами) может вызвать не менее сильное подозрение, нежели необдуманная болтовня. По поводу же высказанной неуместной и бессмысленной (дела-то всё равно никакого нет) критики существующих порядков или сущих вождей каким-то сомнительным субъектом в разношерстной компании, всегда можно резонно возразить – разумно и убедительно – многое.

К примеру, что тотальное предварительное сомнение граждан в благонамеренности или добросовестности врачей, машинистов электричек, пилотов самолётов, диспетчеров АЭС и других важнейших для жизни людей профессий не только не снижает потенциальных опасностей, но порождает реальную возможность некой профилактики упущений в работе сих профессий. Или что-то подобное тому.

И уж, во всяком случае, не следует впадать в панику, устраивать истерики, вести себя подобно герою известного в советское время анекдота:

«В приёмной местного УКГБ раздаётся телефонный звонок. Голос в трубке осведомляется, попал ли он в комитет госбезопасности. Получив утвердительный ответ, делает официальное заявление: «На случай, если в органы госбезопасности прилетит мой попугай, исчезнувший из клетки, прошу учесть, что у нас с ним прямо противоположные политические взгляды!»».

Не следует, конечно, даже в целях своей безопасности холуйски славословить в честь вождей режима и насаждаемых ими порядков – легко потерять уважение окружающих, а с этим и свою самоидентификацию, как достойного человека. Что бывает для собственной судьбы ещё более опасным и разрушительным, чем гонения и репрессии политического сыска.

А чтобы не особенно раздражаться и душевно мучиться, что оказался в роли обитателя вольера в зоопарке, живущего под взглядами посетителей или исследователей, полезно напоминать себе, что все люди находятся под всевидящим оком судьбы, о чём давно предупреждены. Что есть и более присмотренные с многих сторон, вроде действующих политиков, влиятельных финансистов, бизнесменов, на кого не только во многих спецслужбах, в том числе и в зарубежных, есть объёмистые, постоянно пополняемые досье, но и нечто подобное в службах безопасности многих корпораций, банков, масонских структур.

Существует и множество желающих иметь поводы «познакомится поближе» с влиятельной особой или для выгоды, или для минимизации ущербов, а то и вовсе для ликвидации, как единственного пути остановить его убыточную кому-то деятельность. И ничего, несмотря на все эти «присмотры» и «пригляды», живут все эти вельможи и благоденствуют, да ещё успевают при жизни организовать описание своих «геройств» (за исключением, разумеется, блуда, воровства, казнокрадства и отступничества), запечатлеть себя красиво в портретах, изваяниях и т. п.

Так что, тем более людям менее заметным не следует излишне нервничать, страдать, пугаться из-за такой мелочи, что кто-то пытается вас подслушивать, подсматривать за вами. Уж тем более нельзя опечаливаться тем фактом, что многие из сослуживцев, соратников, друзей или знакомых с удовольствием, втихую «закладывают» вас начальникам, спецслужбам – по зависти ли, по обиде ли, из соображений ли карьеры.

По крайней мере, этим огорчаться не следует больше, чем загазованностью городской атмосферы.

Тем более, что постоянная оглядка на возможное присутствие спецслужб или их

согласно, имеет следствием с одной стороны, необоснованное ничем непомерное увеличение мифических возможностей спецслужб, с другой – начинают мерещиться их козни повсюду, от чего рукой подать до психических расстройств, полностью искажающих реальную картину мира, порождающих неадекватное восприятие жизни. С третьей, – пустую растрату жизненных ресурсов (включая время своей жизни) на борьбу с информационными фантомными «ужасами», изготовленными собственным не вполне здоровым воображением.

Не следует всеми силами уклоняться от контактов, инициируемых самими сотрудниками спецслужб («особистами», штатными работниками служб безопасности), по той простой причине, что личные пояснения, поддающиеся проверкам, намного объективнее той ерунды, тех домыслов, которые неизбежно присутствуют в разнообразных доносах «доброжелателей».

Даже при наличии весьма существенных различий в политических взглядах «диссидентов» с официальными догмами, в вопросах защиты национальных интересов, по другим принципиальным вопросам, как правило, особых расхождений у них с воззрениями сотрудников органов безопасности может и не быть вовсе.

Не следует упускать из виду одну важную особенность в работе сотрудников спецслужб: им позарез иногда надо «выявлять» и обезвреживать очень опасных «врагов» Отечества. И для обоснования и в доказательство своего высокого профессионализма перед начальством. И в доказательство чрезвычайной полезности и спасительности для режима деятельности самих спецслужб в глазах властвующих политиков.

В отсутствие реально опасных «супостатов» спецслужбы довольно привычно и профессионально практикуют их «изготовление», окошмаривая действия или помыслы вполне реальных, хоть и достаточно безобидных оппонентов режима. Чему очень помогает стремление подозреваемого в злобных умыслах конспирировать, таиться, замалчивать свои действия: по вековой версии любых карающих органов – от следователей святой инквизиции до нынешних полицейских – убегающий, прячущийся человек всегда особо подозрителен и подлежит серьёзным проверкам, включая иногда и допросы «с пристрастием».

Не дать спецслужбам своекорыстно изготовить из вас фантастического врага для державы во славу доблестных и бдящих органов госбезопасности, кроме названной выше «доступности» для контактов сотрудников спецслужб, весьма полезно ещё и участие в работе вполне легальных оппозиционных партий, движений, выступления, публикации в СМИ.

Конечно, это не снимет всех подозрений, но позволит изменить квалификацию вашей персоны с категориями «опасного врага» на более нейтральную – «неблагонадёжен». Что грозит, возможно, лишь задержками в карьерном продвижении, в получении наград, поощрений, блокирует размещение портрета на «Доске почёта» или чего-то в этом роде. Но остановит, возможно, продвижение процесса к тому, что появится ваша фотография на стендах под популярным брендом «Их разыскивает милиция».

Даже в самих спецслужбах опытные разведчики (шпионы, то есть) рекомендуют своим молодым соратникам не демонстрировать без нужды коллегам, из наружного наблюдения контрразведки страны пребывания своё мастерство в способности «отрываться от хвоста»: неуважительное, дерзкое поведение к коллегам, занятым рутинной работой, почти обязательно обернётся их усилиями в какие-либо крупные неприятности. По простой причине – разведчики уязвимы для контрразведок в не меньшей степени, чем черепахи перед охотниками за деликатесами.

Ну, а подвизаясь на поприще критики политического режима и его лидеров, нелишне не упускать из виду традиционную «технология», по которой развиваются почти все бытовые конфликты, когда за брань, словесное оскорбление можно не только быть изрядно избитым, но даже основательно изуродованным, получить ножевые ранения.

Думать, что «водители» и «вождята» режима менее обидчивы и охочи «набить морду лица» критику – впадать в недопустимое заблуждение. Из которого обязательно выведут –

возможности и ресурсы у политиков всегда весьма впечатляющи, намного превосходят возможности даже чемпионов мира по боксу или карате. Лучше всего для этой функции пригодны как раз спецслужбы.

Это вовсе не означает, что от критики и поношений политиков надлежит отказаться или уехать для этого в Лондон, Париж или Пекин под крылышко тамошних спецслужб. Достаточно не утрачивать чувства меры, держаться некоторого такта.

Если вы, к примеру, будете утверждать в своих выступлениях или публикациях, что нынешний глава правительства, государства в бытность студентом занимался онанизмом, – подпишите себе смертный приговор. И поделом: поносный язык враг собственной шее был во все времена. Даже если такое утверждение правдиво, оно не умаляет ни в чём вельможу, как государственного деятеля, но избличает «разоблачителя», как мелкого пакостника, пытающегося стать очень крупным.

Но если указать правителям на их управленческую немощь и мировоззренческую несостоятельность, сославшись при этом на учение Франца Голье, Гоббса или иную классическую именитость, то даже самая жестокая, беспощадная и вполне обоснованная критика (единственно полезная) на фоне исторических, эпохальных имён будет воспринята самими критикуемыми даже с некоторой гордостью.

Несмотря на то, что, за редким исключением, политики не знают сути, смысла учений, к которым апеллируют их критики (помощники, конечно, кратенько им сообщат общий смысл), они вполне обоснованно увидят здесь прежде всего признание самих себя в качестве фигур исторического масштаба, а потому не только не будут преследовать критикующего, но ещё исподволь поспешествуют распространению его публикаций. И делу от этого больше пользы: люди знающие получают в своё распоряжение изложенные автором критики разумные аргументы и те хоть в какой-то мере будут работать на пользу общества – как и хотелось и мыслилось их «создателю».

Приёмы же критики, связанные с чьими-либо личностными ущербами, о которых упоминалось выше, хороши только в тех случаях, когда возникла настоятельная необходимость привести какую-то сильную особь в крайнюю ярость – до полного безрассудства. Чтоб легче в таком состоянии его было нокаутировать кому-то из его давних, хорошо экипированных, подготовленных и равных по «весовой категории» врагов.

Критику же в такой ситуации отводится только роль крыловской Моськи в качестве провокатора. Вполне по ситуации, воспроизводимой анекдотом, когда в ночном переулке к прилично одетому прохожему подходит небольшой пацан и предлагает отдать ему пиджак. Когда же возмущённый гражданин пытается дать маленькому наглецу пинок под зад, из-за угла вываливаются два громалы и «просят» его: «Не обижай ребенка, отдай ему пиджак!».

Но личных рисков в таких ситуациях критик-провокатор не несёт, так как является только составляющей какой-либо боеспособной, целеустремлённой на добычу коды, а потому вполне защищён её сплочённой впечатляющей силой. Даже если целые спецслужбы будут стараться его «достать». Как это и происходит, когда кого-то из видных политиков «дразнят» масоны, оппоненты из мощных политических партий, представляющих крупный капитал и т. п.

Весьма полезно также для собственного здоровья и безопасности, занимаясь критикой политического режима, своё стремление подточить опоры «антинародного режима» не переносить на сокрушение опор государства и общества в целом. По известному афоризму нашего именитого соотечественника – философа Зиновьева: «Целились в КПСС – попали опять в Россию».

По простой и понятной причине – в спецслужбах также попадают люди думающие и настроенные патриотично. И если таковые критикующие только политика могут «прессовать» вполне формально и снисходительно, щадяще, то врага Отечества вполне могут и покалечить, причём основательно. И винить в том надлежит пострадавшим прежде всего себя, а не «проклятый царизм»: со слабой головёнкой дразнить сильных и злобных зверей или ворошить осиные гнёзда – всегда себе в убыток.

Неприятие большей части карательных функций спецслужб отнюдь не исключает необходимости и целесообразности сотрудничать с ними по отдельным вопросам. К примеру, если человек стал невольным свидетелем криминального политического убийства, запомнил, опознал некоторых его исполнителей, запомнил номера и марки их автомобилей и что-то ещё существенное, гражданский и человеческий долг повелевают помочь раскрытию преступления и привлечению к уголовной или иной ответственности его заказчиков и организаторов.

Но даже в такой вполне очевидной, понятной ситуации на контакт со спецслужбами надо идти с соблюдением ряда вполне обоснованных предосторожностей. Исходя хотя бы из того опасения, что не факт, что сотрудники самой спецслужбы не имеют к событию какого-то отношения. Бude таковое имело место – судьба самого этого уже опасного свидетеля становится незавидной.

Раз «бережённого – Бог бережёт», то лучше всего по крайней мере, предварительно посоветоваться с кем-либо из близких родственников, служащих в органах госбезопасности. Которые одни только могут более-менее безопасно для свидетеля из собственной родни передать информацию так, чтобы и на всех последующих стадиях после следствия, жизни источника информации угрозы не возникло, или она была бы не чрезмерной. Если многоопытный специалист посоветует не лезть в это дело и забыть всё, что видел, пренебрегать таким предложением категорически не рекомендуется.

При отсутствии возможности посоветоваться с проверенным давним другом, действовать надлежит иначе. Информацию лучше изложить письменно, не прибегая к помощи домашних технических устройств, и отправить спецслужбам в несколько адресов. Ни в коем случае не опускать письма в почтовые ящики, где могут быть установлены камеры наблюдения, не оставлять на конвертах и на вложениях своих отпечатков пальцев. И уж, тем более, в последующее после отправки корреспонденции время не проявлять абсолютно никакой заинтересованности – никаким способами, ни в каких местах – о характере реакции «адресатов» на отправление.

Не следует каким-то образом реагировать на «случайные» разговоры по теме: в спецслужбах работают и умелые, и умные люди, способные достаточно точно очертить довольно узкий круг «подозреваемых» в отправлении информации и организовать вполне грамотное «тестирование» людей из «списка». В набор же адресатов для рассылки целесообразно включить районное, городское подразделение органов госбезопасности, добавить сюда и их центральное ведомство. Только в «центр» лучше отсылать документ не из своего города – местные «особисты» стараются этот канал контролировать, чтоб было меньше для них неприятных неожиданностей.

Самый оптимальный способ поддержания нормальных отношений с доброкачественными сотрудниками спецслужб – дружить с кем-либо из давних школьных, студенческих приятелей, избравших себе такую жизненную стезю. Или с их проверенными и надёжными друзьями по ремеслу. Не позволяя при этом передавать себя в качестве «друга» по наследству каким-то новым сотрудникам – сразу происходит переход в новое, худшее качество.

Ещё лучше, если при длительных дружеских отношениях не будет обращений за помощью спецслужб, а дело ограничится совместными баньками, рыбалками, семейными торжествами. При душевной расположенности к специфической деятельности органов госбезопасности, не следует чураться возможностей поступить к ним на службу: если это ремесло оставить только для людей с задатками недостойных, малодуховных, нравственно нещепетильных, то любое общество об этом в определённый срок горько пожалеет, хлебнув полной мерой лиха от своих неукротимых «бойцов невидимого фронта», которых не держит ни нравственная, ни духовная узда.

Умные, нравственно состоятельные люди в спецслужбах, даже находясь в меньшинстве и не состоя во внутрикорпоративных карьерных кодлах, тем не менее, уже только фактом своего наличия производят серьёзнейшие торможение на пути «соскальзывания» спецслужб

к преимущественному решению своекорыстных внутрикорпоративных целей.

Кроме того, такие сотрудники, будучи привержены служебной дисциплине и установкам официальной служебной этики, практикой своей деятельности удерживают и других в неких пределах отклонений, не позволяя спецслужбам быстрыми темпами превратиться в аналог наиболее опасной разновидности организованной преступности.

Исполнение функций нравственного стандарта не даётся даром – служебная карьера достойных людей в спецслужбах, как правило, затруднена до крайности, почти всегда сопровождается нелюбовью, подозрительностью и опасениями начальников, более строгими взысканиями даже за менее серьёзные служебные упущения.

Что, к тому же, сопровождается ещё и недоброжелательными отношениями более ловких, удачливых и любимых начальниками сослуживцев. Всё перечисленное – дополнительно к традиционным наборам служебных проблем, неизбежно возникающих в любой оперативной деятельности. Конечно, знай такие люди, что их ждёт на служебном пути – вряд ли кто из них сделал бы выбор в пользу спецслужб. В точном соответствии с предположениями великого поэта ранних веков:

Страданий горы Небо громоздит.
Едва один рожден – другой убит.
И неродившийся бы не родился,
Когда бы знал, что здесь ему грозит.

Но, слава Богу, человеку в ранние годы не дано полистать книгу своей судьбы. А немножко хитроумные и лукавые вожди спецслужб регулярно инициируют создание весьма зрелищных киносериалов о «рыцарях без страха и упрёка», спасающих нации, страны, цивилизацию от разнообразных вражин.

И тощий поток романтических юношей, готовых жертвенно служить Отечеству, в спецслужбы тонкой струйкой все-таки течёт непрерывно. Являясь той животворной пуповиной, которая хоть кое-как сохраняет связь корпораций, занятых обеспечением госбезопасности, с нравственно-духовной культурой общества, не давая корпоративным интересам переродить спецслужбы в нечто марсианское, противостоящее человеческой цивилизации. Слабоватое утешение, конечно, надежда больше иллюзорна, но хоть такая есть, слава Богу.

Тем, кто идёт на сотрудничество со спецслужбами, либо на службу в них с надеждой получить за свои впечатляющие поступки во славу и во благо Отечества впечатляющие же вознаграждения, награды, следует знать, что ничего этого скорее всего не будет. По целому ряду причин:

а) Официальные фонды для поощрений у спецслужб, за редким исключением (ЦРУ, Моссад, МИ-6), невелики и по бедности стран, и по вполне обоснованной подозрительности, что их изрядно растаскивают по пути к карманам оперативников «продуктивной» агентуры.

б) Подразумевается, что вознаграждать впечатляющими премиями сотрудников даже за впечатляющие результаты в работе – провоцировать зависть. А потому, лучше всего поощрять знаками корпоративных отличий, памятными символическими подарками, объявлением благодарности в приказах с записями в личном деле сотрудника. Получается зрелищно – и почти бесплатно.

в) Большинство руководителей спецслужб в глубине души твёрдо уверены, что любые значимые результаты есть следствие, прежде всего, их личных заслуг, подчинённые же, агенты лишь более-менее удачно исполнили их мудрые, зрелые замыслы и руководящие указания. Что главное условие любых служебных успехов – наличие жизнеспособной спецслужбы, как таковой. А это – исключительная заслуга только командования, генералитета.

Что не так уж и далеко от истины – держать в рабочем состоянии инфраструктуру корпорации национального масштаба, вне зависимости от её ориентации (и продуктивности)

на защиту нации или только её «элит», дело весьма непростое само по себе, ничуть не более лёгкое, нежели управление национальной сетью железных дорог, систем электро- и газоснабжения страны, глобальной банковской сетью. Требующее соответствующей квалификации, организаторских способностей, интеллекта.

Но требующее и достаточно плотного присмотра за особо успешными генералами спецслужб – для профилактики состояний «головокружения от успехов», от которого рукой подать до самых честолубивых и масштабных замыслов, для реализации которых иногда организуются заговоры с несанкционированным использованием нешуточных возможностей спецслужб руками руководителей – «путчистов».

Но каков бы ни был личный организационный, профессиональный вклад руководителей спецслужб основных структурных подразделений в жизнеобеспечение своих корпораций, он никогда не стоит той компенсации, которую реально получают высокие генералы в виде личных самолётов, яхт, загородных резиденций немалым числом и т. п. В сравнении с совокупной стоимостью которых, сами должностные оклады высших должностных лиц выглядят больше, как мелочь на карманные расходы.

В иных спецслужбах, подобно ряду ТНК, на содержание собственного генералитета на «подобающем» уровне расходуется до 50 % средств, выделяемых на весь управленческий персонал. Часто – не по какому-нибудь праву, а потому только, что «своя рука – владыка».

Когда же есть такое желание – ведомственные угодники и холуи (с большой выгодой для себя) сумеют реализовать чаяния отца-руководителя так, что ни одна проверяющая инстанция особо придираться не сможет. Да, в общем-то, все эти «инстанции» особо придираться и не собираются – должны же быть хоть какие-то серьёзные мотивы у генералов, находящихся на завершающем этапе своей карьеры, служить Отечеству, не думая всерьёз об иных источниках личного благоденствия.

Тем более, что история спецслужб знает достаточно примеров, когда некогда вполне благонамеренные и весьма продуктивные руководители спецслужб, поздно спохватившиеся на предмет приличного обеспечения своей старости, успевали впечатляюще «конвертировать» свои специфические возможности и особую информированность в немалые суммы в ведущих мировых валютах. Нередко с большим ущербом для своей родной корпорации.

Чего реально стоят всевозможные генералы, не знает никто, как и все иные должностные лица, всегда недовольные своим официальным денежным «довольствием». Сколько же надо позволять генералам спецслужб самостоятельно «подрабатывать» для сохранения их лояльности режиму – исчислению тоже никакому не поддаётся. Ибо человеческая жадность, алчность – бездонны, неутолимы ничем. Примером тому – истории всех известных богатейших людей мира, чьи аппетиты и усилия к обогащению ограничивает только смерть (естественная или кем-то инициированная).

Особенно опасны становятся генералы спецслужб незадолго перед вынужденным (есть возрастные ограничения в положениях о прохождении службы) выходом на пенсию: нищенский, в сравнении с имеющимся доходом, размер пенсионного вынуждает, во имя сохранения привычного уже уровня благоденствия, искать самые рискованные варианты впечатляюще заработать.

Выбор среди очевидных реальных способов получения значимого приработка невелик: от сдачи служебных секретов противнику, до кражи военного имущества, перепродажи боевой техники, вооружений. На председательство решаются единицы, на присвоение для перепродажи военной недвижимости – почти все. Оставшиеся «на посту» коллеги-сослуживцы стараются не поднимать по этому поводу шума, рассматривая такую практику, как неизбежную в скором времени для них самих.

В какой мере такая деятельность снижает коэффициент полезного действия спецслужб, никто никогда не брался измерять, предпочитая исследовать иные «параметры» их деятельности: количество удачных вербовок, проведённых спецопераций, провалов агентуры и прочие подобные, поддающиеся простому исчислению обретения и ущерба.

Да и опасно внедряться в такую сферу с экономическими расчётами – во имя с охранения любыми средствами политического режима и своего высокого статуса в нём, политики готовы пустить «в расход» большую часть подвластной нации. Так что, любые пустопорожние траты спецслужб при такой глобальной постановке целей – сущие пустяки, о которых никто из значимой публики всерьёз говорить никогда не будет. Нигде. А другим желающим никто не позволит это делать.

И получается, что озаботиться по-настоящему проблемами оптимизации деятельности одного из самых значительных институтов государства совершенно некому. Те, кто мог бы со знанием дела такую работу выполнить – генералитет спецслужб – заинтересованы совершенно в обратном: увеличивать материальное содержание корпорации, желательно при этом ещё и снизить нагрузки и риски, а также ответственность за ненадлежащее исполнение своих функций.

И получается стабильно воспроизводимая анекдотическая ситуация: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!». То есть, если «элиты» социума вконец оборзели, общество обречено. Если не успеет эти «элиты» уничтожить или рассеять по границам.

Спецслужбы в лице своего генералитета в таких процессах почти всегда на стороне властвующих, пока на тех не пойдут «широкие народные массы» – тогда начнётся «перетекание» части кадров органов госбезопасности на службу победившей контрэлите. Вместе, естественно, с агентурой, с накопленной информацией о «бывших», их связях, состояниях и т. п. И таким образом «перебежчики» успевают поучаствовать в самом разгаре компании потрошения прежних господ жизни под традиционным девизом всех революционных эпох: «Грабь награбленное!».

В целом же «друзьям» спецслужб не следует всерьёз рассчитывать на впечатляющие заработки с их помощью: даже если что и удастся – скорей всего те заберут себе, оставив «коллеге» богатый жизненный опыт. И вообще, профессия сотрудника спецслужб предполагает его доминирование в любых социальных ситуациях, раскладах и расстановке сил. А потому, рассчитывать выбраться куда-то на их горбу – дело безнадёжное, даже всегда рискованное: привыкший сам ездить и погонять, не позволит приспособить себя дилетантам для их перевозки. Профессионализма и опыта у всякого сотрудника спецслужбы для этого хватит с избытком. К тому же понуждает прочно усвоенная жёсткая внутренняя психологическая установка на манипулирование окружающими.

При полном отсутствии у человека всякого желания сотрудничать, взаимодействовать, даже эпизодически, со спецслужбами – ситуационно, либо по убеждениям – не следует это делать подчёркнуто, излишне категорично. Хотя бы для того, чтобы не вызвать озлобления у конкретных сотрудников и их руководителей, которое вполне может подвигнуть их к активным действиям возмездия.

Даже обиженные и оскорбленные животные стремятся отомстить. Установлено, что собака помнит обиду около получаса, кошка – больше суток. Слон обиду может таить бесконечно долго – пока не представится возможность сатисфакции (по-слоновьи, естественно). Спецслужбы помнят обиды ещё дольше слонов, так как многие другие события такого рода у них документируются, со временем – архивируются.

И если уж эти ведомства никак особо не озабочены обеспечением безопасности ряда малозначащих социальных групп вполне лояльных режиму, то уж о своих недругах они не только никогда не будут проявлять заботы, но даже никогда ничего не сделают, чтобы просто предупредить о ставшей известной им грозящей «нелюбимому» персонажу опасности. Или вовсе используют исподволь, как марионетку в какой-либо рискованной комбинации, похожей на выбор персонажа в качестве приманки в известной французской политической детективной комедии «Высокий блондин в жёлтом ботинке».

При возникновении ситуации, когда у сотрудников спецслужб появится необходимость задать вопросы, не следует не только откровенно посылать их подальше, грубить, как об этом сказано только что, но и пытаться обмануть, наврать. И вовсе не потому, что у них есть все возможности проверить и перепроверить измышленное. Но, прежде всего, потому, что у

спецслужбы появляется веский довод вцепиться в вас мёртвой хваткой надолго, с неизвестным, но, скорее всего, малоприятным исходом.

А потому, вести себя в беседах, диалогах нужно ровно, по возможности несуетливо, спокойно, не отрицая очевидного, подтверждённого другими – но не более того. Стремясь окоротить беседу, ограничив её тем, что на поверхности, в остальном действовать преимущественно по проверенной старыми зеками схеме: не знаю, не видел, не брал. Решительно, категорически (если есть такая возможность) отказываясь от испытаний на всех этих дебильных игрушках вроде «детекторов лжи».

И уж, тем более не следует стараться переубедить в чём-то сотрудников спецслужб сколь угодно «разумными доводами», «исторической правдой» и т. п.

Суть в том, что сколь угодно справедливая, убийственно правдивая критика, к примеру, действий вождя политического режима (даже наносящих очевидный вред национальным интересам) для сотрудников спецслужб, специализирующихся на выявлении и искоренении «скверны инакомыслия» – только свидетельство опасности носителя «исторической правды». Которое способно подвигнуть их к самым радикальным мерам воздействия. И только.

Некоторые из оперативников, что наиболее мировоззренчески подготовлены, такие эскапады объектов их внимания расценят лишь, как опасную для их карьеры провокацию. И тоже ужесточат свою позицию по отношению к наивному умнику, будь он хоть сто, тысячу раз кругом прав. Раз уж никак, ни в чём не совпадают служебные мотивации одних и социальные мотивации других, искать хоть какого-то понимания и сочувствия во взаимоотношениях со спецслужбой дело в высшей мере наивное. Если не сказать хуже.

Неплохо, если позволяет собственная «соображалка» и наличие некоторых способностей к лицедейству, копировать, применительно к ситуации, умения некоторых насекомых в целях самозащиты принимать вид сучка, сухого листочка, либо формой и цветом сливаться с морским дном.

С учётом того, что и для спецслужб существуют «несъедобные» особи, а то и целые социальные категории, психотипы (люди массовых рабочих профессий, склонные к злоупотреблению алкоголем, неспособные к адекватному восприятию действительности и поведению, юродивые на современный лад, неисправимые болтуны, патологические трусы и т. п.), то разумному образованному человеку не составит особого труда явить из себя своим образом действий и мыслей социальный портрет человека лёгкого, поверхностного, не отягощённого мыслями о переустройстве социума и мира на более справедливый манер.

К тому же, достаточно ленивого, чтобы не брать на себя труды создавать «группы сопротивления» любой разновидности, включая даже подобие футбольных фанатов. Неспособного заставить себя трудиться даже во имя своего карьерного продвижения.

Люди же без изрядного запаса честолюбия, неутолённого тщеславия, ярких склонностей к эпикурейству, стяжательству меньше всего интересуют и спецслужбы, и масонов, и организованную преступность – всех тех, кто собирает, структурирует и бросает в бой за свои цели в обмен на приличный паёк, кормёжку, «пехоту» из орд разнородных честолюбцев, корыстолюбцев, страждущих мирской известности, славы, имя которым от веку «тьма тем» – только успевай скликать.

Но умелая маскировка с использованием особенностей социальных ландшафтов – не единственный способ пассивного противоборства со спецслужбами. Речь, естественно, не идёт о перебежчиках, которые «борются» со спецслужбами своего государства, становясь в ряды спецслужб враждебной страны. Этому есть другое определение, совершенно точное – предательство.

Речь не идёт об особо открытом противоборстве со спецслужбами, в которое порой вступают наиболее отчаянные и мужественные журналисты с большим риском для жизни. Речь не идёт о противоборствах, которые нередко ведут парламентарии, высшие должностные лица иных государств – их достаточно надёжно защищают статус, партийные, клановые, масонские связи.

Да и их противоборства чаще всего проистекают не из стремления восстановить истину, изобличить ущерб, а только защитить клановые, групповые интересы, которым угрожают спецслужбы. И уж тем более, речь не идёт о масонах «высокого градуса», кто сам может активно влиять на кадровую политику в высшем эшелоне руководства спецслужб.

Недавно, к примеру, президент Польши Лех Качинский совершил нечто, чему в истории спецслужб аналогов, похоже, нет: на собственном сайте в Интернете, будучи твёрдо уверенным в своей безнаказанности, выставил громадный список соотечественников на государственной службе и вне её, являющихся доверенными лицами и агентами польской военной разведки.

Формальным поводом для такого беспрецедентного ошеломляющего шага, давшего повод для бывшего президента Польши Леха Валенсы обозвать его дураком, послужили якобы прочные связи руководства военной разведки с российскими спецслужбами. Что привело якобы к тому, что за последующие годы в стране не был разоблачён ни один русский шпион.

Истинная подоплека такого обескураживающего поступка главы государства вряд ли когда будет полностью раскрыта, но то, что эта «инициатива» была санкционирована руководителями разведсообщества США и является эпизодом противоборств спецслужб, не вызывает сомнений. Правда, во фрагменте телевыступления Качинского, показанного «Евровидением», тот высказал и вполне здравое суждение в том смысле, что спецслужбы являются необходимым инструментом государственной политики, но мир без них был бы лучше.

Этот удар главного политического лидера страны вызвал такой глубокий нокаут целой спецслужбы, в который их коллеги не впадали даже тогда, когда политики реконструировали, реформировали, вычищали весь высший эшелон руководства, что делалось без лишней огласки, без высвечивания главного достоинства любой спецслужбы – агентурного аппарата. Но даже в этом уникальном по-своему случае, когда братья Качинские (президент и премьер) повергли главную спецслужбу страны окончательно, вполне возможно, что позже они получат своё за это полной мерой.

Но некоторые возможности для вполне действенных противоборств со спецслужбами есть и у нормальных, обычных людей – без статуса, связей, без «дружественных» оргпреступных формирований. Для чего не следует обращаться даже в европейский Страсбургский суд по правам человека. Надо только верно определить точки приложения сил и выбрать пригодные средства воздействия.

Прежде всего, никогда не надо намереваться воевать со всей спецслужбой, а только с конкретными своими обидчиками в ней. Алгоритм целесообразных действий в этом случае незатейлив и прост:

1. Не проявляя своей личной заинтересованности к нужной персоне, исподволь, не спеша, в основном через людей близких к интересующему лицу, собрать как можно больше информации о его дружеских, интимных связях, пристрастиях, увлечениях, то же – по каждому члену семьи.

Что является вполне реальной задачей: американские социологи установили, что через 6–7 «звеньев» личных знакомств можно «добраться» до любого незнакомого человека в любом месте США. Прodelать то же самое в пределах города гораздо проще. При наличии некоторых финансовых возможностей, процесс можно резко ускорить и сделать более результативным, если, к примеру, подключить к прослушиванию телефонных переговоров близкой интимной связи сотрудника спецслужб какое-либо частное сыскное агентство.

2. Получив «ценную» информацию о неафишируемой и малоодобряемой неслужебно-бытовой деятельности своего оппонента из спецслужб, опять же без рекламирования своего участия, довести её до сведения руководителей, кадровиков соответствующего структурного подразделения. С учётом того, что практически нет никого ни в каких корпорациях, кто бы не имел среди сослуживцев и начальников серьёзных недоброжелателей, то редко когда такие приёмы не дают результатов. Если же ряд

пикантных подробностей довести до сведения супруги – последствия могут быть ещё более сокрушительными. Подобная технология может быть многовариантной.

Подобный подход вполне обоснован по очень важному соображению: нельзя оставлять сотрудников спецслужб в убеждении, что они по своему положению только охотники, а остальные – зайцы для них.

Побывав же в шкуре зайца, редко кто из «бойцов невидимого фронта» остаётся при своём прежнем спесивом и оскорбительном для других убеждении. Особенно «убедительно» и эффективно используют такой приём в противоборствах со спецслужбами их бывшие сотрудники, которыми подтёрли однажды нежное место и выкинули. Эта тема хорошо раскрыта кинематографом во многих странах.

Таким образом, все мыслимые многообразия сложнейших взаимоотношений, взаимодействий со спецслужбами, буде они возникнут у человека, вполне могут быть приведены к известной формуле «воров в законе»: «Не верь, не бойся, не проси!».

12. Литературное обозрение

По вполне понятному стечению жизненных обстоятельств авторы использовали для исследования и ссылок по преимуществу книги о спецслужбах, изданные ещё в бытность СССР. В большинстве из которых резко критикуются недопустимо жестокие, преступные методы работы западных спецслужб – главных противников в тайных войнах без правил.

Надо полагать, что в западных странах, по крайней мере, издано не меньше книг, где главными злодеями, сокрушающими людей и социальные институты, художественно убедительно вылеплены сотрудники советских спецслужб и их союзников.

А во множестве американских фильмов русские разведчики явлены ещё и полными дебилами – тупыми, неряшливыми, невежественными. Хотя в редких интервью некоторые бывшие сотрудники ЦРУ оценивали образование, интеллект среднестатистического русского разведчика выше своих собственных коллег.

В связи с тем, что практически во всех странах «шпионская» литература издавалась внушительными тиражами и достаточно охотно прочитывалась прежде всего молодой публикой, пусть и малоправдоподобные стереотипы героев вполне доброжелательно воспринимались и устойчиво пребывали в сознании «широких народных масс» (то есть, «работали»), есть смысл хотя бы вкратце пройтись по страницам таких книг.

Итак, «книжное обозрение» отечественных изданий.

«Совершенно секретно»

Вадим Кассис, Леонид Колосов, Михаил Михайлов, Борис Пиляцкий. Издательство «Известия». Москва. 1988 г.

Основные тезисы:

1. Со ссылкой на американские источники утверждается, что ЦРУ попирает основные конституционные права граждан США, устраивая за множеством людей незаконную слежку, совершая взломы в частных домах, устанавливает подслушивающие микрофоны, прослушивая телефонные разговоры, вскрывая почту (стр. 20–21).

2. Также со ссылками на зарубежные публикации утверждается, что политическая полиция Чили режима генерала Пиночета массово применяла пытки к арестованным для получения информации или в качестве наказания. При этом зачастую заключённых заставляли наблюдать за тем, как пытаются их родственников, детей. Женщин насиловали и подвергают различным половым надругательствам, травят собаками, заставляют людей есть собственные фекалии. Некоторых бросали под грузовые автомобили. Широко применяли пытки электрическим током, электроды подключают к половым органам, открытым ранам (стр. 21, 22).

3. ЦРУ, госдепартамент США проводили мощную клеветническую идеологическую

работу против СССР, используя радиостанции «Свобода», «Свободная Европа», привлекая к их работе всевозможных перебежчиков, откровенных предателей, бывших нацистов и т. п. (стр. 47–59).

4. Английская СИС создала и руководила целым рядом научно-исследовательских центров, занятых, к примеру, изучением внутривнутриполитической и культурной жизни республик СССР с преимущественно мусульманским населением для обеспечения идеологических диверсий против населения Советского Союза (стр. 83–85).

5. Свои радиостанции и исследовательские центры, занимающиеся сбором разведывательной информации и активными идеологическими диверсиями имела немецкая федеральная разведка – БНД. Костяк сотрудников этих центров – перебежчики, отщепенцы, бывшие нацисты, реваншисты (стр. 93–94).

6. Спецслужбы ФРГ понуждали деловых людей составлять и передавать отчёты после каждой деловой поездки в СССР с характеристиками партнёров по бизнесу, иной информацией (стр. 125).

7. Разведки буржуазных государств связаны между собой, координируют свои действия, направленные против общих геополитических противников. В США и западной Европе разведывательные службы засылают агентов в демократические организации, устраивают провокации против демократических сил, организуют политические убийства не только демократических деятелей, но и почему-либо неугодных монополиям в данный момент министров и даже президентов. Империалистические разведки вербуют наёмников для борьбы против национально-освободительных движений, организуют заговоры против развивающихся стран (стр. 255, 256).

8. В печати всё чаще появляются признания бывших агентов американской разведки, в том числе о тайном финансировании операций ЦРУ крупнейшими корпорациями. Существует устойчивая практика щедрого финансирования по каналам ЦРУ королей и президентов, министров и премьер-министров, разного рода диктаторов. Все попытки конгресса США поставить под контроль деятельность ЦРУ и других спецслужб страны закончились крахом. ЦРУ только с 1956 по 1976 год осуществило около 900 вмешательств за границей и негласно доминировало над некоторыми иностранными правительствами до такой степени, что превращало их в государства – клевреты США. ЦРУ скрытно проводила массовые опыты на гражданах США по изучению действия различных психотропных веществ, чаще всего используя для этого заключённых тюрем. ЦРУ постоянно использовало боссов мафии для устранения неугодных личностей (стр. 255–270).

9. В 1977 году стало известно об особой спецоперации ЦРУ – переброске бацилл свиной чумы на Кубу (стр. 273).

10. Английская политическая разведка СИС тесно связана, активно сотрудничает и даже частично финансирует деятельность всемирно известной разведывательной корпорации Би-би-си (стр. 286–291).

11. Система контроля над всеми звеньями разведслужб и служб безопасности франкистской Испании включала в себя дублирование функций этих служб во всех секторах репрессивного аппарата, что позволяло получать сведения из различных источников по одной и той же проблеме. Позволяла периодически натравливать одну службу на другую (стр. 296).

12. Израильская контрразведка «Шинбет» на оккупированных арабских территориях, действуя совместно с военной разведкой и полицией, применяет те же методы, что и немецкое гестапо. Используя для этого немного «переработанные» к местным условиям инструкции управления имперской безопасности гитлеровской Германии (стр. 310).

13. Израильские разведывательные органы постоянно используют в своих шпионских и подрывных целях еврейское население, живущее в других странах, (стр. 311).

14. Израиль тратит на спецслужбы намного больше, чем Великобритания. Значительная часть этих средств поступает не из казны, а от международного центра – Всемирной сионистской организации, а также из фондов ЦРУ (стр. 311).

15. В 1964 г. военная контрразведка Италии СИФАР подготовила военный переворот, который был отложен в последний момент. Были подготовлены и переданы для исполнения командирам частей карабинеров списки лиц, подлежащих аресту и изоляции (стр. 325–317).

16. Бюро государственной безопасности ЮАР (БОСС) располагало неограниченными средствами, намного превосходящими бюджетные ассигнования на деятельность этой одной из самых свирепых спецслужб – своего рода южноамериканское гестапо, на счету которого тысячи жертв (стр. 342, 343).

17. На примере бельгийской военной разведки описана практика «перекупки» агентов спецслужб и постоянная грызня между этими «родственниками» по многим другим поводам (стр. 353–354).

18. В деятельности сотрудников иностранных разведок, в том числе имеющих дипломатический статус, одним из доминирующих мотивов в действительности являются соображения личной выгоды (стр. 367–368).

19. Сотрудники зарубежных военных разведок нередко в отчётах сильно преувеличивают и риски своей деятельности, и коварство, и козни контрразведчиков стран пребывания. То есть, попросту привирают, иногда – бессовестно (стр. 369).

20. Люди, которые идут на сотрудничество с сотрудниками иностранных разведок, являются, как правило, прежде всего, стяжателями, стремящимися, прежде всего, прилично заработать (стр. 388).

«Белый дом и ЦРУ»

В.В. Петрусенко. Издательство «Мысль». Москва. 1985 г.

Наиболее любопытные обобщения:

1. Деятельность спецслужб США аттестуется в американской публицистике, как «организованный и финансируемый правительством гангстеризм» (стр. 11).

2. «Разведывательное сообщество» США не знает отказа со стороны государственно-монополистической системы в финансовых средствах. Официальных данных об ассигнованиях ни на всё «разведывательное сообщество», ни на его отдельные компоненты не приводится. Некоторые эксперты оценивают расходы на разведку в США примерно в 10 % текущего военного бюджета. По другим оценкам бюджет «разведывательного сообщества» в пределах от 2 до 5 % общего государственного бюджета США. Что в 2 раза больше, нежели упомянутые 10 % от оборонного бюджета (стр. 20).

3. В штате «разведывательного сообщества» США около 200 тысяч сотрудников. Но только одно ЦРУ, кроме 20 тысяч своих сотрудников, содержит или субсидирует сотни тысяч людей, сотрудничающих с ним (стр. 22).

4. В США дебатировались вопросы об оптимальном соотношении между агентурной разведкой (людским шпионажем) и «технической разведкой». Обсуждается, каким способом добывания информации следует отдавать предпочтения, на что нужно больше тратить средств, какие источники обеспечивают более ценную информацию, какой круг лиц за рубежом может быть мишенью «вербовочных» акций, насколько интенсивной должна быть их проверка американской контрразведкой, как бороться с «агентами – двойниками» (стр. 23–24). Обсуждаются проблемы целесообразности или нецелесообразности использования шпионов в роли подрывников, террористов, провокаторов (стр. 28).

5. Директорат разведывательной информации ЦРУ готовит ежедневную разведывательную сводку для президента США и ежедневный разведывательный бюллетень для 60–200 руководящих правительственных деятелей (стр. 25).

6. Имеет место публичная дискуссия между противниками и сторонниками проведения тайных полувоенных подрывных операций, вроде свержения неугодных политических режимов, устранения, свержения неприемлемых для США политических лидеров (Хомейни, Каддафи, Кастро и др.). Неприемлемыми подрывными операциями принято считать те, что связаны со слишком высокими издержками, прежде всего политического характера (стр. 26,

27).

7. В ЦРУ (и других спецслужбах США) неукоснительно действует принцип «непроницаемых перегородок», когда информация о деятельности одних подразделений наглухо засекречена от других (стр. 28).

8. Аналитические прогнозы ЦРУ сознательно нагнетают психозы в правящем слое госслужащих, в ряде членов Конгресса, сенаторов, что наиболее выгодно военно-промышленному комплексу США (стр. 29–30).

9. Ряд публицистов, в том числе из бывших сотрудников ЦРУ, полагают, что эта спецслужба постоянно используется президентами США в качестве механизма осуществления внешней политики без дипломатов, военных действий без вооружённых сил, осуществления интервенций без разрешения и проверки конгресса (стр. 32).

10. Отмечено, что ЦРУ во множестве случаев действовало самостоятельно, реагируя на акции исключительной важности исключительно по собственной инициативе, не ставя в известность даже лиц в администрации президента (стр. 32).

11. В Белом доме и ЦРУ действует принцип «правдоподобного отрицания», предписывающий проведение операций таким образом, чтобы причастность к ним правительства США никак не была установлена (стр. 33).

12. По утверждению одного из бывших высокопоставленных руководителей ЦРУ, операции этой службы с 1947 года по примерно 1980-й привели к гибели более 1 миллиона человек (стр. 34).

13. Одним из заместителей директора ЦРУ дан развёрнутый анализ стратегии спецслужбы по проведению тайных подрывных операций:

- 1) политические советы и указания;
- 2) денежные выплаты отдельным лицам;
- 3) финансовая помощь и «техническое содействие» отдельным партиям;
- 4) поддержка неофициальных организаций, включая профсоюзы, деловые предприятия, кооперативы и т. п.;
- 5) тайная пропаганда;
- 6) «частное» обучение индивидуальных лиц и обмен людьми;
- 7) экономические операции;
- 8) полувоенные и активные политические операции с целью свержения или поддержки режима (стр. 42).

14. Конгресс США неоднократно предпринимал попытки запретить ЦРУ использовать в шпионско-диверсионных целях американских бизнесменов, управляющих, учёных, церковников, журналистов (стр. 42).

15. В первые же годы после своего создания (1947 г.) ЦРУ установило тесные доверительные отношения с владельцами наиболее влиятельных органов информации. ЦРУ начали предоставлять возможности укрывать своих агентов под статусом журналистов, других работников прессы, радио (стр. 53).

16. ЦРУ манипулирует разведанными, полученными из разных источников, с целью неявного влияния на характер принимаемых Белым домом решений в соответствии со своими оценками ситуаций (стр. 76).

17. Особенное внимание ЦРУ всегда уделяло приобретению агентуры в вооружённых силах, органах безопасности и полиции зарубежных стран, имеющих особо важное значение для США (стр. 78).

18. По оценкам американских исследователей президент Эйзенхауэр позволял ЦРУ проводить на Ближнем Востоке политику, которая следовала нефтяной дипломатии частных американских корпораций (стр. 79).

19. Калифорнийский профессор П. Дейл Скотт пришёл к выводу, что со второй половины 50-х годов «разведывательное сообщество» США достигло такого развития, что у него появилась изрядная самостоятельность в проведении политики, отвечающей целям его дальнейшего роста и усиления влияния в Вашингтоне, с помощью манипулирования

разведывательными данными. Введено понятие «разведывательного заговора» (стр. 85, 86).

20. Члены президентского совета по разведывательной деятельности, изучавшие в 1956 году подрывную деятельность ЦРУ за границей, констатировали возросшее сверх ожиданий вмешательство ведомства во внутренние дела других стран. Чем по преимуществу занимались способные, высокообразованные молодые люди. Которые всё время должны что-либо делать, чтобы оправдать свои должности.

Именно этот типаж сотрудников ЦРУ, снабжённых деньгами и привилегиями, не покладая рук возводят на троны королей, разыгрывают интриги, доставляющие им удовольствие, добиваются «успехов» и замалчивают свои провалы. Такого рода «деятельность» признана более простой и прибыльной, нежели более необходимый и трудный сбор разведывательной информации посредством обычных методов (стр. 89).

21. Члены комиссии по проверке деятельности ЦРУ, действовавшие по поручению президента, пришли к выводу, что над «разведывательными сообществами» нет никакой надёжной системы контроля со стороны Белого дома.

В результате никто, кроме непосредственно занятых оперативной работой в ЦРУ, не знали, чем они занимаются изо дня в день. В итоге «орды сотрудников ЦРУ» заполнили планету, оказывая сильнейшее одностороннее воздействие на внешнюю политику, о котором зачастую ничего не известно даже американским послам (стр. 89).

22. Исследователь истории американских спецслужб А. Шлезингер, изучая период Эйзенхауэра и А. Даллеса, констатировал, что дипломаты больше не имели контроля над внешней политикой, которая определялась по преимуществу Пентагоном и ЦРУ.

Что ЦРУ вырвалось из узды, укомплектовано людьми, которые обладают высокой профессиональной подготовкой в обмане, владеют разнообразным оружием, часто преследуя безрассудные цели. К тому же имеют максимальные средства и минимальную подотчётность. Отмечалось также, что нет объективных доказательств, что приведённые тайные операции стоили риска и огромных затрат на них (стр. 90–91).

23. Отмечается, что если в период претендентства Г. Трумэна самоутверждение ЦРУ в коридорах вашингтонской власти носило характер «партизанских» действий, то в эпоху Даллеса тактика ЦРУ приняла характер впечатляющих фланговых и фронтальных ударов по соперникам. И не столько уже ради самоутверждения, сколько во имя закрепления и расширения захваченных в американском правящем слое плацдармов (стр. 92).

24. В бытность руководства ЦРУ А. Даллесом было упразднено ведение документации, фиксирующей действия руководителей, сотрудников ЦРУ с целью недопущения реконструкции действий спецслужб при возможных проверках комиссий сената или палаты представителей (стр. 96, 97).

25. Цитированы слова А. Даллеса в бытность на посту директора ЦРУ, сказанные им журналистам: «Директор ЦРУ должен оставлять мораль за дверью» (стр. 98).

26. Историк А. Шлезингер утверждает, что ЦРУ в эйзенхауэровские годы уверенно взяло на себя полномочия убивать иностранных лидеров (стр. 100).

27. При Эйзенхауэре ЦРУ неофициально обросло таким политическим панцирем, который стал практически непробиваемым для исполнительных органов высшей политической власти (стр. 101).

28. Бывший директор ЦРУ Б. Смит высказал мнение, что если страна находится в условиях холодной войны, надлежит иметь аморальное ведомство, которое может действовать тайно и которое не обязано устраивать пресс-конференции (стр. 110).

29. Один из помощников президента Дж. Кеннеди аттестовал ЦРУ, как слишком дорогое ведомство, сотрудники которого склонны к авантюризму и плохо организованы (стр. 114).

30. Американский исследователь Соренсен отмечает, что ЦРУ при президенте Дж. Кеннеди сохранило за собой роль «департамента грязных трюков», но от него требовалось следовать приоритетам внешней политики, проводимой Белым домом. А проводимые «грязные трюки» лучше готовить (стр. 117).

31. Английский журналист Э. Саммерс утверждает, что по вопросу Вьетнама президент Дж. Кеннеди находился в прямом конфликте с сильной группировкой внутри ЦРУ, которое фактически держало в своих руках войну в Южном Вьетнаме (стр. 123).

32. Бывший сотрудник ЦРУ Дж. Уилкотт отмечает, что убийство Дж. Кеннеди было воспринято сотрудниками ведомства, как логический конец президента, вызвавшего к себе нарастающее озлобление и недовольство разведсообщества США.

Автор отмечает, что особенно были заражены этим настроением оперативные работники высшего эшелона. Прежде всего из-за создавшейся полной угрозы потери социальных привилегий, финансовых надбавок, статуса и высокой ранней пенсии (стр. 128).

33. По утверждению исследователя Скотта разведывательная информация «разведсообществом» в иных случаях целенаправленно искажалась настолько, что возникали подозрения в совершении обычного мошенничества с целью манипулирования правительственными чиновниками Белого дома (стр. 139).

34. Утверждается (Г. Солсбери), что президент Линдон Джонсон открыто говорил, что ЦРУ создало «Корпорацию убийств» в бассейне Карибского моря и полагал, что «корпорация» могла быть причастна к убийству Дж. Кеннеди. К тому же и сам опасался её (стр. 148).

35. В разгар Вьетнамской войны из резидентур ЦРУ стали поступать сообщения об усилении вьетнамской национально-освободительной армии, о возросших трудностях, о тупиковых ситуациях на путях военного решения проблемы. Но глава ЦРУ Хелмс препарирует такую информацию так, чтобы она подтверждала победные реляции Пентагона (стр. 151).

36. В 1967 году американской общественности стали известны многочисленные факты использования спецслужбами США в своих целях различных общественных и профессиональных организаций, благотворительных фондов. В частности приведены сведения о связях ЦРУ и Национальной студенческой ассоциаций, которая проводила свои заграничные акции на деньги разведки (стр. 157).

37. Бывший сотрудник ЦРУ Э. Ст. Джордж отмечал, что в 1968 году Никсон и его люди обнаружили, что разведывательное сословие обзавелось колоссальной техникой и превратило себя в институт без пользы для кого-либо, кроме самого этого сословия. Помощник Никсона Дж. Элихман писал, что президент считал, что «разведывательное сообщество» неимоверно раздуло свои штаты, слишком дорого обходится казне и недостаточно контролируется (стр. 163).

38. Цитируется мнение президента США Никсона: «ЦРУ отгородилось даже от президентов... ЦРУ было непроницаемо, как сейф, и мы не могли найти никого, кто дал бы нам необходимый шифр к его наборному замку» (стр. 165).

39. Со ссылкой на воспоминания Никсона и Киссинджера указывается, что они были особенно недовольны общим расплывчатым тоном многих документов разведки, отсутствием в них чётко очерченных альтернатив, изложением прогнозов в условной форме. Что свидетельствовало об отсутствии у разведки необходимых данных с одной стороны, а с другой о нежелании её руководителей брать на себя ответственность за оценки (стр. 166).

40. Приводится пример неудовольствия Никсона качеством разведданных, полученных от ЦРУ: «Что толку от ЦРУ? У них там сорок тысяч людей читают газеты». Сетовал, что ЦРУ не способно предупредить его о чём-то заранее, что оно не поспевает даже за телеграфными агентствами (стр. 167).

41. По утверждению Киссинджера ЦРУ практиковало неограниченное вмешательство для осуществления внутренних перемен и в тех странах, которые не только не угрожали национальной безопасности США, но и были в действительности их союзниками (стр. 190).

42. В мае 1973 года руководитель ЦРУ Дж. Шлессинджер предложил всем сотрудникам сообщать руководству об известных им противозаконных действиях в деятельности других сотрудников ЦРУ. На основании письменных докладных тех, кто пожелал рассказать что-то, был составлен занявший 683 страницы список 700 отдельных «нарушений», которые, судя

по всему, касались и зарубежной практики ЦРУ (стр. 193).

43. Со ссылкой на редакцию американского журнала «Харпере», цитируются оценки взаимоотношений внутри «Разведывательного сообщества»: «Разведывательная деятельность внутри США стала ныне главным оружием, с помощью которого соперничающие агентства пытаются дискредитировать и заменить друг друга. Заговоры ЦРУ перекрывают всё, на что способно ФБР. ФБР интригует против Белого дома. Министерство обороны маневрирует против ВВС и армии» (стр. 195).

44. Упомянутый на стр. 193 список «прегрешений» ЦРУ, составленный по докладным его сотрудников и именуемый на внутреннем жаргоне «фамильными драгоценностями», получил весьма нелицеприятную оценку обозревателя газеты «Таймс» Г. Солсбери: «Фамильные драгоценности – это сверхсекретный список зверств и жестокостей ЦРУ, иными словами, и той деятельности ЦРУ, которая является нарушением его устава и законов страны. Она включает в себя заговоры с целью убийств, политические шаги и незаконные, несанкционированные операции внутри США» (стр. 196).

45. На основании распоряжения президента Форда, изданном в 1976 г., ЦРУ было запрещено проводить подслушивание телефонных разговоров американцев, кроме случаев, разрешённых судом, заниматься массовым шпионажем за американскими гражданами, проводить опыты с наркотическими препаратами с целью воздействия на умственную и психическую деятельность (стр. 199).

46. Приводится высказывание члена сенатской комиссии по расследованию деятельности ЦРУ У. Мондейла: «Мы изучали то, как Соединённые Штаты использовали подкуп, коррупцию, насилие почти во всех уголках земного шара. Мы увидели, что шпионаж нацеливается, как против наших противников, так и против наших друзей.

Комиссия рассмотрела то, как наши академические институты, пресса и религиозные институты использовались для тайных подрывных целей, несмотря на особое место этих институтов в нашем демократическом обществе. Для меня ясно, что мы дорого заплатили за всё это. Американское тайное вмешательство часто подрывало те самые демократические институты, которые мы пытались рекламировать.

Из-за наших тайных акций, США, к сожалению, рассматриваются всё меньше и меньше, как пример демократии. Внутри страны доверие американцев к их правительству слабеет, поскольку наши лидеры используют тайные разведывательные операции для дезинформации общественности и нарушения демократического процесса. Я пришёл к убеждению, что необходимы основательные изменения в американской разведывательной деятельности, или эта деятельность фундаментально изменит Америку» (стр. 207–208).

47. В США существует целый ряд влиятельных общественных организаций, теснейшим образом связанных с «разведывательным сообществом». К числу наиболее известных относятся Ассоциация бывших сотрудников разведки и Национальный центр исследований разведывательной деятельности, а также Информационный центр национальной стратегии. Усилиями последнего около 200 американских университетов и колледжей ввели у себя профессорские должности и даже целые кафедры по теме «Разведка и национальная безопасность» (стр. 245, 246).

48. Отмечена беспрецедентно высокая активность участия в выборной кампании Рейгана организаций, связанных с «разведывательным сообществом», что развеяло миф об аполитичности ЦРУ и родственных ему служб и позволило представителям спецслужб занять руководящие посты в администрации Рейгана (стр. 248).

49. Отмечается использование руководителями ЦРУ своего служебного положения в корыстных целях: уже в первые годы пребывания в должности руководителя ЦРУ Кейси, его личное состояние удвоилось, в нарушении законов он предоставлял контракты ЦРУ компаниям, в которых он был совладелец или держатель акций. Этот руководитель систематически использовал имеющуюся у него разведывательную информацию в биржевой игре, в частности на нефтяном рынке (стр. 251, 252).

50. С приходом в Белый дом Рейгана «разведывательное сообщество» получило

беспрецедентное политическое прикрытие, позволившее расширить штаты и обогатить техническое оснащение спецслужб. Возросшая интенсивность тайных операций ЦРУ маскировалась мощнейшей пропагандистской компанией изобличения «международного терроризма» (стр. 261–262).

51. С момента своего создания в 1947 г. ЦРУ, несмотря на все «модернизации», попытки усовершенствовать механизмы контроля за его деятельностью, стабильно наращивало свою мощь, влияние на политику президентской власти, успешно усиливало свою самостоятельность. Что в итоге стяжало «разведывательному сообществу» США, по оценкам многих видных западных политиков, публицистов, «славу» самой зловещей и кровавой мафии.

«Терроризм без маски»

Вадим Кассис, Леонид Колосов. Москва. «Молодая гвардия». 1983 г.

Наиболее существенные заключения таковы:

1. Пентагоном разработана секретная инструкция по «стабилизации дружественных стран», под кодовым названием «ФМ 30–31». Из документа следует, что в «дружественные» Соединённым Штатам страны засылаются агенты военной разведки, а также резиденты других спецслужб, в первую очередь ЦРУ, с целью стабилизации правительств и подавления наиболее активных политических групп, оппозиционных США.

Подготовка террористов – профессиональных убийц, провокаторов, диверсантов – ведётся в США в самых широких масштабах, на неё не жалеют ни сил, ни средств. В рамках ЦРУ она осуществляется по секретным программам «МК – ультра», «Мкелта», «Артишок» – программам, которые, по свидетельству бывшего сотрудника отдела разведки и исследований государственного департамента США Дж. Маркса, ставят целью «профессионального обучения убийц».

Пентагоном для подготовки террористов создана целая сеть тайных баз и лагерей. Один из таких «питомников» убийц и диверсантов расположен в Северной Каролине и известен под именем «Форт-Брэгг». Там обучают новобранцев различным способам убивать людей. В них развивают самые низменные человеческие качества – бесчеловечность, жестокость, ненависть. Именно поэтому ЦРУ и Пентагон рассматривают подобный «человеческий материал», как наиболее оптимально подходящий для стратегии террора (стр. 6).

2. Широко известные «профессионалы» по убийствам и диверсиям гитлеровской Германии Отто Скорцени и Ренхард Гелен, понимая, что война проиграна, создали значительное число террористических групп в Европе и латиноамериканских странах. Гелен, став шефом западноамериканской спецслужбы Бундеснахристендинст – передал многих своих агентов для работы в ЦРУ, которые затем успешно подвизались длительное время на укреплении разветвлённой сети фашистских и террористических организаций. В том числе и тех, кто вошел в состав «Чёрного интернационала» (стр. 52, 51).

3. Освещая расследования попытки государственного переворота в Италии еженедельник «Панорама» писал: «До сих пор под покровом государственной тайны скрывается правда о финансировании ЦРУ ультраправых итальянских группировок. О том, кому и кем были переведены полмиллиарда лир, знает Мичели, но отказывается давать показания. Хранят молчание и сменяющиеся председатели совета министров, министр обороны, начальники секретных служб» (стр. 52).

4. В интервью журналу «Эуропо» бывший террорист Альдо Тизеи заявил о существовавших у крайне правой организации «Новый порядок» прочных и крайне эффективных контактов с некоторыми службами безопасности Италии, а также с чилийским Национальным разведывательным управлением и испанскими разведывательными службами (стр. 54, 55).

Кроме этого бывший террорист пришёл к глубокому убеждению, что он и его структура были только орудием в руках различных секретных служб (стр. 57).

5. В основе организованной преступности – нищета, неграмотность, безработица молодёжи из «социальных низов». Капиталистическое государство в лице спецслужб не борется с организованной преступностью, а пытается использовать её для решения своих специфических задач (стр. 66, 67).

6. В случае с убийством итальянского нефтепромышленника Энрико Матеи один из лидеров сицилийской мафии внедрил в техническую службу аэродрома агента ЦРУ по кличке Лоран, который осуществил всю «техническую» часть террористической операции (стр. 71).

7. В 80-е годы прошедшего столетия был совершён ряд террористических актов в Европе против лиц и фирм, участвовавших в создании иракского ядерного реактора. Все эти акты были совершены израильской военной разведкой «Аман» при участии ЦРУ с применением американского оружия. Указывается также на прочные контакты израильских спецслужб с итальянскими террористическими группами и «красными бригадами», оснащение их оружием, боеприпасами, а также оказание помощи в подготовке боевиков (стр. 97).

8. В числе основных задач одной из важнейших спецслужб Израиля «Моссад» называется организация убийств тех, кто противостоит политике этой страны. При этом указывается, что в этих целях «Моссад» широко использует членов еврейских общин в разных странах. Эта спецслужба имеет своих платных осведомителей в ЦРУ, спецслужбах Англии, ЮАР, ФРГ, ряде латиноамериканских стран, Италии и Японии (стр. 101).

9. Со ссылкой на автора книги «Глаза Израиля» утверждается: «Если кому-нибудь надлежит умереть от «рака» или «сердечного приступа», или в результате «автомобильной катастрофы» – дело поручают генералу Аману, поскольку он специалист по убийствам, которые напоминают смерть от естественных причин...».

Моссад пользуется поддержкой могущественного лобби в США, и поэтому они имеют доступ к любым секретам. Бывший главный сионистский лоббист на капитолийском холме М. Эмитей заявил: «Наше лобби эффективно, ибо у нас много людей, к которым мы можем обратиться в любой момент. Я знаю всех этих парней в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ» (стр. 104).

10. Со ссылкой на газету «Акахата» утверждается, что японские власти проявляют поразительное бессилие в пресечении деятельности банд организованной преступности, поскольку главари якудза тесно связаны с блюстителями порядка, политическими деятелями, представителями крупного бизнеса. Естественно, во многом не без ведома и помощи спецслужб (стр. 123).

11. Бывший генерал Лаоса Ванг Пао, аттестованный американской прессой, как агент ЦРУ, обвиняется в том, что, являясь главным организатором торговли наркотиками в Лаосе, он способствовал наркотизации сотен тысяч американских солдат, позже – молодых людей и школьников в городах США. В защиту Ванг Пао выступил У. Колби – бывший шеф ЦРУ, бывший резидент ЦРУ на дальнем востоке (стр. 116).

12. В интервью организатор школы карате, готовившей наёмных убийц, утверждает, что «наряду с мафией, часто «заказчиками» являются сотрудники ЦРУ и ФБР. Которые, кроме того, часто оставляют на свободе преступников и потом их используют в качестве наёмных убийц. Среди активных «заказчиков» убийств названы политики», (стр. 164).

«США: операции по уничтожению»

Сергей Лосев, Виталий Петрусенко. Москва. Издательство «Советская Россия». 1984 г.
Некоторые выводы авторов:

1. «Операция по уничтожению» – термин, означающий комплекс действий, используемых политиками, спецслужбами по нейтрализации любых противников, с помощью ли их дискредитации, либо физическим уничтожением (стр. 4).

2. ЦРУ покровительствовало опиумному бизнесу в Юго-Восточной Азии. Автор книги

«Политика героина в Юго-Восточной Азии» А. Маккай пишет, что торговля опиумом, которая шла из Лаоса и прежде всего из «золотого треугольника» в определённой мере зависела от поддержки (деньгами, оружием, автотранспортом и пр.) ЦРУ.

Взаимные услуги ЦРУ, ФБР и организованной преступности вне и внутри США, тайные связи американских спецслужб с главарями подпольного бизнеса образуют настолько запутанные хитросплетения, что мало кто берётся судить, где кончаются интересы одних партнёров и начинаются тайные умыслы других (стр. 33).

3. П. Д. Скотт: «Соккрытие преступления, если в нём замешана разведка, может вылиться в приоритет для неё. Тем самым появляется надёжная защита у лиц, совершивших преступления, которые не имеют оправдания с точки зрения разведывательной деятельности, как таковой» (стр. 83).

4. Отмечается, что большой бизнес Америки старается не уступать никому по части информированности, знания того, что происходит в стране, что планируется. Частная разведывательная служба здесь особенно внушительна, на неё не жалеют средств (стр. 83).

5. Бывший президент США Линдон Джонсон в предсмертном интервью признался, что никогда не верил в непричастность американских спецслужб к убийству Дж. Кеннеди, а также в том, что США содержали «проклятую корпорацию «Убийство инкорпорейтед» в Карибах» (стр. 84).

6. Спецслужбы не могут не сотрудничать с оргпреступностью, являющейся одной из мощнейших социальных сил, как об этом означено в книге Р. Кеннеди «Внутренний враг»: «Сегодня гангстеры работают в высшей степени организованно, они сильны, как никогда в истории страны. Они контролируют политических деятелей и угрожают целым общинам. Они протянули щупальца коррупции и угроз в большой и малый бизнес... олицетворяя собой моральную болезнь общества стяжательства». Для спецслужб оргпреступность была готовым механизмом управления, как миром политики, так и бизнеса (стр. 152, 153).

7. ФБР не только не хотело бороться с организованной преступностью, но мало что знало о синдикатах наркотиков, проституции, незаконных тотализаторов на ипподромах и незаконных рулетках в казино. Ссылаясь при этом на отсутствие законодательного разрешения собирать соответствующую информацию. Американский публицист Хэнк Мессик сообщил, что шеф ФБР Эдгар Гувер лично был хорошо знаком с рядом главарей мафии, один из которых позднее даже основал «Фонд Эдгара Гувера» (стр. 155).

8. По словам сенатора Д.П. Мойнихэна организованная преступность в США превратилась в «большой богатый класс, глубоко пустивший корни в различные пласты состоятельного общества» (стр. 157).

9. Приведено мнение одного из крупнейших экспертов по борьбе с организованной преступностью Ральфа Салерно: «Мафия заключает незаконные сделки с бизнесом, профсоюзными лидерами. Она имеет разведывательную сеть, а также контрразведку. Она вмешивается во все виды политической деятельности. Делает прямые политические пожертвования. Она собирает средства для кандидатов на выборные должности, выколачивает пожертвования из других для политических целей.

Лидеры мафии поддерживают контролируемых или дружественных им кандидатов. Они не выпускают из поля зрения контроль за назначением на должности в правительстве. Они пытаются повлиять на решения правительства. Они лоббируют в пользу законопроектов, которые они считают выгодными для себя. Они будут топить законопроекты, которые не отвечают их интересам. Они участвуют в политическом патронаже – распределении правительственных должностей. Они дискредитируют кандидатов, которые им не подходят. Они уничтожат, убьют политических лидеров, которые им не подходят» (стр. 160).

10. Через несколько лет после смерти бывшего шефа ФБР Эдгара Гувера стали известны достоверно и подробно его неопишуемая жадность, пристрастие к взяткам, мстительность. Он держал в руках вашингтонскую элиту благодаря колоссальной энергии, которую тратили его агенты, чтобы добывать об этой самой элите порочащую информацию

самого интимного свойства. То есть, был отменным профессиональным шантажистом (стр. 166).

11. Ненависть шефа ФБР Эдгара Гувера к братьям Кеннеди была причиной того, что он скрыл от секретной службы охраны президента известные ему сведения о готовящемся на президента покушении (стр. 171).

12. Заместитель шефа ФБР и ближайший сподвижник Эдгара Гувера Клайд Томсон в год убийства Роберта Кеннеди высказался безо всяких обиняков: «Я надеюсь, что кто-нибудь выстрелит в него и убьёт этого сукина сына» (стр. 171).

13. По свидетельствам ряда американских авторов ЦРУ, не брезгуя «никакими щелями и норами», внедрялось и в ФБР. В результате оно приобрело способность, когда необходимо, вести этот орган по своему компасу. Гувер это знал и якобы брыкался руками и ногами, но, в конце концов, будучи обложен в собственном ведомстве со всех сторон агентурой ЦРУ, смирился с этим (стр. 179).

14. Заместитель директора ЦРУ Р. Биссел в январе 1961 года поручил руководителю подразделения по проведению «операций по уничтожению» Уильяму Харвею готовить возможности проведения операций по уничтожению «иностранных лидеров», включая «превращения их в физически непригодных людей». На практике ЦРУ не проводило различий между иностранными и своими лидерами (стр. 183).

15. Вашингтон является поприщем бесконечных интриг: «Белый дом интригует против Конгресса, Сенат против палаты представителей, ФБР против ЦРУ, Пентагон против государственного департамента, реакционные журналисты даже против покойных политиков. В этих условиях вашингтонская элита пытается лишь не допустить перерастания межведомственной грызни в войну» (стр. 189).

16. Попытка установления «плотного» контроля президентской администрации Дж. Кеннеди за ЦРУ и ФБР приводили руководителей этих ведомств в неистовство – они не привыкли, чтобы их контролировали (стр. 190).

17. Самоуверенное «невидимое правительство» было уязвлено, когда сотрудники ЦРУ слышали от министра юстиции, что они не отрабатывают свои зарплаты, что результаты их работы не соответствуют их расходам (стр. 191).

18. Преемник А. Даллеса на посту директора ЦРУ Джон Маккоун, будучи владельцем пакета акций на 1 миллион долларов нефтяной компании «Стандарт ойл оф Калифорния», был активным сторонником наращивания военной агрессии в странах Индокитая и Юго-Восточной Азии. В период с 1968 по 1970 год, то есть, с момента пика эскалации войны в Южном Вьетнаме, организованного ЦРУ переворота в Камбодже, объём бурения в прибрежном шельфе Индокитая утроился. Аналогично обстояло дело с увеличением оргпреступностью наркотрафика из «золотого треугольника» (стр. 196).

19. Предшественник Джона Кеннеди по Белому дому президент Д. Эйзенхауэр в прощальном послании стране предупреждал, что военно-промышленный комплекс ставит свои интересы выше интересов общества, располагая к тому же мощными средствами для проведения их в жизнь (стр. 197).

«Рыба красного цвета»

У. Хинкл, У. Тернер. Нью-Йорк, 1981 г. Москва. Издательство «Прогресс». 1983 г.

Некоторые выводы и заключения авторов:

1. Рузвельт был первым президентом США, привлёкшим к «патриотическим деяниям» во внешней политике мафию. После чего эта практика была прочно освоена ЦРУ.

Неотъемлемыми элементами «политики добрососедства» во взаимодействиях со странами Латинской Америки стали экономический шантаж, политические заговоры, манипулирования военными, профсоюзными, студенческими группировками в целях устранения нелояльных США правительств.

Апофеоза такая тактика достигла в конце 50-х годов в Эквадоре, где агентами ЦРУ

стали многочисленные правительственные чиновники, руководители политических партий, редакторы ведущих газет, армейские офицеры, профсоюзные и студенческие лидеры (стр. 15).

2. В американской культуре насилие и шпионаж являются настолько естественным явлением, как и традиционная национальная привязанность к яблочному пирогу. В лекциях, которые читаются в ЦРУ по искусству шпионажа, используют технологии разведки на местности коренных индейцев (стр. 16).

3. Журнал «Рэмпартс» в 1967 году опубликовал материалы по поводу длившегося 15 лет субсидирования ЦРУ Студенческой ассоциации США, согласно которым спецслужба широко практиковала предоставление отсрочек от службы в армии для лидеров ассоциации в связи с «исполнением должности, жизненно важной для национальных интересов» (стр. 16).

4. В 1975 году в период наиболее интенсивных расследований злоупотреблений и нарушений законов в деятельности ЦРУ, это ведомство сумело «повиниться» перед законодателями и избежало массовых арестов среди своих людей, сохранило своё самое ценное достояние – разветвлённую сеть частных кампаний – «ширм» внутри страны, секретные полувоенные базы и бессчётное множество платных агентов. То есть, всё то, что давало возможность ЦРУ буквально в считанные часы вмешиваться в чужие дела. В докладе комиссии конгресса в 1967 отмечалось: «До тех пор пока детали организационной структуры ЦРУ будут оставаться засекреченными, выявить неофициальные филиалы управления будет невозможно» (стр. 17, 18).

5. Авторы книги-разоблачения «ЦРУ и культ разведки» указывали, что на секретные операции ЦРУ расходует 2/3 выделяемых ему государством средств (около миллиарда долларов в год) и в пять раз больше по другим статьям бюджета, скрытых в финансировании других правительственных учреждений. В проведении тайных операций участвуют около 16 тысяч сотрудников ЦРУ и вдвое большее число внештатных агентов, работающих по контракту, а также служащих частных кампаний, сотрудничающих с ЦРУ (стр. 20).

6. Большинство специальных агентов ЦРУ – это, так называемые, внештатные сотрудники, выполняющие по контракту отдельные задания и получающие вознаграждение наличными, с которых не платят налогов. Специальными агентами могут быть и сотрудники подставных учреждений («крыш»), находящихся в полном распоряжении ЦРУ или лица, числящиеся в штатах вполне легальных корпораций и оказывающих услуги ЦРУ. Подобное позволяет сгустить тьму неподотчётности до полной непроницаемости (стр. 21).

7. Из ведомства для сбора разведывательной информации ЦРУ почти сразу стало трансформироваться в институт, специализирующийся на тайных операциях. К началу 50-х годов ЦРУ уже проникало в американские институты и создавало «крыши» внутри Соединённых Штатов для маскировки своих секретных программ, нацеленных за рубеж. А примерно через 10 лет принялось проводить тайные операции на своей земле (стр. 22–23).

8. Авторы убеждены, что если бы военно-морской флот ЦРУ был включён в официальный справочник, то он занял бы место крупнейшего в Карибском море. Шпионский флот состоял из расконсервированных морских охотников, переоборудованных патрульных катеров, глиссирующих гоночных лодок и прогулочных яхт.

На кораблях ЦРУ, оснащённых радарными и электронными приборами, были установлены 40-миллиметровые морские пушки, безоткатные орудия и пулемёты 50-го калибра. ЦРУ также должен был бы принадлежать и титул крупнейшей авиакомпания Америки, дочерние авиакомпании которой располагают большим числом самолётов, чем любая другая внутренняя авиалиния, а служащих в них занято больше, чем в самом ЦРУ (стр. 26–27).

9. Основатели ЦРУ, сознательно ограничившие его деятельность только сбором разведывательных данных за рубежом, предостерегали, что действия сего секретного учреждения внутри страны приведут к такому повороту событий, которые могут стать смертельно опасными для самих Соединённых Штатов. Но даже основатели не предполагали, что такое развитие событий приведёт ЦРУ к мафии (стр. 29–30).

10. Дженни Россели, известнейший американский гангстер, несколько лет был агентом ЦРУ по контракту с целью убийства Фиделя Кастро и на очередном суде выложил это в доказательство своей патриотичности. Обнажив в очередной раз факт устойчивого альянса – опоры тайных войн американских спецслужб: уголовного подполья, большого бизнеса и разведки Соединённых Штатов (стр. 36).

11. Практика подготовки и проведения секретных операций спецслужбами всегда была теснейшим образом переплетена с личной выгодой для организаторов и исполнителей. Что составляет непреходящую основу любой тайной войны (стр. 38).

12. Приведены сведения биографа бывшего директора ЦРУ Аллена Даллеса о том, что последний живо интересовался разработками отдела технической поддержки: сильно действующими на психику наркотиками, смертоносными вирусами в ампулах, малоизвестными ядами, вызывающими мгновенную смерть, бесшумными пистолетами, стреляющими отравленными или заражёнными иглами. «Арсенал» новинок предназначался для уничтожения вражеских агентов или иностранцев, чьё существование ЦРУ считало «обременительным» (стр. 40).

13. В 1975 году корреспондент Си-Би-Эс Дэниел Шорр сообщил: постоянная подкомиссия по расследованиям во главе с сенатором Генри Джексонem обнаружила доказательства того, что ЦРУ и мафия совместно занимаются подделкой денег. ЦРУ переправило в Юго-Восточную Азию подлинные клише Печатно-гравировального бюро США, с которых, в сотрудничестве с мафией, изготовило миллиарды фальшивых долларов. По некоторым оценкам их общая сумма достигла 20 миллиардов. ЦРУ использовало причитающуюся ему долю «хитрых» денег для финансирования своих тайных операций, а также скупало на них опиум в Юго-Восточной Азии и Турции. Комиссии Джексона так и не удалось узнать, что же ЦРУ делало с наркотиками (стр. 42).

14. Со ссылкой на бывшего офицера военной разведки, работавшего в Федеральном бюро по борьбе с распространением наркотиков Сирагуса, сообщается, что ЦРУ собиралось собрать из гангстеров ударную группу для убийства некоторых лидеров стран «третьего мира» с выплатой из неподотчётных сумм за каждую успешную акцию миллиона долларов (стр. 42, 43).

15. Заместитель директора ЦРУ Ричард Биссел – бывший университетский профессор – не ждал особых распоряжений президента о проведении «операции по уничтожению». Для этого было достаточно отсутствия запрещения на её проведение. Это исключало возможность доказать, что глава государства утвердил ту или иную операцию (стр. 45).

16. Практически во всех сделках с ЦРУ мафия проявляла жадность – не только пытались выторговать себе от правительства всевозможный льготы, но и пускало их в ход много раньше, чем это предполагалось (стр. 49).

17. По свидетельству американского писателя Роя Нортонa, одна из групп убийц ЦРУ проходила обучение во Флориде, на болотах Эверглейде, руководил ею выпускник террористической школы УСС. Ему помогали офицеры морской пехоты, прикомандированные к ЦРУ (стр. 85).

18. Приводится ряд примеров прекращения полицейских расследований в отношении ряда видных гангстеров под предлогом их участия в разведывательных операциях ЦРУ. Аналогичные примеры – и по отношению к ФБР (стр. 94–95).

19. Описан механизм взаимосвязи мира бизнеса с подпольным миром разведки: после принятия Белым домом решения начать вторжение на Кубу, ряд сотрудников ЦРУ стали скупать дешёвые акции сахарных компаний, утративших в своё время плантации на Кубе. Что, в свою очередь, вызвало ажиотаж на бирже и породило ажиотажный спрос на сахарные акции, когда бригада вторжения ещё только высаживалась на побережье острова Куба (стр. 95).

20. Приводятся данные, что ЦРУ подготовило подразделение из 168 десантников из числа кубинцев, одетых в форму армии Фиделя Кастро, для нападения на американскую военную базу на Кубе Гуантанамо. Чтобы использовать это, как предлог для высадки десанта

американской морской пехоты и проведения полномасштабного вторжения армии США на Кубу (стр. 96–97).

21. Приведены сведения, сообщённые бывшим сотрудником ЦРУ Джеймсом Уилкоттом комиссии конгресса США, что в среде работников ЦРУ, готовивших военные провокации, велись споры по поводу того, насколько следует посвящать даже собственного шефа ЦРУ Аллена Даллеса в разработанные планы операции (стр. 97).

22. Расследованием неудачи вооружённого вторжения на Кубу установлено, что ЦРУ ввело в заблуждение Белый Дом и относительно уровня боеготовности, боеспособности и морального состояния кубинских вооружённых сил. Дезинформацией оказались заверения ЦРУ, данные Дж. Кеннеди, что вооружённое вторжение вызовет всеобщее восстание на Кубе (стр. 119, 129).

23. В меморандуме номер 57 президент Дж. Кеннеди подтвердил главный принцип тайных операций американских спецслужб – реальную секретность и полную опровергаемость. Здесь же указано, что организованное ЦРУ вооружённое вторжение на Кубу грубо нарушило этот принцип, то есть, сработало в высшей степени непрофессионально (стр. 121).

24. Назначенного после увольнения Аллена Даллеса заместителем директора ЦРУ Ричарда Хелмса характеризуют, как искусно играющего роль законченного бюрократа, успешного карьериста. Очень осторожного в высказываниях, избегающего решительных действий, способных породить врагов (стр. 130).

25. Тайные операции, осуществлявшиеся ЦРУ в Латинской Америке из Флориды, опирались на тесное сотрудничество с представителями местного истеблишмента. Десантники-эмигранты получали жалование чеками, выписанными из фондов заработной платы местных фирм и универсальных магазинов. Эти и другие «особые» чеки без лишних расспросов оплачивались Первым национальным банком Майами.

Неограниченные услуги оказывал существующей на частные пожертвования Университет Майами. Его факультеты служили «крышей» для агентов ЦРУ, а ряд армейских офицеров, прикомандированных к ЦРУ, числился в несуществующей группе, которая якобы вела в Университете научно-исследовательские работы в области подводного и другого секретного оружия (стр. 136).

26. Тесная связь сотрудников ЦРУ с местными властями Флориды позволяла спецслужбе нарушать все существующие законы. Документы частных компаний, поддерживающих действия ЦРУ, содержали заведомо ложные сведения. При уплате налогов сообщались фиктивные источники доходов. В нарушение правил Федерального авиационного управления подавались липовые карты полётов, заклеивались регистрационные номера самолётов. Перевозка взрывчатки по дорогам Флориды осуществлялась вопреки законодательству штата.

Противоречили существующим законам и нелегальное хранение взрывчатых веществ и других военных материалов, приобретение автоматического оружия. Каждый раз, когда катер отплывал на Кубу, нарушался закон о нейтралитете США, каждый раз, когда он возвращался, обходились правила таможенной и иммиграционной служб. ЦРУ негласно добились того, что на него действие законов не распространялось.

Полиция и шерифы тут же отпускали сотрудников ЦРУ независимо от того, за что они были задержаны: будь то нарушение границ частных владений или управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Точно также закрывали глаза на проделки людей ЦРУ и чиновники таможни, иммиграционной службы, казначейства, агенты ФБР. Была разработана целая система опознания, предусмотрены особые номера телефонов, по которым следовало звонить в случаях затруднений. Экипажам катеров, например, сообщался пароль, которым они могли воспользоваться при задержании морской пограничной службой (стр. 136, 137).

27. В 1975 году заместитель директора ЦРУ Ричард Хелмс самостоятельно, без получения разрешения «вышестоящей инстанции» реанимировал проект убийства руками гангстеров Фиделя Кастро. При этом не был поставлен в известность об этом даже вновь

назначенный директор ЦРУ Маккоун – чтоб не смущать «новичка» связью с мафией (стр. 143).

28. Один из лидеров кубинских революционеров публично жаловался, что ЦРУ никогда не обеспечивало обещанных им поставок, никогда не исполняло своих обязательств. В свою очередь в служебных документах ЦРУ кубинские вожди контрреволюции аттестовались, как непредсказуемые, самовольные, изворотливые люди, занятые преимущественно добыванием денег любыми путями (стр. 154).

29. В обмен за «услуги» одного из боссов мафии Сэма Джанкана, ЦРУ помогало ему импортировать проституток из Марселя (стр. 223).

30. ЦРУ традиционно постоянно и широко использует американские фирмы, осуществляющие связи с общественностью, для выполнения множества тонких и сложных задач своей деятельности, в том числе и при реализации тайных операций в стране и за рубежом. Отмечено, что вряд ли удастся найти хотя бы одну располагающую международными контактами фирму, специализирующуюся на связях с общественностью, в руководстве которой не было бы парочки «своих ребят» – бывших сотрудников спецслужб.

ЦРУ прибегает к услугам «своих ребят», переквалифицировавшихся в специалистов в сфере связей с общественностью, для прикрытия деятельности подставных фирм, шпионов и убийц и для маскировки финансирования своих тайных операций (стр. 246, 247).

31. «Свои ребята» никогда не расставались с разведывательным комплексом, который после Второй мировой войны перерос в своего рода разведывательно-промышленный комплекс. «Свои ребята» продолжали сотрудничать с секретными службами страны, одновременно работая на хозяев в сфере бизнеса.

Некоторые из «своих ребят» открывали собственное дело, связанное с деятельностью правительственной разведки. В виде ли сыскаго агентства, консультационного, либо в виде упомянутых «связей с общественностью». Бизнес «своих ребят» в основном заключался в том, чтобы устраивать небольшие правительственные услуги своим клиентам, оказывая в то же время негласные услуги правительству (стр. 248, 249).

32. Функционирование разведывательнопромышленного комплекса на примере взаимовыгодных деловых связей ЦРУ с американским миллиардером Говардом Хьюзом позволяло ЦРУ с одной стороны надёжно скрывать широкомасштабную тайную войну против Кастро, используя острова, принадлежащие миллиардеру в Карибском море. Кроме того, многочисленные фирмы Хьюза использовались ЦРУ в качестве «ширма» и служили «главными казначеями» для оплаты секретных агентов, где бы те ни находились. Отставные военные, учёные, оставившие службу в ЦРУ, «свои парни» стекались в фирмы Хьюза.

В свою очередь организации и фирмы миллиардера превратились в крупнейшего поставщика ЦРУ, НАСА. ЦРУ предоставило Хьюзу всякого рода льготы и привилегии: помощь в преодолении правительственного бюрократизма, экономический шпионаж, защиту от вмешательства правительственных контролирующих органов и даже скрытое правительственное финансирование крупных проектов. География взаимных услуг носила глобальный характер. Взаимоотношения не только вызвали взаимную благодарность сторон, но имели весьма серьёзный экономический эффект: тайные контракты, получаемые компаниями Хьюза от ЦРУ вне всякой конкуренции, принесли в общей сложности 6 миллиардов долларов чистой прибыли (стр. 251–254).

33. Американские правоохранители часто весьма нелестно называют «своих ребят» мафией ЦРУ. Но в эту категорию входят и бывшие сотрудники ЦРУ, служащие министерства юстиции, следователи Финансового управления. Система вездесущих «своих ребят» обеспечила ЦРУ окольные пути для проведения тайных операций внутри страны и за рубежом, гарантировала безопасные позиции спецслужбы в любых видах её противозаконной деятельности.

Установить, где кончаются операции ЦРУ и начинаются проделки частных лиц, практически невозможно. Готовые на любые услуги, «свои ребята» руководствуются при этом исключительно соображениями личной выгоды, а тайные операции обеспечивают для

этого идеальные условия и гарантируют практическую безопасность от вмешательства правоохранительных и контролирующих органов. «Свои ребята» непотопляемы, практически вечны, как социальное явление. Точно так же, как и компании, в которых они работают (стр. 256, 258).

34. В благодарность за помощь в обеспечении спокойствия и порядка в доках Восточного побережья в годы второй мировой войны, за помощь мафии при высадке войск союзников на Сицилии, за срывы забастовок докеров, даже за помощь в поддержании дисциплины в собранных из всякого сброда «тайных армиях» в Юго-Восточной Азии, боссы мафии регулярно получали от ЦРУ или с его помощью от администрации Белого дома «вспомоществования» в виде сокращений сроков тюремного заключения, прекращения начатых судебных преследований, расследований налоговых ведомств и т. п. (стр. 262, 263).

35. В тайной операции ЦРУ по свержению правительства Сальваторе Альенде в Чили, проводившейся по указанию президента США Р. Никсона, ключевую роль играла транснациональная корпорация ИТТ, тесно связанная и с ЦРУ, и с Белым домом. Она же ссудила полмиллиона долларов на проведение предвыборного съезда партии Никсона, за что министерство Юстиции решило в пользу ИТТ одно из крупнейших антитрестовских дел (стр. 280).

36. «Кубинская мафия» занимается контрабандным ввозом марихуаны и высококачественного кокаина из Колумбии, Эквадора и Перу на территорию США, пользуясь маршрутами, связями и техникой, разработанными в ЦРУ для подпольной деятельности в зоне Карибского моря в ходе тайной войны. Во многих случаях ЦРУ и мафия в ходе одной и той же операции достигали каждая своих целей (стр. 292).

37. На роскошной каютной яхте в Майами живёт профессиональный наёмный убийца, чьё мастерство было отточено в ЦРУ. Имеет номерной секретный счёт в зарубежном банке, время от времени выходит на своей яхте в море, где на расстоянии не менее 30 миль выбрасывает за борт пистолет с глушителем ручной работы.

Полученные в ЦРУ навыки приучили его избавляться от улики после каждого убийства. Самым прибыльным клиентом для него является мафия. Успешно осуществив около сорока «контрактов» по тарифу 20 тысяч долларов за каждый, профессиональный киллер может позволить себе роскошную жизнь и вполне «философский» взгляд на свой «бизнес»:

«В Соединённых Штатах я убиваю уголовников по поручению других уголовников. В Южной Америке я убиваю политических деятелей по поручению других политических деятелей. В Южной Америке я работаю исключительно на консервативные слои общества. Я убиваю только коммунистов и им сочувствующих» (стр. 294).

38. Политические настроения наёмных убийц отражают крайне правое мировоззрение Кубинской мафии. Многие кубинские торговцы наркотиками при режиме Батисты были правительственными чиновниками или армейскими офицерами.

ЦРУ завербовало их для ведения тайной войны и обучило диверсиям и обращению со взрывчаткой, автоматическим оружием и базами. В ЦРУ они общались с благовоспитанными отпрысками мелкобуржуазных семей, которые познали радость игры с огнём и не могли уже избавиться от своих шпионских привычек. Между многими из них завязалась прочная дружба (стр. 295).

39. Террористическая деятельность кубинских эмигрантов началась с убийств и взрывов бомб в Соединённых Штатах. Она нарастала в 70-е годы и к концу десятилетия связала воедино смертоносными узами кубинских эмигрантов с американским ЦРУ, чилийским гестапо, известным, как ДИНА, венесуэльской тайной полицией, южнокорейским ЦРУ и европейскими террористическими неонацистскими группировками (стр. 295).

40. В Майами продолжались убийства. Майямская полиция обратилась в штаб-квартиру ЦРУ с просьбой срочно прислать поимённый список эмигрантов, обученных в ЦРУ изготовлению бомб, а также сведений о количестве пластиковой взрывчатки, оставленной в Майами после того, как ЦРУ прикрыло там свою лавочку. ЦРУ не потрудились даже ответить (стр. 299).

41. На протяжении десятилетий ЦРУ, тасуя «ширмы», «крыши» и агентов, словно карты в колоде, предотвращало разоблачение своего подпольного аппарата и его противозаконных акций. Выплаты агентам по контракту маскировались сделками в коммерческих предприятиях. В период правления администрации Джонсона, когда количество операций тайной войны сократилось, уменьшилась потребность в агентах по контракту. Тогда ЦРУ учредило своего рода подпольную службу, устроив агентов в штат Управления по борьбе с наркотиками и других федеральных ведомств, при условии, что они всегда будут под рукой в случае необходимости.

ЦРУ учредило для денежного обеспечения оперативной деятельности финансовое предприятие, которое воспользовалось преимуществом существующих на Багамах законов о сохранении тайны вкладов. Оно называлось «Касл бэнк» и служило каналом, по которому направлялись миллионы долларов для финансирования тайных операций против Кубы, других стран Латинской Америки и Дальнего Востока (стр. 304, 305).

42. Сделка между ЦРУ и мафией требовала, как минимум, негласного содействия ЦРУ в контрабандной доставке проституток из Марселя, Франции, в Соединённые Штаты для обслуживания принадлежащих мафии публичных домов Лас-Вегаса и других городов (стр. 313).

«Невидимые властители»

Луис М. Гонсалес-Мата. Париж, 1979 г., Москва, «Прогресс», 1983 г.

Некоторые заключения и обобщения:

1. Большинство политических руководителей ведущих стран мира приходят к кормилам власти с помощью «частных клубов». Одними из самых влиятельных среди которых являются «Трёхсторонняя комиссия» и Бильдербергский клуб. Члены последнего были «замечены» в принятии, в качестве политического руководства для политики правительств ведущих стран, разработанного американскими спецслужбами проекта, излагающего план подчинения стран и континентов с помощью массового голода.

После чего все транснациональные корпорации бросились вкладывать огромные средства в производящие продовольствие отрасли промышленности Латинской Америки и начали скупать там гигантские латифундии (стр. 5–8).

2. При поддержке Управления стратегических служб США, позже – ЦРУ и других американских спецслужб, были созданы такие организации, как «Европейское движение», Американский комитет за объединённую Европу, «Европейская молодёжь» и другие. В 1951–54 годах «Европейскому движению» от Американского комитета за объединённую Европу, находящегося на содержании у ЦРУ, поступило 3,8 млн. долларов и ещё 3 млн. долларов от других компаний и организаций.

Создателями этих инструментов империализма были высшие руководители разведывательных служб, прежде всего ЦРУ США, главы американской мафии, руководители спецслужб ряда европейских стран и европейские «теневые» политики, (стр. 9–10).

3. Членов влиятельных «частных» клубов, кроме того, что они были богатейшими и влиятельнейшими людьми «цивилизованного мира», настроенными неколебимо проамерикански, отличало ещё и то, что почти все они были видными деятелями масонских лож «шотландского ритуала», находящихся под контролем США, его спецслужб.

«Шотландские» франкмасоны, наряду с секретными спецслужбами, политическими деятелями, мафией, руководителями транснациональных корпораций, неофашистами активно сотрудничают, определяя и реализуя цели мировой политики (стр. 11).

4. В первые годы своего существования Бильдербергский клуб располагал ежегодным бюджетом в десятки миллионов долларов, который с годами только разрастался. Основная часть средств приходила от транснациональных корпораций и западных секретных служб. Бильдербергский клуб активно и достаточно эффективно вмешивался в политическую жизнь

европейских государств.

На его «невинных» ежегодных дискуссиях стараниями руководящего комитета и секретных спецслужб (как американских, так и западногерманских и итальянских) вырабатывались подчас планы кровавых провокаций во имя сохранения стран и целых континентов под американским господством. Английская «Обсервер» в номере от 7 апреля 1963 года писала: «Бильдербергская группа стремится к установлению своего безраздельного господства над народами с помощью марионеточных правительств, которыми руководят продажные политиканы».

Примерно о том же поведал в октябре 1975 года итальянский журнал «Эуропо»: «Несмотря на пестроту своего состава, в целом бильдербежцы представляют собой некое суперправительство, на свой фасон перекрашивающее правительства стран Западной Европы» (стр. 12–14).

5. Спецслужбы США, ФРГ при участии боссов американской и кубинской мафии в 1959 году начали готовить на базе Доминиканской республики вооружённое вторжение на Кубу. Попытка с треском провалилась. Позже оказалось, что президент Доминиканской республики присвоил большую часть выделенных на вторжение денег и оснащения. По решению Бильдербергского клуба с мая 1960 ЦРУ стало готовить свержение Трухильо. 30 мая 1961 года он был застрелен «специалистами» ЦРУ (стр. 20–22).

6. Начиная с 1963 года США больше не идут на уступки своим союзникам и члены Бильдербергского клуба сосредотачиваются практически полностью на защите интересов американских транснациональных корпораций и решение задач спецслужб США (ср. 26, 27).

7. Основная точка зрения, что в убийстве президента США Джона Кеннеди было непосредственно заинтересовано ЦРУ (А. Даллес – директор ЦРУ – ещё один основатель Бильдербергского клуба), которое было серьёзно ограничено в свободе своих действий этим президентом. В устранении Кеннеди были заинтересованы многие транснациональные корпорации, терявшие свои прибыли в ходе реализации стратегии «Новых рубежей» и ограничения бесконтрольной деятельности трестов.

В высшей степени в ликвидации президента была заинтересована мафия, в отношении которой министром юстиции – братом президента – была развёрнута настоящая и весьма эффективная война. К перечисленным силам примыкали и многочисленные активные кубинские контрреволюционеры, чьё вторжение на Кубу не было поддержано армией США из-за запрета Кеннеди (стр. 34, 35).

8. Молодёжные выступления во Франции были использованы американскими спецслужбами для нанесения решительного удара по президенту де Голлю, который вывел свою страну из членов НАТО, настаивал на развитии диалога с Советским Союзом, всячески содействовал национальной независимости Франции, вопреки стремлению США к мировой гегемонии.

Под эгидой Бильдербергского клуба была проведена координационная встреча руководителей спецслужб ряда европейских стран и США, где были распределены задачи и основные меры по дестабилизации обстановки в Париже и во всей стране путём активного вовлечения манифестантов в возможно большее число инцидентов с силами охраны порядка, армейскими подразделениями с целью инициирования, как можно больших разрушений и человеческих жертв. В итоге, несмотря на благоприятное в целом завершение беспорядков, вскорости де Голль был вынужден уйти в отставку (стр. 40–43).

9. Разработанная спецслужбами и реализуемая членами Бильдербергского клуба «стратегия напряжённости» привели к военному перевороту при активном участии спецслужб в Греции. К 1974 году достигла наивысшей активности фаза «стратегии напряжённости» в Италии, которая должна была усилиями спецслужб, военных, высших чинов полиции завершиться военным переворотом. Самое активное участие под руководством спецслужб США, Греции, Испании, Италии в нагнетании напряжённости серией взрывов, убийств приняли неонацистские террористические организации – в качестве непосредственных исполнителей (стр. 52–59).

8. Высокопоставленные политические, государственные деятели Италии, многие руководители министерства обороны, спецслужб, правоохранительных органов, в числе которых было немало влиятельных масонов, членов Бильдербергского клуба, предприняли вполне эффективные усилия, чтобы не дать довести до конца ни одного парламентского расследования актов насилия, элементов заговоров и большинства уголовных расследований этих актов.

Более того, произошла трансформация «чёрного» террора в «красный». Ибо для спецслужб мотивации действий террористов – несущественная деталь, важен результат в виде дестабилизации внутривнутриполитической жизни той или иной страны. Тем более, что в случае с «красным террором» не нужно было платное руководство и сопровождение спецслужб – достаточно было простого невмешательства. Разнообразные же политиканы «раскачиваемой» страны стремились только к использованию атмосферы покушений, преступлений и коррупции для извлечения выгод. Смена расцветки терроризма в Италии, Испании, Германии по времени совпала с разработкой специалистами из секретных служб Пентагона пособия о «Проведении операций по дестабилизации» (FM-30/31) (стр.62–63).

9. К 1971 году в Бильдербергском клубе произошёл раскол: появилась группа членов, которые обосновано требовали, во имя сохранения влияния США в мире, от политики принуждения, шантажа и открытого вмешательства перейти к политике «партнёрства» со странами «третьего мира». Что требовало отказа от части привилегий, власти, контроля над регионами мира, прежде всего, многих старых транснациональных корпораций, пользующихся прежними империалистическими методами обеспечения своего господства.

Требовалось избавиться и от носителей империалистической идеологии и практики. Так в Бильдербергском клубе началась борьба против некоторых секретных служб, пекущихся не столько об интересах общезападных, сколько своих собственных – прежде всего таких, как американское ЦРУ или итальянская СИД. Из руководителей ЦРУ, Разведывательного управления министерства обороны США, Разведывательной службы военно-воздушных сил США, разведки НАТО, французской службы информации, западно-германской разведки была создана группа разработки нового стратегического курса, основавшая вскоре новый «частный клуб» – Трёхстороннюю комиссию. Опиравшуюся на могущественный элитарный клуб – «Круглый стол бизнеса». Была предпринята внушительная чистка ЦРУ (стр. 64–66).

10. Руководитель службы охраны одного из европейских посольств в Испании обнаружил слежку боевиков ЭТА за испанским премьером Бланко. Информировал испанские спецслужбы, которые уведомили «коллегу», что они в курсе дела. Слежку обнаружила и испанская полиция, которой рекомендовали «не вмешиваться» собственные спецслужбы. В итоге, покушение состоялось 20 декабря 1973 года, в результате которого премьер-министр был убит. Что явилось убедительным основанием утверждать, что испанские спецслужбы усиленно оберегали террористов, чтоб гарантированно обеспечить им убийство нежелательного для спецслужб политика (стр. 69–73).

11. Ежегодная сессия бильдербержцев состоялась во Франции. Это совещание, как и все встречи подобных клубов, проводилось под усиленной охраной полиции. А за две недели до его открытия агенты французской контрразведки прибыли в местечко Межев, чтобы «очистить» кварталы, прилегающие к вилле «Мон д'Арбуа», где проводилось «мероприятие» (стр. 74).

12. Военный переворот в апреле 1974 года под руководством генерала Спинолы в Португалии готовился с активной, обширной помощью ЦРУ и спецслужб Испании, НАТО (стр. 76–78).

13. ЦРУ и РУМО (Пентагон) в середине 70-х годов был разработан проект решения кипрской проблемы. Осуществление этого плана, однако, принесло Соединённым Штатам больше неприятностей, чем преимуществ: фашистская хунта в Греции была свергнута, Греция вышла из НАТО, отношения с Турцией были заморожены (стр. 83).

14. Обострение борьбы приверженцев двух стратегий среди членов Бильдербергского

клуба, а также между бильбербержцами и членами другого «частного клуба» – «Трёхсторонней комиссией» – проявилось в резком обострении в прессе в 1974 году критики ЦРУ. В частности, «Нью-Йорк тайме» (член административного совета газеты Сайрус Вене является членом Трёхсторонней комиссии) опубликовала новые материалы, разоблачавшие преступления ЦРУ. Критике подверглось вторжение спецслужб в частную жизнь тысяч граждан Америки, проникновение спецслужб в государственные институты США. Компания «разоблачений» вымела из структур государственного управления и спецслужб тех, чьё дальнейшее присутствие в сферах «секретной власти» стало нежелательным (стр. 84–86).

15. Со ссылкой на испанскую разведслужбу приводятся данные о числе и категориях лиц, сотрудничавших в странах Европы с американскими спецслужбами (ЦРУ и РУМО):

- в Бельгии – 3200 человек;
- во Франции – 2330 человек;
- в ФРГ – 7350 человек;
- в Италии – 3728 человек;
- в Испании – 1270 человек;
- в Нидерландах – 562 человека;

В большинстве своём это высокопоставленные военные, министры, послы, политические деятели, журналисты. Приводятся обоснования, что лучшим способом внедрения для получения секретной развединформации являются настоящие журналисты (стр. 88, 89).

16. Считается установленным, что американские секретные службы к 1975 году приняли участие, по крайней мере, не менее, чем в ста государственных переворотах, которые сами по себе чреваты рисками убийств. При этом правительство США совершенно открыто выступало против всех политических деятелей, ставших жертвами заговоров (стр. 90, 92).

17. В заключительных выводах комиссии сенатора Чёрча, расследовавшего деятельность ЦРУ, отмечается, что тайные заговоры, операции спецслужб неизбежно получают огласку. При этом не представляется никакой возможности сколь-нибудь эффективного учёта проистекающих при этом ущербов для американской внешней политики, для репутации и престижа Соединённых Штатов. И, что особенно важно, для доверия и поддержки американцами своего правительства (стр. 95).

18. В марте 1970 года американские спецслужбы были снабжены «Полевым учебником для секретных служб, участвующих в операциях по обеспечению стабильности» (FM 30/31) за подписью начальника генерального штаба американских вооружённых сил. Особо подчёркивалось, что руководство предназначено для сотрудников секретных служб, работающих в «дружественных странах».

К документу приобщены ещё три приложения FM 30/31 А,В,С, снабжённые грифом «совершенно секретно, группа II» которые являются инструкцией по практическому применению пособия. Документом предписывается армии США не оказывать помощи правительству «дружественной страны», если они проявляют беспомощность перед лицом повстанческих движений, не защищают интересы политически важных слоёв населения, если проявляют крайний национализм, ставя тем самым под угрозу интересы Соединённых Штатов.

Во всех этих случаях спецслужбы и армия США должны предусмотреть возможность изменения политического режима. Этим же документом американским секретным службам рекомендовало направлять свои усилия на работу в вооружённых силах дружественной страны и связанных с ними учреждениями. Главной целью при этом являются высшие чины. Всячески помогать продвижению по службе офицеров, лояльно относящихся к США.

Рекомендовано также с целью повышения активности правительств засылать в повстанческие оппозиционные движения специальных агентов для создания групп действия из наиболее радикально настроенных элементов. Этим контролируемым американскими спецслужбами группам надлежит, при необходимости, провоцировать насильственные

действия. При необходимости, для этих же целей рекомендуется использовать крайне левые организации. Спецслужбам США предписывается активно искать подходы к архивам спецслужб дружественной страны (стр. 96–99).

19. Отмечается интенсивная практика «откомандирования» сотрудников спецслужб в постоянные комиссии палаты представителей и сената США, в аппарат Белого дома, практически во все высшие уровни американского аппарата. Это позволяет всегда успешно «препарировать» в нужном направлении общественное мнение, «корректировать» усилия правительства, даже в необходимых случаях терроризировать конгрессменов и сенаторов, стремящихся честно выполнять возложенные на них функции (стр. 100, 101).

20. Члены Трёхсторонней комиссии считают, что политические круги Италии в значительной мере необратимо коррумпированы, о чем свидетельствуют злоупотребления, многие десятилетия сопровождающие историю Италии. Поэтому с такими элементами больше не церемонятся, а изобличают их продажность, разрушая их политические и деловые карьеры, бизнес (стр. 102).

21. Специалисты из Бюро геополитических исследований ЦРУ, на основе научных выводов о резком сокращении мировых урожаев зерна в скором будущем, пришли к выводу, что продовольственная проблема представит Соединённым Штатам такую возможность осуществлять экономическое и политическое господство над миром, какой они никогда в послевоенный период не располагали.

В годы острого дефицита продовольствия Вашингтон фактически будет распоряжаться жизнью или смертью масс населения в тех или иных странах. Отныне продовольствие стало оружием, которым американцы намерены воспользоваться в своей политике лидерства. Статистические данные свидетельствуют, что США, благодаря своему господству на рынке зерна, могут искусственно, даже без воздействия плохих климатических условий периодически создавать в мире нехватку продовольствия, способную привести не только к серьёзным политическим изменениям, но и поставить на грань гибели миллионы людей (стр. 131–134).

23. В феврале 1976 года поступили в мировую печать сообщения, что комиссия американского сената располагает документами о том, что высокопоставленные лица более тридцати стран получали взятки от транснациональных корпораций за помощь, оказанную при заключении сделок. Общая сумма только выявленных взяток превысила 100 млн. долларов (стр. 141).

24. Американская корпорация «Локхид» 2/3 своей продукции поставляет Пентагону, 1/3 – за границу. Обладая такой «ориентацией», корпорация установила теснейшие отношения с разведкой армии РУМО, давая обеспечение и прикрытые его финансовым операциям и агентам. В свою очередь высшие чины разведки и министерства обороны пускали в ход своё влияние, связи в правительствах или генеральных штабах различных государств для «проталкивания» продукции «Локхид».

Многие руководящие посты, особенно на, так называемых, «секретных» участках производства, занимали «свои ребята» или даже действующие сотрудники ЦРУ, РУМО. Многие представители фирмы за рубежом являлись штатным или нештатными сотрудниками ЦРУ (стр. 145, 146).

25. Большинство замешанных в международном коррупционном скандале фирмы «Локхид» были лица, являвшиеся видными членами Бильдербергского клуба и одновременно связанными с американскими спецслужбами. Одной из задач которых являлось получение и распределение секретных фондов, предназначенных для реализации политики «клуба» в различных странах мира (стр. 146).

26. Фирма «Локхид» использовалась ЦРУ в качестве прикрытия для передачи субсидий политическим деятелям и партиям. Бывший начальник итальянской секретной службы генерал Вито Мичелли, арестованный за пособничество фашиствующим элементам, причастным к проведению в Италии «стратегии напряжённости», заявил, что ЦРУ передало ему 8000 тысяч долларов для финансирования некоммунистических партий и деятелей.

Генерал сообщил, что часть этой суммы была передана им пятидесяти политическим деятелям и выразил опасения, что если поступления прекратятся, то эти люди ему отомстят (стр. 172).

27. Аналогично с обстоятельствами, которые были при убийстве премьер-министра Испании Карреро Бланко (полная информированность и устранение служб безопасности и полиции), в случае с похищением и почти двухмесячным пребыванием в руках «красных бригад» Альдо Моро, полиция Италии «не могла» обнаружить террористов, несмотря на то, что персональные участники похищения были ей известны. Лишь после того, как Моро был убит, полиция ликвидировала ряд опорных пунктов «красных бригад», арестовала штаб этой террористической организации и захватила её архивы (стр. 179).

28. Американская военная разведка (РУМО) информировала испанские спецслужбы о существовании у парламентской комиссии США документов, компрометирующих высших должностных лиц ВВС Испании и ряд политиков в коррупционном скандале, связанном с Локхид (стр. 195).

«История итальянских секретных служб»

Джузеппе де Лутиис. Пер. с итал. Москва. «Прогресс», 1989 г.

Отдельные выводы и заключения:

1. Член комиссии итальянского парламента времён первой мировой войны ситуацию в стране со спецслужбами характеризовал следующим образом: «Предаётся гласности существование, наряду с гражданской полицией, полиции военной, сфера деятельности которой не ограничивается только военной контрразведкой, а распространяется также на область политических взглядов и образа действий граждан и которая раскидывает свои сети, действуя абсолютно независимо от любой правительственной власти» (стр. 11).

2. Новый начальник итальянской спецслужбы в течение 1902–1905 годов изобрёл первый телеграфный шифровальный код, разработал новые инструкции для консульств за рубежом, предписания по цензуре печатных органов в военное время, правила сношения с осведомителями, организовал учёбу офицеров, готовящихся для ведения разведки в приграничных районах. Перед началом ливанской войны с Турцией в 1911–1912 годах спецслужба воспользовалась помощью известных географов, направив их в научные экспедиции на территорию предполагаемых военных действий, где учёные должны были сделать детальные топографические карты Ливии. Успешному функционированию разведывательной службы мешала постоянная грызня со смежными службами генштаба и других ведомств (стр. 13, 15).

3. К концу первой мировой войны умножилось число разведывательных отделов – почти каждое итальянское министерство стремилось создать свою разведывательную службу. Что, естественно, привело к рассеянию немногих действительно ценных кадров профессионалов, масса энергии затрачивалась на постоянное соперничество, конкуренцию. В это же время, хоть и с большими трудностями (скепсис начальства, ограниченность средств, противодействие ведомств), началось систематическое прослушивание телефонных разговоров (стр. 15).

4. В 1926 году была сформирована тайная политическая полиция фашистского режима – институт надзора за антифашистским движением и его подавления. К 1930 году финансирование политической полиции увеличилось почти в 15 раз – прежде всего, для оплаты услуг тысяч тайных осведомителей. Среди которых можно было встретить журналистов, бывших офицеров, педагогов, женщин всех возрастов и социальных слоёв, кулуарных интриганов, прелатов – даже в ранге кардиналов. Один из руководителей политического сыска свидетельствовал позже, что в центральном аппарате того времени работало около 80 функционеров и 600 агентов, руководивших тысячами тайных и надёжных осведомителей (стр. 18, 19).

5. Военная секретная служба Италии в 1925 году преобразована в службу военной

разведки. В период пребывания у власти Муссолини руководители службы разведки менялись часто. Предполагают, из опасения диктатора фашистского режима появления сильного соперника. В 1934 году органы военной разведки были удвоены, а сама она стала активной силой фашистского режима, перестав быть только аппаратом разведки и контрразведки, приобретя все худшие черты, характерные для современных секретных служб. В частности, в структуре службы военной разведки появился и занял едва ли не доминирующее положение отдел внутренней безопасности, как инструмент слежки за оппозицией режиму (стр. 20, 21).

6. Одной из первых «специальных операций» службы военной разведки явилось убийство во французском городке лидеров итальянского антифашистского движения братьев Россели в 1937 году (стр. 21).

7. На допросах после ареста в 1945 году шеф контрразведки с 1936 по 1941 год сообщил, что по поручению своего руководства разработал план подготовки актов саботажа, распространения эпидемий и «устранения» неугодных лиц во Франции и Испании. Приводится и шкала расценок, соответствующих различным актам насилия, а также компенсацией агентам, оказавшимся в «неприятной» ситуации. Дороже всего оплачивались уничтожение парохода, организация крушения эшелона, подешевле – уничтожение грузовика с людьми. Оплата за распространение инфекций, нанесение вреда произведениям искусства, разрушение железных дорог зависела от полученных результатов.

В случае «неприятностей», завершившихся арестом, каждый агент знал, что его семье будут перечисляться прожиточные средства вплоть до его освобождения. Был установлен и размер компенсации семье в случае гибели агента. Деятельность СИМ в те годы аттестуется следственными органами послевоенной Италии, как цепь убийств, покушений, организованных кораблекрушений, железнодорожных катастроф, поджогов зданий и кораблей, заражения источников с целью вызвать эпидемии. Притом, что многое из задуманного не удалось осуществить из-за плохой организации и исполнения (стр. 23–25).

8. В структуре службы военной разведки (СИМ) существовал и малоприметный отдел по подделке документов, изготовлению отмычек и других подобных «поделок» (стр. 26).

9. К типичным упущениям в работе спецслужбы относятся выявленные собственной инспекционной проверкой недостатки работы отдела контрразведки в 1939–40 годах: чрезмерное увлечение спецоперациями за рубежом и ещё больше – личными контрабандными торговыми аферами привели в упадок собственно контрразведывательную деятельность (стр. 27).

10. В годы войны на стороне фашистской Германии, Италия имела четыре разведывательные службы, действующие независимо друг от друга – армейскую разведку, секретную разведслужбу ВМФ, разведслужбу авиации и собственно контрразведку. Что породило множество забавных и вполне трагических ситуаций, вылилось в открытую конкуренцию. Ситуацию только ухудшили пять структурных перестроек «разведсообщества» в течение трёх лет! Ситуацию ещё более усугубляли плодившиеся собственные разведслужбы фашистских банд, следивших также и друг за другом. К примеру, Муссолини поручил руководителю своей разведслужбы установить тайный контроль за деятельностью органов разведки режима (стр. 29, 30).

11. Спецслужбы Италии после свержения Муссолини стали фактическим придатком американских разведорганов, позже – ЦРУ (стр. 41).

12. После создания НАТО, были реорганизованы и спецслужбы Италии. На основе соглашения НАТО разведывательная служба министерства обороны Италии (СИФАР) должна была передавать информацию в специальный центр ЦРУ и получать оттуда инструкции. Между спецслужбами союзников по НАТО обязан был осуществляться полный обмен имеющейся информацией. Кроме этого «уставного» порядка существовали секретные соглашения, которыми предписывались целый ряд других обременительных поручений итальянским спецслужбам (стр. 56, 57).

13. После падения режима Муссолини архивы политической полиции были перевезены

в Рим, где его фактически разграбили те, кто был заинтересован в том, чтобы в списках полицейских осведомителей не встретились имена некоторых политических деятелей, которым удалось доказать свою лояльность новому демократическому режиму (стр. 59).

14. После 1956 года, в связи «со сдвигом» политической жизни Италии вправо, была резко активизирована работа с левой оппозицией секретных служб и структур министерства внутренних дел. На руководящие посты в политической полиции назначаются лица по рекомендации шефа ЦРУ в Италии. Специально созданное подразделение, дислоцированное на конспиративных квартирах, внимательно следит и документирует секретные дела правительства и государства, активно собирает информацию о деятельности министров различных правительственных течений.

В 1978 году один из руководителей политической полиции арестовывается и привлекается к уголовной ответственности по обвинению в контрабанде, незаконных операциях с финансами, добытыми к тому же грабежом. В 1963 году в секретном документе ЦРУ отмечалось, что собранные политической полицией Италии досье на несколько тысяч политических деятелей оказались в руках частных лиц и могли использоваться для шантажа. Правительство предпринимало попытки вернуть эти досье и сосредоточить в архивах СИФАР (стр. 67–72).

15. После назначения по рекомендации ЦРУ начальником СИФАР генерала Де Лоренцо, спецслужба получила солидное финансирование, была оснащена современной дорогостоящей специальной техникой, что позволило ей по уровню работы вполне сравниться с «коллегами» из ЦРУ. Новый глава СИФАР взял на себя обязательство перед американскими спецслужбами, не уведомляя об этом собственное правительство, добиваться всеми силами снижения влияния оппозиции. В числе конкретных поручений ЦРУ, выполненных СИФАР, была установка техники прослушивания и записи личных разговоров президента республики и римского папы (стр. 72–74).

16. «Долгожительство» в должности шефа СИФАР генерала Де Лоренцо во многом было обеспечено с помощью безосновательных, но умело инсценированных и подогретых спецслужбой слухов о якобы существующем заговоре с целью покушения на главу президента Италии. Для «защиты» президента от готовящегося «покушения» были истрачены астрономические суммы денег, в том числе и на приобретение бронированного автомобиля, которым тогдашний президент так ни разу и не воспользовался (стр. 74–75).

17. К 1960 году СИФАР располагала уже не тысячами, а 150 тысячами досье на депутатов, сенаторов, профсоюзных активистов, партийных руководителей и чиновников всех мастей. В числе «подшитых к делу» оказались порядка 4500 священнослужителей и представителей различных епископальных организаций. Характер собираемых сведений становился обширным: к фактам, представляющим интерес с точки зрения государственной безопасности, добавлялись сведения, имевшие интимный характер.

Принцип этой работы был сформулирован чётко: «Знать всё обо всех». В разъяснении к служебным циркулярам СИФАР о порядке сбора информации для досье говорилось, что под деятельностью надо понимать всё, чем занималось интересующее лицо с самых юных лет до сего дня во всех сферах жизни: социальной, коммерческой, личной, а также прочих, даже если оно было задействовано в них случайно. Kontakтами считать все отношения, как личные, дружеские, так и вытекающие из деятельности в вышеозначенных сферах, то есть, с представителями политических, экономических, интеллектуальных кругов, а также с подозрительными или опасными для национальных интересов личностями (стр. 76, 77).

18. Официальным мотивом документирования скрываемых сторон деятельности социально значимых личностей итальянского истеблишмента являлось вроде бы вполне основательное желание постоянно и подробно знать обо всех, кто может быть назначен на высокие посты, а также, кто занят или только привлекается к руководящей деятельности во всех сферах жизни нации. Практика же использования информации из досье была куда как далека от благих намерений, сформулированных в служебных инструкциях СИФАР: итоговые оценки секретной службы на основе материалов досье с течением времени могли

меняться на прямо противоположные, на основе одной и той же информации. Всё зависело от того, на потребности какой политической группы работали в данный момент руководители СИФАР. То есть, аналитическая работа спецслужбы носила сугубо тенденциозный характер, несовместимый ни с какими задачами обеспечения «государственной безопасности» (стр. 77).

19. В практику спецслужб при формировании досье вошло не ссылаться на источник полученной информации, что исключало возможность оценки его достоверности и проверки. Что, в частности, позволило СИФАР самой распространять о неугодных ей лицах порочащие сведения, а затем помещать их в досье с последующим использованием для блокирования карьерного роста или иных подобных надобностей «нежелательных» спецслужбе или её «друзьям» лиц (стр. 78).

20. Проверкой деятельности СИФАР установлено, что после 1976 года начался сбор её сотрудниками преимущественно такой информации, которая могла бы навредить человеку, стать инструментом его шантажа. Смысл получаемых сведений сознательно искажался таким образом, чтобы они представляли личность в наиболее тёмном свете. Широко использовалась практика использования таких «компрометирующих материалов» из досье, чтобы сломать карьеры одних и создать благоприятные условия для других, близких по духу и амбициям.

21. Резко возросла зависимость итальянских спецслужб от ЦРУ. По инициативе которого СИ-ФАР начало готовить вооружённый путч, одновременно усилив разнообразную слежку за «левыми» политическими лидерами с целью выявить среди них тех, кого можно шантажировать (стр. 81, 82).

22. СИФАР, другие спецслужбы понуждались ЦРУ к созданию «команд действия», которые, выдавая себя за левых, совершали бы погромы, налёты на штаб-квартиры политических партий, редакций газет, дестабилизируя обстановку в стране. В архивах резидентуры ЦРУ в Риме обнаружили списки членов крайне правых, военизированных формирований, в которых значились более 2 тысяч человек, способных убивать, подкладывать бомбы, вести пропаганду (стр. 83).

23. В 1962–1963 годах ряд руководителей СИФАР и политической полиции активно готовили группы провокаторов из числа бывших армейцев, моряков и карабинеров, снабжали их формой и оружием. Задача последних – вызывать беспорядки во время митингов, массовых шествий, а в случае переворота – осуществлять поддержку и финансовое прикрытие основных сил путчистов. Финансирование осуществлялось из секретных фондов СИФАР (стр. 85).

24. Пополнение чёрных касс СИФАР в большой мере шло от Конфедерации итальянских промышленников. Часть денег шла на финансирование огромного количества печатных изданий самой разной периодичности и значимости, которые рождались и умирали в прямой зависимости от приливов и отливов денежных поступлений из фондов СИФАР (стр. 87).

25. Возникло противоборство двух концепций противодействия смещению политического режима Италии влево: концепции военных, начавших проводить идеологическую и психологическую подготовку армии к гражданской войне. И концепции руководителей СИФАР, полагавших, что для уверенного манипулирования политической жизнью страны достаточно сильной секретной службы, опирающейся на небольшое воинское подразделение (стр. 93).

26. В 1962 году помощники уходящего по истечении срока полномочий президента, с помощью СИФАР передали журналистам ряд материалов, компрометирующих наиболее вероятных для избрания претендентов на грядущих президентских выборах (стр. 95).

27. В 1971 году решением парламента было предписано уничтожить 34 тысячи досье из 157 тысяч, имевшихся в архивах спецслужбы. Но «приговорённые» досье ещё три года оставались в архиве секретной службы и были многократно пересняты перед тем, как их предали сожжению. Содержавшиеся же в них сведения ещё десятилетия использовались в

качестве орудия шантажа (стр. 104).

28. Традиционный антагонизм между СИФАР (с 1966 г. – СИД) и политической полицией имел следствием их взаимную слежку друг за другом (стр. 105).

29. В организации государственного переворота «Роза ветров» в Италии в 1973 году принимали участие высшие военные чины и руководители военной разведки, старшие офицеры союзного командования Южной группы войск НАТО, сотрудники ЦРУ, СИД (стр. 126–129).

30. Документы совещания НАТО в Брюсселе имели гриф высшей секретности, к которым был допущен только руководитель СИД, а министр обороны, председатель Совета министров и глава государства допущены не были (стр. 131).

31. Наряду с СИД, в Италии действовала «параллельная секретная служба», подчинённая НАТО (стр. 139).

32. Типичный характер карьеры высшего военного чина: командир дивизии карабинеров – заместитель командующего корпуса карабинеров – член коллегии «Банка д'Италия». Обычная ситуация для итальянских спецслужб: руководители и офицеры секретных служб были членами масонской ложи «П-2». Вместе с высокопоставленными сотрудниками «Банко амброзиано» и «Банко д'Америка э д'Италия». (стр. 143, 144).

33. На основе ряда двусторонних соглашений в рамках Атлантического союза, секретные службы стран-членов взяли на себя широкие обязательства по отношению к разведслужбам США. При генеральном штабе обороны под эгидой СИФАР действует отдел безопасности Атлантического пакта. Этому отделу поручен сбор подробной информации, которая служит основой для досье. Сотрудники этого отдела получают такую информацию непосредственно через корпус карабинеров.

Отделы безопасности Атлантического пакта, функционировавшие в министерствах обороны и внутренних дел, имели прямую оперативную связь с центром в Брюсселе, а также контакты с аналогичными отделами других стран союза (стр. 145, 146).

34. Руководитель СИД в 1977 году утверждал, что существует специальный сверхсекретный организм в недрах самой спецслужбы, но опирающийся на скрытые возможности официальной спецслужбы. О котором не известно парламенту и исполнительной власти. И цели которого не совпадают с задачами спецслужб (стр. 147, 148).

35. Существует на Сардинии центр подготовки, созданный в 1969 году СИФАР, как «школа диверсантов». В 1968 году при участии американских специалистов база была расширена и перемещена. В период осуществления «стратегии напряжённости» на базе активно подводилась подготовка гражданских лиц. На краткосрочных курсах обучали терроризму, борьбе с партизанами, саботажу. На длительном курсе – «разведке – дезинформации». После обучения «рекруты» возвращались домой, экипированные в соответствии с полученной «квалификацией». Дома они пребывали как бы «в резерве», объединённые в небольшие группы, руководимые офицером разведотдела ближайшей войсковой части (стр. 155).

36. ЦРУ требовало от СИФАР «программирование многоцелевых акций, мобильно приспособляемых к возможным действиям в чрезвычайных обстоятельствах». На секретной базе СИФАР прошло подготовку свыше 1000 гражданских лиц искусству подрывных действий против государства и на государственные деньги. Поэтому-то все подрывные группы, действовавшие в Италии в 60-е годы, были так похожи одна на другую: террористы, хотя и принадлежали к группировкам разнообразной политической окраски, были обучены в одном месте, одними и теми же инструкторами, в одних и тех же целях. И взрывчатка, которой они пользовались в своих «политических акциях», имела единое происхождение, являясь «даром» секретной базы на мысе Марраджоу или одного из двухсот складов боеприпасов, которыми располагала «параллельная СИД» на территории Италии (стр. 155).

37. Множества нарушений закона секретными службами часто в большей степени связаны с деятельностью ряда лиц, не явившихся официально сотрудниками спецслужб, но тесно с ними контактировавшими. Их роль порой была гораздо более значительной, чем роль

сотрудников секретных служб и их осведомителей, не укладываясь в рамки простого сбора информации, а распространяясь гораздо шире, создавая систему «сил поддержки» спецслужб. На жаргоне спецслужб они зовутся «агенты из кругов», «агенты с весом» (стр. 164).

38. Как правило «агенты из кругов» подвизаются в роли журналистов, публицистов, руководителей печатных агентств, чья «идеология» колеблется в широчайшем диапазоне. А публицистика носит провокационный характер. Финансирование в значительной мере поступает из фондов спецслужб или тех политических, деловых кругов, чьи интересы в данный момент преследуются. Такие лица нередко участвуют и в войнах между различными группировками внутри спецслужб. Одновременно используются и для сбора информации на активистов политических партий, общественных организаций, руководителей профсоюзов, и для создания радикальных групп, способных участвовать в реализации «стратегии напряжённости», шантажа и запугивания организаторов забастовочного движения на крупнейших предприятиях страны (стр. 164–201).

39. «Журналист» Ковалло, ставший по рекомендации спецслужб одним из руководителей общественной организации «Мир и свобода». Служащий миланского центра контрразведки в рамках следствия по фактам противозаконного формирования досье на заводах ФИАТ заявил: «Я являюсь агентом СИФАР с 1952 года и знаю Ковалло со времён «Мира и свободы»... Тогда он поддерживал контакты с полковником Роккой, моим начальником в то время... Рокка помогал ему добиваться финансирования организации промышленными кругами... Я, в качестве подчинённого Роки, получил от полковника приказ присматривать за тем, чтобы Кавалло соотносил свои действия с задачами, входящими в компетенцию Рокки» (стр. 167, 168).

40. Беспринципность «агента из кругов» Кавалло границ не имела: сотрудничая с руководством социалистов, одновременно собирал на них порочащую информацию для досье спецслужб. В течение многих лет Кавалло часто встречался в Риме с Амри Ховардом, агентом ЦРУ с дипломатическим статусом (стр. 171, 173).

41. «Агент из кругов» Кавалло не гнушался приработками на ниве шантажа, участвуя в противоборствах банкиров, промышленников: «Я познакомился с Кавалло во время путешествия где-то в начале 1976 года, которое Эльгардо Соньо, Кавалло и Нино Синдона совершили в Нью-Йорк. Кавалло вошёл в доверие Синдоны... Сотрудничество их заключалось в том, что Синдона снабжал Кавалло документами и фактами против Кальви, которые затем распространялись его агентством». Используя Кавалло в качестве шантажиста, Синдона пытался склонить Кальви к участию в собственных махинациях (стр. 175).

42. Другой «агент из кругов» Дель Амико основал агентство печати, которое СИФАР подорядил на создание 34 тысяч незаконных досье на лиц в политической сфере страны (стр. 178).

43. Созданное Дель Амико агентство печати «Республика» принимает активное участие в наступлении на начальника спецслужбы вооружённых сил (СИСМИ) генерала Лугареди. Позже резко поменяло свою позицию: если до этого выступало сторонником слияния всех спецслужб под эгидой СИСМИ, постоянно и остро критикуя за «некомпетентность» сотрудников армейской спецслужбы (СИСДЕ), то теперь «неожиданно» оно превратилось в активных заступников СИСДЕ, превознося её эффективность. В то время, как, по его мнению, СИСМИ оказалось в глубоком кризисе (стр. 180, 181).

43. Ещё один «агент из кругов» Гундо Джаннеттини 18 октября 1966 года приступил к работе в отделе «Р» (разведка за рубежом) СИД с особыми полномочиями, исходя «из потребностей генерального штаба». В отделе Джаннеттини только получал зарплату. Руководитель отдела «Р» генерал Де Марко сообщил, что приказ о зачислении на работу исходил от начальника СИД.

Обосновал «потребности» генерального штаба глава его канцелярии: «Начальник генерального штаба в этот период собрал около себя круг журналистов... с которыми он

поддерживал хорошие отношения, чтобы те через свои органы массовой информации широко рассказывали о военных проблемах.

Всё время, пока Джаннеттини «служил» в СИД, он поддерживал постоянные контакты с членами международных террористических группировок, а потому находился под постоянным наблюдением другой итальянской секретной службы» (стр. 182, 184).

44. Джаннеттини образовал агентство печати «Ольтремаре», существовавшее за счёт финансовой поддержки секретных служб. В написанной и опубликованной Джаннеттини книге «Техника революционной войны» адаптировал к обстановке в Италии принципы, практикуемые членами групп «чёрного интернационала»:

«Рассматривая терроризм, как таковой, нужно сказать, что он может выступать в двух видах: как терроризм вообще и терроризм избирательный. Первый состоит во взрывах бомб в общественных зданиях и помещениях, на улицах, в местах скопления народа или в стрельбе из огнестрельного оружия по людям наугад...

Избирательный терроризм, напротив, заключается в устранении определённых лиц, тщательно отобранных по ряду причин: тех, что могут быть использованы противником, тех, кто будучи мирно настроенным и умиротворяющим образом действуют на других, мешает обострению борьбы, или тех, чьё устранение повлечёт за собой ответные тяжёлые репрессии, отчего «стратегия напряжённости» может повлечь за собой гражданскую войну» (стр. 190).

45. В декабре 1973 года произошло два захвата террористами гражданских самолётов. При этом были многочисленные жертвы. Расследование установило, что секретные службы Италии были хорошо осведомлены о предстоящей акции. Кроме того, СИД было информировано, помимо израильских, ещё и испанскими секретными службами, но этих данных в министерство внутренних дел не передала. Позже итальянские СМИ привели множество доказательств участия в подготовке упомянутых и других террористических актов сотрудников служб общественной безопасности (стр. 192–194).

46. СИД, другие спецслужбы регулярно использовали СМИ для шантажа имеющимися у них компрометирующими материалами политиков, клерикальных деятелей и... самих спецслужб. Так, в 1968 году СИД опубликовала в «Мондо д'Оджи» фотокопии чеков, незаконно полученных несколькими депутатами правящей партии от спецслужб. Тираж этого выпуска составлял сотни тысяч экземпляров и распространялся бесплатно на улицах Рима и Милана прямо из окон автомобилей, принадлежащих СИД.

Несколькими месяцами спустя, СИД инспирировала в прессе кампанию против Доминиканского университета в Риме, под крышей которого, по сообщению «Мондо д'Оджи», с давних пор происходили встречи людей ЦРУ, высокопоставленных прелатов и крупных промышленников. Был также анонсирован выпуск материалов, героями которого должны стать нацистское гестапо, американское ЦРУ, Ватикан, секретные службы стран-членов НАТО, Орден доминиканцев (стр. 196, 197).

47. Ярким образчиком одного из «агентов с весом» явился Личо Джелли, яркая звезда карьеры которого засияла, спустя долгие годы безвестного сотрудничества со спецслужбами фашистского режима, союзников, после вступления в 1963 году в возрасте 44 лет в масонскую ложу. Где к нему весьма подозрительно относились бывшие антифашисты – видные члены ложи. Но по чьей-то рекомендации в 1960 году был переведен в другую ложу «Пропаганда-2», где проявил себя полной мерой и вскоре возглавил эту обитель посвященных.

Среди новообращённых Личо Джелли членов ложи в 1967 году оказался генерал Аллавена – бывший глава СИФАР. Аллавена, уволенный из СИФАР в 1965 году, передал в ложу большое количество досье, прихваченных им из архивов службы, которые составили основу личной «коллекции» документов Джелли, сделавших его одним из самых влиятельных людей Италии. Несколько позже в ложу «Пропаганда-2» вступает генерал Мичели, тогдашний глава секретной службы армии (стр. 203, 204).

48. В период с 1969 по 1974 годы – период наивысшей активности реализации «стратегии напряжённости» – отношения между секретными службами и масонской ложей

П-2 становится всё более тесными. Спецслужбы всячески мешали следствию по исследованию деятельности П-2, в то же время не менее десятка руководителей спецслужб были её членами.

В свою очередь Личо Джелли сотрудничал с СИД под псевдонимом Филиппо. Среди членов ложи П-2 были «замечены» два генерала – начальник штаба и заместитель командующего корпусом карабинеров. Под крышей ложи П-2 мирно уживались две соперничающие спецслужбы, представленные в ложе высокопоставленными офицерами. В составе ложи «П-2» было более 50 офицеров корпуса карабинеров, составлявшего каркас секретных служб всех других родов. Отношения между ложей и спецслужбами строились на паритетной основе и взаимной информации (стр. 207, 208).

49. В связи с изменением позиции руководства США, считавшего теперь военный государственный переворот в Италии крайней мерой и предпочитавших «бескровный путч», поддерживавшийся умеренными кругами политиков, произошла смена стратегий и в деятельности секретных служб страны. Лечение «болезней» страны с помощью «правого» террора, направляемого спецслужбами, было признано тактически менее выгодным, нежели достижения тех же целей с помощью противоположного – «красного» – экстремизма.

Однако внесение в деятельность спецслужб тактических и стратегических корректировок вызвало достаточно сильное сопротивление «твердолобых» руководителей и сотрудников в их структурах. Что, в частности, выразилось в длительном и жестоком противоборстве двух генералов – руководителей отдела «Б» и шефа всей СИД, победителем из которой вышел как раз сторонник новой стратегии генерал Малетти. (стр. 216, 217).

50. Приведено одно из редких откровений в интервью генерального прокурора Рима газете «Мондо»: «Мы намерены выдать ордер на арест квестора Анжело Маньяно, чтобы взорвать крепость покровительства, его защищающую... Мы обнаружили штаб квартиры учреждения, где стояла аппаратура подслушивания разговоров в кабинете судьи Скулланте... Необходимо кардинально почистить полицию...

Коррупция в полиции началась ещё во времена Тамброни, и сейчас нелегко вырвать её с корнем. Потому, что создание в полиции отдела тайных дел и передача ему права трактовать по своему усмотрению деликатную информацию, означали появление механизма шантажа, которым не избежали соблазна воспользоваться не только руководящие работники, но и подразделения среднего звена» (стр.218, 219).

51. Победа начальника отдела «Б» генерала Малетти над своим шефом и начальником СИД генералом Мичели произошла не только благодаря назначению министром обороны его давнего покровителя Джулио Андретти, но в ещё большей мере за счёт поддержки международных разведцентров, с которым тот был связан с давних пор. И которые внесли коррективы в свои стратегические планы, порой не совпадающие с планами национальных спецслужб (стр. 210).

52. Тактика секретных служб для защиты от «назойливого внимания» правоохранительных органов достаточно проста и эффективна:

1) Наиболее «популярным» приёмом является организация давления на следователя, прокурора, судью с использованием конфиденциальной информации на самих работников правоохранительных органов, а также на членов их семьи.

2) Перегрузка следствия анонимными доброжелателями, обилием материалов с целью утопить расследование в море подлежащих проверке сведений, фактов. Сопровождается организацией интенсивной дискуссии в СМИ по обсуждению новых материалов. Одновременно подключаются и «опытные коллеги», советующие следователю поскорее завершить расследование по причине достаточности собранных доказательств. Предполагается оказание давления на свидетелей с целью понудить их отказаться в суде от ранее данных показаний, что позволит оправдать обвиняемых за недостаточностью улик.

3) Использование спецслужбами вышестоящих судебных органов (через «своих ребят», масонов, правительственных чинов, депутатов и т. п.), обладающих правом затребовать любое дело и передать его в руки другого следователя.

4) Возможно включение в оперативноследственную группу сотрудников заинтересованных спецслужб с тайной программой действий (стр. 233–234).

53. В спецслужбах постоянно возникали ситуации, когда службы перехвата информации сообщали о подготовке подрывных акций, которые организовывали сами спецслужбы. Естественно, что записи прослушиваний никогда не попадали в руки следователей (стр. 240).

54. 18 января 1971 года газета «Лотта Континуа» опубликовала статью, в которой утверждалось, что существует секретный доклад СИД по поводу найденных в здании суда в Тренто бомб. В докладе указывается, что проведённое расследование дало основание считать это дело рук «полицейского корпуса», а потому следствие надлежит прекратить (стр. 242).

55. На запрос судьи в адрес главы правительства Италии о правомерности отказа СИД предоставить ему запрошенные документы был получен ответ, что истребуемые документы действительно относятся к области, связанной со специфической контрразведывательной деятельностью и содержат сведения об иностранцах, агентах-осведомителях, шифры разведывательных операций и другую информацию, затрагивающую политические и военные интересы государства, не подлежащие разглашению. Полученные же судьёй 71 страница текста документов из спецслужбы были столь густо замазаны цензурой, что понять смысл нетронутых текстовок было просто невозможно (стр. 255).

55. Газета «Република» опубликовала интервью с офицером СИД об отношениях между военной спецслужбой и инспекторатом по борьбе с терроризмом министерства внутренних дел. В котором сотрудник СИД заявил: «Каждый работает сам по себе. Что касается отношений, то хуже не бывает. У каждой из служб есть свой, как говорят англичане, «скелет в шкафу», то есть свои покровители, круговая порука, закон молчания и собственные внешние контракты... Вы все заикнулись на ЦРУ. Да, ЦРУ существует, и у него огромные возможности. Но вы никогда не задумывались, например, о возможностях ФБР? В противовес сложившемуся мнению, его агенты действуют не только на территории США. А взять немцев? До сих пор живы некоторые из службы Гелена. Это очень жестокие люди, не пренебрегающие никакими средствами» (стр. 267–269).

56. В то время, когда работники следственных органов, рискуя жизнью, вели труднейшую борьбу с терроризмом, представители других государственных институтов, прежде всего в лице спецслужб, делали всё, чтобы сорвать их усилия. Что выглядело в глазах общества, как самый настоящий сговор (стр. 272).

57. На допросе осуждённый за контрабанду наркотиков американский бизнесмен Старк заявил, что, как в Америке, так и в других странах случается, что служащие посольств являются сотрудниками спецслужб, о чём не знает даже посол (стр. 275).

58. Даже хорошие законы никак ещё не достаточны, чтобы органы государства, особенно спецслужбы, служили интересам государства, а не отдельных групп и центров власти и своих собственных – внутрикорпоративных (стр. 280).

59. Реорганизация спецслужб Италии в 1977, при которой спецслужба армии СИД теряла ряд функций, передавая их новой структуре – службе информации и демократической безопасности (СИСМИ) – вызвала острейшую борьбу среди руководства уходящей СИД за ключевые посты в новых спецслужбах и органах по их управлению. Кроме того, СИД отказывалась передавать спецтехнику, инфраструктуру, кадры, банки информации новой секретной службе (Стр. 281).

60. Полная разбалансировка, рассогласованность действий вновь созданных спецслужб периода их перестройки усугублялась глубокими разногласиями между главой «надзорной» инстанции и руководителями обеих спецслужб. Прежде всего из-за категорического сопротивления последних против вмешательства в их деятельность (стр. 287).

61. В случае с похищением и убийством премьер-министра Италии Альдо Моро, спецслужбы страны не сделали ничего достойного, значимого: шла ожесточённая грызня, как между спецслужбами, так и внутри них за престижные должности. Прекратить это губительное для страны состояние спецслужб было некому (стр. 290).

62. В феврале 1979 года газета «Република» опубликовала материалы совершенно секретного доклада, закрытого для любого человека, не американца по национальности, в которых главным тезисом была крайне негативная оценка деятельности СИСДЕ. Автор доклада сотрудник американской военной спецслужбы указал высочайшую степень доверия к источнику информации и достоверности полученных от него сведений.

В неофициальных беседах с журналистами руководители военной спецслужбы (СИСМИ) довольно откровенно рассказывали об отношениях между сотрудниками итальянских спецслужб с американскими коллегами: «Мы привыкли относиться к американцам, как к непрекаемым авторитетам, которым нельзя ни в чём отказать и перед которыми нелишне вывернуться наизнанку, особенно если хочешь сделать карьеру» (стр. 293, 295).

63. В 1975 году СИД было поручено выяснить связи лидера Новой народной партии Фолини, подозреваемого в нелегальных контактах с Ливией. Негласное расследование установило участие в афёрах с нефтью элиты финансовой гвардии, а потому было прекращено (стр. 296).

64. В связи с обнаруженными при обыске списками членов масонской ложи П-2, секретные службы Италии оказались в пикантной ситуации: там рядом с именами представителей военной элиты стояли имена руководителей СИСМИ и СИСДЕ. Членами ложи оказались семь из девяти членов координационного органа по спецслужбам при премьер-министре страны (стр. 299).

65. Обнаруженные у масонов документы свидетельствовали, что и вновь созданные после реорганизации спецслужбы страны противозаконно продолжают использоваться в политических целях: в слежке за оппозиционными, «недружественными» депутатами парламента (стр. 301).

66. По классическим законам протекционизма на работу СИСМИ были пристроены дети и родственники многих сотрудников СИФАР и СИД. Два принадлежавших службе самолёта были заняты исключительно перевозками уходящих в отпуск политических деятелей и их родителей. При службе кормилось несколько десятков щедро оплачиваемых «консультантов», функции которых были абсолютно неясны. Ряд старших офицеров СИМИ были уволены за непомерное разбазаривание денег службы (стр. 303).

67. К 1983 году следствие о подпольной торговле оружием и наркотиками установило личности ключевых фигур этого преступного промысла. Ими оказались бывшие сотрудники секретных служб, до сих пор поддерживавшие с ними добрые отношения. Выявлены «параллельные структуры» СИСМИ, которыми служба руководит и которые осуществляют специфический «социальный заказ» – контрабандно торгуют оружием (стр. 305, 306).

68. Сдвиг Италии влево вызвал в определённой части международных политических кругов тревогу. Именно ими было принято решение о создании сильной структуры контроля за жизнью Италии. Таким образом, рядом шли два антагонистических процесса: расширение участия в политической жизни страны социальных слоёв, в прошлом от неё отторгнутых, и усиление контроля за жизнью граждан и воздействия на политическую жизнь со стороны секретных служб. То есть, чем дальше общество и государство двигалось к реальной демократии, тем сильнее становилось противодействие этому тайных структур (стр. 315).

69. К услугам, как отдельных сотрудников, так и целых подразделений спецслужб прибегали крупнейшие промышленные группы, втянутые в экономические соперничества. И сами секретные службы всё чаще пользуются могущественными ТНК в ущерб интересам отдельных стран. Хотя порой трудно разобраться, кто кого использует (стр. 316).

79. Анализ деятельности итальянских спецслужб за полвека их существования свидетельствует об их неустрашимом неуважении к закону, с которым невозможно справиться любым реформированием секретных спецслужб. Феномен масонской ложи «П-2» доказывает, что подрывные структуры могут возникать и развиваться даже при наличии самого строгого контроля за деятельностью официальных секретных служб (стр. 315–317).

Завершая настоящую главу, можно с высокой долей уверенности утверждать, что при

создании подобной книги в другой стране, которой российские спецслужбы оппонируют по мере своих способностей и возможностей, главными объектами обличений авторов многочисленных книг по данной теме стали бы прежде всего советские спецслужбы, их руководители и сотрудники. А в основе – изобилие свидетельств, документов, фактов. Один «архив Митрохина» чего стоит в этом отношении.

И это утверждение не так уж несправедливо: несмотря на множество особенностей, отличий в мотивациях, технологиях, приёмах, средствах, формах жизнедеятельности в разнообразных странах, принципиально все спецслужбы мало отличаются друг от друга.

13. Некоторые выводы и обобщения

До того, как начать завершающую главу, несколько «зарисовок» современного американского кинематографа о любимом объекте Голливуда – ЦРУ. Речь идёт о недавно вышедшем в прокат фильме Роберта Де Ниро – обаятельного и наиболее адекватного правде жизни актёра – «Добрый пастырь»,⁴⁷ посвящённого внутренней жизни ЦРУ. Вот некоторые умозаключения автора рецензии на этот фильм:

«Изумляет уже то, что у истоков ЦРУ стояли не кто-нибудь, а представители элиты, в основном выпускники Йельского университета. На Де Ниро идея изначальной элитарности и даже корпоративности ЦРУ (где все, по идее, должны поддерживать друг друга – как обычно поддерживают выпускники одних и тех же престижных вузов) нужна для того, чтобы выразить мысль. Она вот такая: работа в спецслужбах губительна для их сотрудников, их близких и даже случайных любовников-любовниц...

Попасть в разведчики – наибольшее несчастье, какое только может случиться с человеком. Никакой йельской корпоративности. Разведчики – самые одинокие люди на свете, потому что никому ничего не могут доверить: всегда на всякий случай надо предполагать, что твой коллега и вчерашний сокурсник – «крот», чужой шпион, двойной агент...

По фильму выходит так, что едва ли не главная забота организаций типа ЦРУ – борьба не с врагом, а со своими же. Её главная цель – уберечь своих от любых случайных связей. За своими следят, как не следят за врагом. Едва ты, соблюдая конспирацию, устроил единственное свидание с любовницей, как фотографии уже услужливо подброшены твоей жене. Плохо – когда свои, боясь, что сотрудник разведки сболтнул в постели любовнице лишнее, спешат нанести превентивный удар. И попусту убирают либо любовницу, либо самого сотрудника. При этом, если опять-таки верить фильму, натуральных шпионов и «кратов» в ЦРУ часто не распознавали».⁴⁸

И если бы дело ограничилось только перечисленными издержками профессиональной жизни сотрудников спецслужб – увы! Реальность – в различных вариантах, модификациях – изобилует и другими «свинцовыми мерзостями» профессионального бытия. Которые в совокупности и на длительных жизненных отрезках постоянного воздействия на психику «выдают» на выходе настолько своеобразный социальный психотип, что случись кому-то дать его правдивое воплощение – получилось бы нечто весьма и весьма отвратительное и отнюдь не демоническое. Скорее нечто среднее между мафией, профессиональным мошенником и ненавязчивым инопланетянином, способным как угодно мимикрировать. А может и еще с какими-то оригинальными «примесями».

Тем более, что интеллектуалы из привилегированных университетов «Лиги плюща» составляли лишь незначительную по численности составляющую в общем количестве сотрудников, ни тем более нравственно-духовными качествами не выделяются в лучшую

⁴⁷ В прокате он назван «Ложное искушение». – Д.Б.

⁴⁸ Юрий Гладильщик «Так закалялось ЦРУ». «Известия». 28.02.2007 г.

сторону среди общей массы своего социума. Выделяются же – и весьма рельефно – активным мельтешением в коридорах власти у крупной собственности, незатейливой настырностью в зонах своих интересов, агрессивностью и напором в межличностных контактах и ещё многим подобным. И, конечно, весьма высоким уровнем жизнеобеспечения и ещё более высокими претензиями на разнообразные привилегии и иные статусные возможности.

Этим ограничим наш кинематографический экскурс. Наши впечатления целесообразно изложить в виде двух разновеликих групп: первая своеобразие качественных характеристик, особенностей, как соответственно самих сотрудников спецслужб, так и в целом спецслужб, как вида корпоративной деятельности. Во вторую группу будут включены предполагаемые сотрудники следствия деятельности спецслужб.

I. Особенности качественных характеристик, условий жизнедеятельности сотрудников спецслужб и самих структур госбезопасности

1. Спецслужбы, после крупного бизнеса, – вторые для отбора наиболее пригодных человеческих ресурсов. По финансовому и иному ресурсному обеспечению спецслужбы в любых государствах – только первые. Опережают даже военных, что, правда, почти не снижает накал жалоб генералитета секретных служб на недостатки финансирования и обеспечения.

2. Обширная героическая мифология спецслужб и дислокация их структур преимущественно в столицах и крупных административно-экономических центрах практически сводит к нулю тяжелейшую кадровую проблему военных – удержание лейтенантов и капитанов в армии.

3. Героическая мифология и высокий социальный статус основных категорий граждан, находящихся под присмотром спецслужб, быстро и основательно формирует у молодых сотрудников сильно преувеличенное представление о собственной особой значимости. Которое становится основой глубокой уверенности сотрудников спецслужб в своём социальном мессианстве, какой бы при этом грязной и кровавой ни была выполняемая работа.

4. Мотивация деятельности молодых сотрудников спецслужб, опытных бывалых службистов и начальства разительно отличается: от формально правильного, романтически восторженного стремления как можно лучше служить Отечеству, через быстро накапливающийся скепсис, к искусно скрываемому пониманию своей ненужности, враждебности всем и стремлению успеть решить как можно больше лично-семейных проблем. Да ещё своим давним и самым неприятным недоброжелателям – в службе и вне её.

5. В процессе служебной деятельности внутри кадрового состава происходит устойчивый процесс «разделения на фракции»: большая часть – без родственных связей и личных амбиций – составляет «рабочее тело», «пехоту» спецслужбы. Небольшая по численности группы истовых службистов, наделённых изрядным умом, волей, честностью, составляет категорию руководителей среднего звена, несущего главную нагрузку в исполнении задач службы.

Третья – и весьма немалая числом – фракция, состоящая по преимуществу из детей высокопоставленных родителей, бывших генералов спецслужб, а также из представителей вечной категории угодников, ориентированных преимущественно на личную карьеру обретения с использованием служебного положения, составляет слой, из которого выходят генералы и их многочисленные порученцы, «особо доверенные» исполнители «деликатных», часто весьма сомнительных поручений.

6. Непроницаемая корпоративная замкнутость наиболее важных оперативных подразделений и высших уровней руководства спецслужб обусловлены во многом «семейным подрядом» на определённые виды разведывательной и контрразведывательной

деятельности. Семейственность не только предельно усиливает корпоративную замкнутость, но ещё более развивает элитаризм – основу мотивированной предрасположенности к правонарушениям, как формы реализации задач спецслужбами.

7. Специфика деятельности спецслужб – прежде всего, маниакальное стремление не оставлять следов, любых признаков своего авторства в любых действиях, свойственное спецслужбам – приводит к специфическим профессиональным деформациям личности сотрудников спецслужб.

Специфика деформаций проявляется для окружающих (знакомых, дальней родни, одноклассников и т. п.) в том, что действующие или бывшие разведчики и контрразведчики не могут «ходить в упряжке» никаким образом, не желают быть ни в чём ведомыми. Никогда не бывают открыты и искренни, в любых передерягах спасают себя, а не других, либо ценой других (бывают, хоть и нечасто, исключения).

Этот тип людей не доверяет никому, менее всего – своим руководителям и политическим «вождям».

Одним словом, обученные школой спецслужб практически не пригодны ни к какой коллективной, созидательной, производительной деятельности. Единственно, где они хороши всегда, так это там, где нужно рассорить, запутать какой-либо коллектив, дезорганизовать какой-то важный производственный, политический, любой другой социальный процесс.

8. Доля усилий, затрачиваемых в процессе служебной деятельности сотрудниками спецслужб, затрачиваемых на решение своих личных проблем, преследование личных интересов с использованием служебных обязанностей, всегда ощутимо значительна. И колеблется в весьма широких пределах: от, примерно 25 % у лейтенантов и капитанов (велико давление вышележащих уровней управленческих иерархий), до 75–90 % у высшего генералитета.

При этом, если на уровне лейтенантов используется для себя по преимуществу личные усилия, то на уровне начальства решением личных проблем преимущественно занимаются уже подчинённые структуры со многими сотрудниками. Примиряет с такой практикой простой и понятный принцип: что хорошо для генерала – не вредно и для общества.

9. Выдвижение на вакантные руководящие должности в спецслужбах только на самых нижних уровнях командных иерархий происходит с учётом профессиональных деловых качеств сотрудников. С каждым новым последующим уровнем стремительно возрастают иные «контрольные параметры» кандидатов, учитываемые в первую очередь: чей сын, чем, как значимо может «отблагодарить», на какие услуги начальству политическим вождям, готов. Что само по себе приводит к «братанию» спецслужб с истеблишментом страны на уровне высших и региональных руководителей органов госбезопасности.

10. Умелое манипулирование немногочисленными профессиональными успехами, удачами, возведёнными талантливыми кинематографическими работами в «норму жизни» тех или иных спецслужб, в обыденности позволяют личному составу и руководству спецслужб спокойно заниматься в том числе и рутинной, и собственными делами, прикрываясь успешной работой всего лишь нескольких процентов действительно высокопродуктивных, профессионально подготовленных, самоотверженных сотрудников. В отсутствие хоть сколько-нибудь объективных систем оценок службы, единственным «отчётным» показателем удач, расцветиваемым на разные лады в разных инстанциях и глухое умолчание о всех просчетах и поражениях.

11. Глухая секретность служебной деятельности спецслужб позволяет безнаказанно совершать любые финансовые злоупотребления и даже корыстные преступления по присвоению, растратам казённых денег. В структурах спецслужб бесследно и бесшумно, как вода в сухом песке, исчезают любые суммы денег из любых источников. Ярчайший пример – сенатские разбирательства в Конгрессе США по поводу «исчезнувших» без следа с помощью ЦРУ за 4 года в Ираке 12 миллиардов долларов (300 тонн купюр) – в дополнение затраченным на иракскую войну 500 миллиардам.

12. Традиционный «джентльменский набор» спецслужб (кроме бесконечно варьирующихся, всё более сложных, глобальных технических систем тотального слежения) традиционен и не подвержен особым изменениям: деньги. Деньги для коррумпированных правительственных чинов, политиков «сопредельных стран», для найма мафии, для вооружённой борьбы партизан, террористов.

Деньги для скупки военных, научных и иных секретов геополитических оппонентов. Деньги на проплаты кампаний в СМИ, организацию выборов «дружественных» политиков президентами, парламентариями. Деньги для всяких разных «непредвиденных расходов». И не просто деньги – обилие денег: чтоб хватило на достижение указанных целей при бесконтрольных безмерных вычетах сумм из ассигнованных объёмов на личные нужды всей цепочки сотрудников спецслужбы, участвующей в реализации профинансированного проекта.

Такие обязательные «вычеты» по неафишируемой инициативе «бойцов невидимого фронта» могут колебаться от половины до 90 % выделенных сумм. Там, где положительный результат достигнут, благодаря удачному стечению обстоятельств, на внутреннее потребление уходят все 100 % ассигнований, увеличенные на суммы наградных и премиальных «победителям».

13. Наиболее опасная и разрушительная для социумов категория – бывшие сотрудники спецслужб, так называемые, «свои ребята»: лишённые всякого начальственного водительства и хоть какого-то присмотра, «бывшие» без колебаний пускаются во все тяжкие во имя прибылей, обретений без меры и числа.

При этом используют полной мерой свою информированность, профессиональные навыки, а главное – связи в деловом, криминальном, чиновном мире, а также со своими ещё функционирующими в спецслужбах коллегами.

Оседая в самых доходных – «грибных» нишах деловой и политической инфраструктуры социума в качестве исключительно ненавистных потребителей-обретателей, для которых смысл жизнедеятельности – ничего общественного, только личное – деклассированная и деморализованная публика превращает большую часть занятых поприщ в труху.

14. Одним из самых «популярных» промыслов бывших сотрудников спецслужб, в том числе и руководителей, является торговля накопленными и вынесенными негласно «компроматами», иными секретными сведениями. Обычно это удел тех, кто не сумел более-менее прилично устроиться и чувствует себя обойдённым законно причитающимися ему благами.

15. Наиболее жёсткими, контролируруемыми формализованными являются служебные отношения сотрудников спецслужб «тоталитарных режимов» (КГБ СССР, спецслужбы нацистской Германии, спецслужбы Китая), благодаря чему, неделовые «коммерческие» отношения личного состава органов государственной безопасности сведены, в интересах нации, к уровню, при котором их составляющая наиболее оптимальна.

16. Наличие любых наборов сколь угодно строгих и обширных законов по контролю за спецслужбами никакого практического значения не имеют: даже если и найдутся отчаянные парламентарии, вельможи, которым удастся собрать впечатляющие обличительные материалы, ничего существенного им не дадут ни их коллеги, ни их соратники, ни истеблишмент, как таковой.

Ибо в мире власти и денег нет места борьбе за законность и справедливость, а есть место только взаимовыгодным сделкам, компромиссам, гешефтам по любому поводу. Позиционно сильнее и режим секретности их закрывает наглухо, и их информированность о любых лицах и процессах несопоставимо обширнее, и их возможности оказывать давление на любых оппонентов с помощью СМИ, налоговых органов, полиции весьма обширны.

17. Гордость спецслужбы – массивы компрометирующей информации, рассортированные по досье – всегда низкого качества, перегружены домыслами оперативных работников и аналитиков спецслужбы. А потому совершенно непригодны в

качестве «фильтров» для отбора доброкачественных кадров в структуры государственной власти и управления. Используются полной мерой только в противоборствах различных политических, деловых и иных кода за должности, синекуры, сферы влияния и т. п.

18. Спецслужбы – инструмент доминирования или попрания соперничества, конкуренции во всех их видах, имеющих место быть в социумах и государствах. А не средства реализации идей законности, правопорядка, социальной стабильности и справедливости. Карьера сотрудника спецслужб в абсолютном большинстве случаев – не реализации идеи служения нации, обществу, государству, а в подавляющей части только, как форма личного, семейного жизнеобеспечения, карьерного строительства, реализации личных честолюбивых замыслов.

Среди «блатников» – детей разнообразных «высокопоставленных» – это сплошь, иного вообще не случается. В такой ситуации надежды любых социальных групп на какую-либо доброкачественную «защиту» от чего-либо (терроризм, засилье «агентов влияния», коррупция и т. п.) – иллюзорны всегда. Кроме спецслужб «тотальных режимов», либо коротких периодов ожесточённых мировых войн.

19. Бесспорно, сотрудники и руководители спецслужб – одни из самых активных участников процесса «творений историй». Но истории в её одном из самых худших, кровавых и грязных вариантов, где «творение» основано на подлости, предательства, продажности, уголовных преступлениях. Истории, как непрерывного нисхождения цивилизации к Апокалипсису.

20. История взаимодействий и противоборств в реальном измерении почти отсутствует, но обильно представлена взаимными «окошмариваниями» демонизациями во всех видах и ракурсах: от аналитических обзоров, оценок и сценариев развития событий для политической власти до киносериалов о собственных героях невидимого фронта и подлых коварных и могущественных врагах – для «широких народных масс». Ни одна другая фрагментарная или неформальная структура государства или общества так не злоупотребляет мифами для своего «паблисити» и во имя вполне земных обретений и благ.

21. Опора сотрудников любых спецслужб в своих и зарубежных государствах всегда либо люди каким-то образом ущербные нравственно-этически, либо – откровенные отбросы обществ. Редкие исключения участия в провокациях, разведдеятельности иностранных спецслужб по идейным соображениям ничего не меняет в этом тезисе.

22. Спецслужбы обладают рядом постоянных, неотторжимых тактических преимуществ перед другими институтами государства и общества. Все, кто представляет выборную политическую власть, якобы руководящую и контролирующую спецслужбы, во-первых, вполне обоснованно её или опасаются, а в ряде случаев и по-настоящему боятся. Во-вторых, все они люди сугубо временные, а кадровый состав спецслужб – постоянен, постоянны и обречены на очень долгое хранение и их банки информации. Всякой.

Даже очень крупные дельцы, в подчинении, у которых есть свои мощные и оснащённые службы безопасности, не в состоянии долго и надёжно противостоять интригам серьёзной спецслужбы, способной включить в войну и СМИ, и политиков, и налоговиков, и полицию.

Об уголовных авторитетах и не речь – развернуть против любой «семьи» полицию с помощью её генералов для спецслужб вопрос несложной техники. А при необходимости – отстрелять любое количество мафиози, включая самого пахана.

Сложнее только с масонами, где присутствуют в полный рост и другие спецслужбы, и военные, и политики, и криминальные авторитеты, и банкиры: всё равно, что собственной правой рукой воевать против своей левой. Да и по долгожительству масонские структуры не только не уступают спецслужбам, но часто даже превосходят их.

Клир в каждой отдельно взятой стране не в состоянии сколь-нибудь достойно противостоять органам безопасности и обречён или дружить, или сотрудничать. Потому-то в государствах все структуры, «ветви» власти решительно предпочитают дружить и сотрудничать со своими спецслужбами, нередко – и с чужими.

23. Наравне с армиями, полициями спецслужбы в обычных условиях существования государства только разрастаются, обрастают всё более сложными, эффективными, техническими средствами, взаимно обуславливая точно такие же процессы у своих традиционных оппонентов в зарубежных.

Вместе со всем этим и постоянно снижается безопасность, как международной, так и внутренней жизни социумов, всех его составляющих групп. И, естественно, стремительно возрастает себестоимость обеспечения личной безопасности принадлежащих к «элитам». Особенно контрастно этот процесс выглядит в современной России, где количество охраны определяется не только обеспечением собственно безопасности (от профессиональных убийц они спасти не могут), но прежде всего, престижем, статусом охраняемой персоны.

24. По возможности защититься от опасности быть убитым, покалеченным, посаженным в тюрьму, оболганным наиболее опасны как раз спецслужбы, а не структуры оргпреступности. Против вторых есть целый ряд приёмов защиты – с опорой на правоохранителей и без.

От злонамеренных действий спецслужб практически защититься невозможно: они сами элемент охраны «конституционного порядка». Если решение кого-то уничтожить принято на серьёзном уровне, вряд ли спасёт даже бегство за рубеж под крылышко тамошних спецслужб.

Единственное, чем криминальная практика отличается от общеуголовной, так это тем, что концентрируется на очень узкой социальной группе, а не на всех, как это происходит с уголовными преступлениями. Жертв у спецслужб в 30–40 раз меньше, чем у уголовных преступников. Но социальные следствия от криминала спецслужб несопоставимо выше: смена политических лидеров сопровождается часто серьёзными изменениями в социальных процессах общества.

25. Главными источниками «внебюджетных» прибытков спецслужб, бесконтрольное расходование которых особенно прибыльно для сотрудников и руководителей, являются выплаты ТНК, банков, прочих корпораций и «набеги» на сокровищницы организованной преступности (общаки, склады наркотиков, выручка игорных домов и т. п.). Именно поэтому противоправная практика крупного бизнеса и структур организованной преступности является скорее предметом обережения и развития для спецслужб. А вовсе не объектом подавления и изведения. Что выражается в почти тесной дружбе с капитанами бизнеса и преступности.

26. Сотрудники и руководители спецслужб, как ни о чём другая категория государственных служащих, защищены от уголовного преследования со стороны правоохранительных органов за любые должностные правонарушения, преступления сколь долго бы они не совершались. И вовсе не потому, что наделены по закону какими-то иммунитетами: правоохранительные руководители, кровно заинтересованные в «добрососедских» отношениях и даже дружбе с руководителями спецслужб, не позволят своим подчинённым расследовать преступления коллег.

27. Политики, законодатели заинтересованы не в расследованиях и пресечениях злоупотреблений, правонарушений спецслужб, а исключительно только в постоянных «бартерных» сделках: взаимная терпимость и безграничное взаимопрощение ставших известными разнообразных «шалостей». Широкий обмен «взаимопомощью» по избежанию ответственности за любые правонарушения и преступления во взаимодействии властвующих и спецслужб – самая любимая сфера жизнедеятельности этих фрагментов «элиты» социума.

28. Сотрудники спецслужб быстро понимают, что служить национальной, значимой мировоззренческой идее – значит противоборствовать, конфликтовать с большинством сослуживцев, противоборствовать с начальством, «сильными» людьми в бизнесе, политике. То есть, гарантированно жить только на зарплату, без всяких карьерных взлётов, под зуботычины и пинки за любые малозначительные служебные упущения. Очень немногие соглашаются нести такой крест. Да и те живут в спецслужбах недолго.

29. Главный тактический приём спецслужбовской братии в борьбе за оптимизацию

своего жизненного обустройства копирует азбучные, но спорные приёмы военной тактики: зацепиться за плацдарм – укрепиться, накопить силёнок – и расширять зону временного успеха. Применительно к своей социальной практике сотрудники спецслужб распределяются в качестве друзей среди всех доступных к открытому общению значимых персон на «вверенной» подразделениям спецслужб территории.

Политическая окраска, мировоззрение, конфессиональная и этническая принадлежность перспективного чиновника, дельца практического значения не имеет. Сама по себе такая дружба уже и выгодна, и приятна, и повышает значимость в собственной корпорации. А при серьёзном взлёте «политического друга» в 9 случаях из 10 в каком-то качестве «взлетает» по карьерной лестнице и друг из спецслужб. В «прорыв» полноводным потоком устремляются и друзья – соратники из спецслужбы. Те, кому не удалось удачно пристроиться в этом раз, ищут новых подобных возможностей с другими «ракетами-носителями». Благодаря именно этой тактике, коридоры власти и денег всегда переполнены бывшими и действующими работниками спецслужб – по преимуществу полковниками и генералами.

30. Если социально значимые люди преимущественно – цели для сотрудников и руководителей спецслужб, то остальные – только средства для достижения каких-либо целей. Точно так же, как и для масонов, для мафии, для политиков, дельцов. И никакие там не врачи – лишь «расходный материал» для разнообразных служебных, коммерческих, политических нужд. И никогда – объект забот, обережения во имя гуманности или ещё чего-то там такого. Как это от века бытует повсеместно в человеческих обществах.

Успешно действующие в обществе спецслужбы в вопросах «подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров» явление сугубо отрицательное: их многочисленные и многообразные (от жилконтор до парламента, правительства) «агенты влияния», будучи по преимуществу людьми в чём-то всегда ущербными, гарантировано и изрядно снижают качество власти и управления в стране. В том числе и потому, что работает только на частный, групповой интерес в ущерб общенациональному. Естественно, что такая «управленческая» практика всегда в ущерб и законности: блатные никогда не могут выжить в условиях законности, а потому её попросту отбрасывают.

31. Общие принципы практической «деловой этики» политиков, спецслужб, ТНК, банков, масонов, мафии:

- а) «Целесообразность выше закона».
- б) «Не проболтается тот, кто ничего не знает».
- в) «Не подмажешь – не поедешь!».
- г) «Нет трупа – нет уголовного дела!».
- д) «Лучше быть головой у мухи, чем хоботом у слона».
- е) «Труп врага хорошо пахнет».
- ж) «Деньги не пахнут!».
- з) «Умри ты сегодня, я – завтра!».
- и) «Все средства хороши».
- к) «Прав тот, кто стреляет первым».
- л) «Кого нельзя купить за большие деньги, можно купить за очень большие».
- м) «Нет человека – нет проблемы!».
- н) «Живём один раз!».
- о) «В политике (бизнесе) друзей нет».
- п) «Друзей нельзя купить, но можно продать!».
- р) «Обмани ближнего, иначе он обманет тебя».
- с) «Не пойман – не вор!».

В практике жизни уголовники ведут себя много приличнее прочих осколков «элиты», потому что их этика включает в себя многие нормальные человеческие моральные нормы. В то время, как у масонов, политиков, сотрудников спецслужб такого не наблюдается.

32. Для традиционных спецслужб «среднестатистическое» распределение усилий

«среднестатистического» сотрудника и руководителя между проблемами государства, собственной корпорации и личными интересами с известными приближением вполне возможно представить как соотношение 1:45:60. Отклонения по отдельным странам и эпохам могут варьироваться в широком диапазоне. В сталинском периоде СССР, к примеру, такое соотношение прочитывалось в обратном порядке цифр.

33. Те, кто связал свою судьбу со спецслужбами, подписали с судьбой нерасторжимый типовой договор, главной составляющей которого является отказ от собственных убеждений, возможности следования своим нравственным императивам – в обмен на отличные перспективы карьеры, обретений, наилучшее из возможных кормление и высокий социальный статус.

Этот договор «пожизненного найма» нерасторжим прежде всего потому, что вне системы обретенных служебных, дружеских связей, высокого социального статуса практически всех обретенных и включенных в совокупную систему взаимоотношений «друзей», действующий или бывший сотрудник спецслужб ничего и не может. То есть, ни на что совершенно не способен. Кроме того, у сотрудника спецслужб, точно так же, как у заядлого карточного игрока, присутствует пожизненно ощущение неодолимого азарта в неистовом устремлении к очередному крупному жизненному выигрышу. В этом отношении эта публика, с точки зрения психиатра, неизлечимо больна.

34. «Себестоимость» существования спецслужб сопоставима с постоянно идущей средней руки локальной войной (вроде нынешней иракской) и совершенно не заставит от уровня эффективности работы той или иной спецслужбы. Но, в отличие от «горячей» войны, где есть шанс на победу, трофеи и геополитические обретения, чем активнее деятельность спецслужб, тем значимей и неодолимей грядущие проблемы государства и социума, порожденные «победами» собственника спецслужбы.

35. Будучи, как и все «элитарные», патологическими эгоцентристами, сотрудники спецслужб в любом каждом «бое столкновении» инстинктивно следуют двум главнейшими императивами своего «эго»: прежде всего сохранить и уберечь себя любой ценой, во вторую очередь – победить, устоять в схватке. Окружающие арену боевых действий живые люди, здания, городские инфраструктура, культурные и художественные ценности – ничто не значащий, не имеющий никакой ценности для «бойцов невидимого фронта» фон. На который никто из них внимания не обращает. Практически никогда. А если и случится подобное единичное, систему «ценностей» этой генерации человек это не изменит ни в чём.

II. Наиболее значимые социальные следствия

1. Спецслужбы в любом государстве – прежде всего орудие подавления в зародыше любой оппозиции правящему режиму вне зависимости от его полезности или вредности обществу. В редких случаях участия спецслужб в «демонтаже» режима, и происходит это исключительно тогда, когда политический режим категорически не устраивает национальный или наднациональный правящий слой.

Организационным воплощением которого могут быть международные образования вроде Бильдербергского клуба, Трёхсторонней комиссии, и национальные объединения вроде ассоциаций национальных промышленников, финансистов, советов по международной политике. Либо в образе разнообразных элитарных клубов, масонских лож, мальтийского ордена и т. п.

2. Объективно в социумах спецслужбы выполняют функцию сугубо консервативную – вместе с заполошными хроническими революционерами, всевозможными «незаслуженно обделёнными», изводят на корню всех полезных для нормальной эволюции общества людей. Иначе говоря, всячески изничтожают потенциал, в том числе нравственно-духовного развития. Часто и не по злему умыслу, а по уровню интеллектуальной незрелости, не позволяющей различить «чистых» среди «нечистых».

3. Спецслужбы никогда не способны выполнять функцию интеллектуальных национальных центров, реализующих какие-то концептуальные программы развития нации, как бы высок ни был «совокупный» интеллект их сотрудников. По причинам того, что и иерархии управления спецслужбами устроены так же, как и у масонов – каждый управленческий уровень не сведущ, что истинно замыслил его «вышележащий».

То есть, при проникновении на средние и высшие уровни управления спецслужб вражеских «агентов влияния» структуры вполне могут работать против собственной нации. Что не так уж и маловероятно, учитывая густую концентрацию руководителей спецслужб в масонских ложах, всегда являющихся частью масонского интернационала. Ну, а исполнители в спецслужбах всегда в таких ситуациях по сути работают «втёмную» (имея, естественно, какие-то идеологические предпосылки в качестве легенд прикрытия).

4. Обретая агентуру по преимуществу в среде чем-то ущербных «некомпенсированных» людей, продвигая эту публику по ступням разнообразных карьер, спецслужбы объективно способствуют постоянному постепенному снижению интеллектуального, нравственно-духовного уровня нравственного сословия и в целом – гарантированному ухудшению качества управления социумами. То есть, являются творцами непрерывной социальной селекции.

5. Будучи ассоциированы в масонские ложи, деловые, политические клубы, в «содружества» разнообразной преуспевшей публики, включая криминальных лидеров, генералы спецслужб руководствуются в таких взаимодействиях не законами, нравственными нормами, а исключительно групповыми, сословными нормами и обычаями – «понятиями». Чем бескомпромиссно, устойчиво, неколебимо противостоят и законности, и нравственности, и социальной справедливости во всех её проявлениях. А в конечном итоге, являются отрядами армии богоборцев, противостоящих духовности, искренней религиозности людей.

6. Спецслужбы, организуя непрерывно в странах геополитических и прочих противников алкобольный, наркотический геноцид, запуская через ГМ-продукцию, новые лекарства, модные напитки процессы сокращения рождаемости, снижения иммунитета и прочего подобного, непрерывно наращивают в человеческой цивилизации потенциал вражды, ненависти, исторической мстительности.

То есть, способствуют тому, чтобы мир постоянно становился всё более и более опасным. В недружественных странах спецслужбы опираются и поддерживают ресурсами отбросы тамошних общества, растравляя самые тяжёлые социальные язвы.

7. Постоянно противоборствуя друг с другом, спецслужбы только множат проблемы и самим себе: 9/10 важнейших задач, которые они натужно, «геройски» одолевают (или только рапортуют об их одолении) являются следствием их же собственных прежних «инициатив», «побед». Но ресурсы растрачивают при этом общенациональные, возникающие при этом ущербы тоже перекадываются исключительно на плечи «широких народных масс», которые ни сном, ни духом не ведали о тех мирах, которые разнообразные «бойцы невидимого фронта» рассыпали везде и всюду.

8. Из всех наиболее дееспособных «боевых» формирований истеблишмента социумов – политических партий, «элитарных» клубов, масонских лож, генералитета оргпреступности – только спецслужбы обладают реальными карательными возможностями. Либо сами по себе, либо руками правоохранителей, либо совместно с правоохранителями и военными. Поэтому политические вожди лично занимаются «подбором, расстановкой и воспитанием кадров» на уровне руководителей спецслужб.

В относительно спокойной внутрисполитической обстановке стараются почаще менять руководителей органов безопасности, хотя прекрасно понимают, что это дезорганизует и снижает эффективность работы спецслужб. А в тревожные периоды стараются не менять генералитет секретных служб, даже если и побаиваются их, чтобы не падала мобилизационная готовность и карательная «производительность» охранителей тронов.

Масоны же стараются заполучить к себе как можно больше руководителей высшего и

среднего уровня спецслужб, всячески оказывая таким «братьям» содействие в карьерном росте и защищая от служебных неприятностей главы мафиозных семей, которые стремятся попасть в институт «агентов влияния» спецслужб, оказывая иным из их руководителей серьёзную финансовую помощь. Чему всегда найдётся у секретных служб самое убедительное обоснование.

9. Влияние и самостоятельность спецслужб – всегда величины только переменные: в периоды жёстких внутренних социальных противоборств со стрельбой, войн, спецслужбы однозначно, непререкаемо доминируют над всеми официальными и неофициальными образованиями и структурами истеблишмента.

А в относительно спокойные времена изрядно возрастает влияние на спецслужбы масонов, лидеров политических кланов, партий, крупного бизнеса, банковских управленцев – идёт нормальный взаимовыгодный обмен услугами на извечной бирже взаимоотношений истеблишмента.

Изрядно меняется «физиономия», характер деятельности спецслужбы со сменой её руководителя, особенно если вместо сильного, высокоавторитетного назначают безликого и безымянного. И наоборот. В этом секторе социальной жизнедеятельности «всё течёт, всё меняется».

10. Степень, размах жестокости, репрессивности, карательности в деятельности спецслужб полностью зависит от характера политического режима власти в государстве, бытующей практики борьбы за высшую власть, набора политических «инструментов» этой борьбы.

Пришли, к примеру, повстанцы, захватившие столицу, органы их государственной безопасности долго будут гоняться за «бывшими», пытая, расстреливая пойманных «врагов народа» – так как это было принято во всех революциях и гражданских междоусобицах. Чтоб и врагов извести вконец, и политическое поле зачистить кардинальнейшим образом на десятилетия вперёд.

Классическим (и вероятно, крайним) выражением такой ситуации может служить непревзойдённый ещё пока никем режим Пол Пота в Камбодже.

Особенность положения спецслужб во внутривластной войне, которую всегда ведёт господствующий политический режим состоит в том, что секретные службы не только всячески стараются извести политических и иных оппонентов и врагов власти, но именно сами на 9/10 и персонифицируют этих врагов. А здесь возможности для манипулирования истеблишмента почти безграничны.

11. Вне зависимости от отличий «субкультур» различных спецслужб мира, основные цели, стоящие перед ними, практически одни и те же повсюду. Одни и те же, практически используемые приёмы и средства. Одинаково актуален для них общий для всех рабочий девиз: «Все средства хороши!».

А потому, у практикующих на одном поле, одними и теми же «инструментами», руководящимися одним и тем же этическим принципом, свойственен один и тот же критически низкий (чаще – нулевой) уровень нравственности, духовности. Посему, не нужно изыскивать в мотивациях служебной деятельности «рыцарей плаща и кинжала», то чего, чего там нет, и не было отродясь. А был и есть, и единственно работает другой основополагающий принцип: «Целесообразность выше закона». Любого. Соблюдая при этом неукоснительно правило: «Не наследи!».

12. Жизненная практика спецслужб, политиков, вельмож, масонов (за вычетом передвижений на транспорте, кормления – поения, перемещений по служебным кабинетам, приветственных взглядов и рукопожатий и подобного естественного) всегда почти противоправна, в большинстве самых значимых, существенных действий – преступна. Иначе не было бы спецнужд и спецслужб для них. Поэтому векторы деятельности этих «институтов» социализма – против нравственности, против законности, которые «для всех».

Но обоснование для всего этого всегда глубоко впечатляет, в хлам сокрушает любого моралиста-законника: во имя интересов государства, общества, во имя будущего нации, а то

и всего даже человечества. Хотя под государством, нацией преимущественно подразумевается, прежде всего, место пребывания корпорации, службы, логи, родовых поместий истеблишмента. И только. А нация, народ – трава, которая всегда нарастёт сама собой и не заслуживает потому никакого внимания.

13. Для массового потребителя ширпотребовской кино-телепродукции на темы бойцов невидимых фронтов скрытых войн мирового масштаба создаётся уже веками виртуальная действительность, где «коллеги» из враждебных спецслужб изображаются либо злодеями-монстрами, злодеями-изуверами, злодеями-недотёпами. В то время, как собственные сотрудники спецслужб – спасителями отечества и цивилизации.

Мифологизация сознания «широких народных масс», кроме того, что весьма выгодна, психологически приготавливает население мира к восприятию инородцев, как врагов, которых непременно следует побеждать, изводить, ненавидеть. Чем сильно облегчается решение проблем финансирования военно-промышленных комплексов – главных движителей гонки вооружений, экономических мировых войн и других высокоприбыльных родов деятельности истеблишмента различных стран и их передовых боевых структур – спецслужб.

14. Кроме того, что спецслужбы, работая на конкретные ТНК, получают от них солидное неподотчётное финансирование, большая часть сотрудников спецслужб и их руководителей успешно использует свои служебные преимущества для собственного эпизодического и вполне даже легального регулярного личного и семейного бизнеса. Именно личный интерес такого характера доминирует во многих случаях в мотивациях служебной деятельности этого сословия. Поэтому развернуть деятельность спецслужб на проблемы, где не будет условий для привычных приработков, практически не под силу ни политикам, ни иным руководителям самих спецслужб, правда, если вообще таковые когда-либо найдутся.

Будучи же изрядно коммерциализированными, особенно в своих высших уровнях управления, спецслужбы, во-первых, льнут к крупным, обильным финансовым источникам, во-вторых, решительно предпочитают оказывать им платные услуги в первую очередь, в ущерб любым другим своим прописным задачам. А потому, главным движущим интересом спецслужб остаётся совокупная корпоративная прибыль, а не иступлённо декларируемые на разный манер государственные, национальные интересы, которые конечно присутствуют в деятельности секретных служб, но только во вторую-третью очереди.

15. Спецслужбы, наряду с масонами, оргпреступностью, иерархией клира и другими «структурными подразделениями» истеблишмента, являются сосредоточием по преимуществу тех, кто неукротимо в практике жизни «исповедует» неограниченную ничем наживу, безмерное потребительство, неуёмное, неутолимое роскошество, неумеренное тщеславие на основе агрессивнейшего хищничества, попирающего любые человеческие и Божеские законы. В войнах – открыто, в «мирное» время – завуалировано.

Делающих это настолько организованно, а потому сокрушительно успешно, что люди духовнонравственные существуют в человеческой цивилизации, как безнадёжные, безопасные маргиналы, сосредоточенные, локализованные в ничего не значащие группки «по интересам», воспринимаемые, как экзотические чудаки, вроде монахов в отдалённых от «центров цивилизации» общинах юродивых – поэтов и т. п.

Таким образом, спецслужбы вполне обоснованно можно квалифицировать, как наиболее боеспособные и эффективные подразделения безраздельно господствующей человеческой цивилизации, противопоставившей себя творцу и его мирозданию.

16. В сравнении с постоянно изменчивыми, динамичными «демократическими» структурами политической и административной власти на общегосударственном и местном уровнях, спецслужбы являют собой нечто монументально стабильное, способное долговременно работать с разнообразной информацией и «продуцировать» аналитические документы – основу принципиальных политических решений. Именно спецслужбы в первых рядах «потребителей» научных наработок, обобщений и в таковом качестве – постоянные

надёжные партнёры университетов, исследовательских фондов, корпораций. То есть – важнейшие элементы несущего каркаса современных социумов и «сидящего» на них государства. В таковом же качестве спецслужбы никто из политических институтов не в состоянии ни контролировать, ни тем более управлять. Ибо на практике всё как раз наоборот и обстоит.

17. Значимость спецслужб практически совершенно не зависит от их эффективности: страна может быть наводнена иностранными шпионами, а агенты секретной службы будут гоняться за разнообразными «экстремистами», которые якобы грозят дестабилизировать всё общество, попутно разрушив государство. И будут при этом в большом уважении, при условии, если поднимут невероятный гвалт в СМИ по поводу мнимых врагов Отечества; и обеспечат их глухое молчание или удачно «переведут стрелки» на мнимых врагов при разнообразных актах террора против насилия.

То есть, умелая подача спецслужбами самих себя в СМИ, по своей значимости даже превосходит хорошую, продуктивную работу. А потому, этим в спецслужбах занимаются с большим тщанием, тратят на это не меньше сил и средств, нежели на саму оперативную работу.

18. «Вклад» спецслужб в жизнеобеспечение социумов, наций примерно такой же, как и у истеблишмента, включая масонов, генералитет, оргпреступность: брать себе возможно более полной мерой, откуда только возможно. Желательно только сознательно или без нужды, или сверх меры не вредить стране обретения. О чём ни масоны (все граждане мира), ни оргпреступность и в малой мере не заботятся. Есть и ещё одна «заслуга»: подобно волкам, стерегущим свою территорию, спецслужбы тоже следят, чтобы разнообразные хищники не слишком плодились.

19. Теория и практика нынешнего «международного терроризма», прежде чем стать стратегией межцивилизационной мировой войны, была в каждой своей детали выпестована и многократно многовариантно апробирована западными и советскими спецслужбами в собственных противоборствах с привлечением «союзников». Которые ныне плавно перешли в разряд самых опасных и непримиримых врагов цивилизации европейского и американского образца.

Точно также повышается техническая оснащённость и выучка оргпреступности, особенно той, что специализируется на наркотиках. Это – извечный и очень существенный «довесок» спецслужб к весьма скромным положительным услугам социуму.

20. Все формальные и неформальные структуры и формирования истеблишмента социумов, все корпорации, ТНК, масоны, кланы, включая спецслужбы, всегда ставят свои интересы выше национальных, презрительно отзываясь классической репликой на разные лады: «Что хорошо для Дженоерал Моторе – хорошо для Америки!». Радуйтесь, мол, убогие, что мы у вас на горбу есть.

Все они рассматривают общество, как свою питательную среду, а также ресурс для расходования во имя своего спасения в тяжёлых, опасных ситуациях. Будучи всегда организованы, при деньгах и впечатляющей власти, они препарируют и кроют наперегонки свои социумы. С учётом, естественно, достижений социальной психологии, других общественных наук – чтобы не спровоцировать взрыва. Но это ничего не меняет в описанной диспозиции.

21. Спецслужбы никаким образом не контролируют и не регулируют границы хищничества любых названных «потребителей» социумов – только взаимовыгодно сотрудничают или изредка взимают свою долю за «непричинение вреда» с использованием своего статуса. Это справедливо и по отношению к организованной преступности, которая, наряду с коррумпированными чиновниками, является одним из употребляемых спецслужбами средств укрепления своего влияния и решения многих своих задач.

22. Выполняя функции наёмников корпорации масонов, исполнителей поручений политических руководителей, спецслужбы не обращают никакого внимания на «побочные разрушения», какие бы ущербы они ни причиняли духовности, нравственности, культуре

социумов. Точно так же, как это происходит при минной атаке на подлодке – о загубленной флоре и фауне моря никто даже не вспомнит. Сколько погибает социальной кильки – поэтов, изобретателей, учёных, философов, художников, композиторов, священников, учителей – при спецоперациях, акциях спецслужб, оные никоим образом никак не беспокоит. Просто не принимается в расчёты.

23. Чем успешнее работа спецслужб против стран-оппонентов на длительном отрезке времени, тем внушительнее накопленный потенциал ненависти к государству-паскуднику и его службам. Тем злее и беспощаднее, при первом же подходящем случае, будет месть, возмездие. Что особенно наглядно проявилось во всеобщем ликовании населения мусульманских стран после памятных впечатляющих терактов с помощью «Боингов» в США.

Для людей, основательнее знакомых с практикой спецслужб и бесчисленной литературой на этот счёт, возможно сделать множество и других, более глубоких и точных выводов. Мы же ограничимся приведёнными выше.

Заключение

Может показаться, что в книге чрезмерно высока концентрация отрицательных характеристик и примеров деятельности спецслужб.

Учитывая, однако, что критические публикации о секретных службах их бывшими сотрудниками изрядная редкость, да и не обо всём они повествуют, можно вполне обосновано предположить, что реальность этой весьма специфической сферы человеческой профессиональной деятельности ещё более нелюбима и на «общечеловеческий» взгляд предосудительна.

И не столь уж заслуживает панегириков, как это явлено безмерно объёмной детективной литературой и соответствующим кинематографом.

Как не заслужили гимнов и од в свою честь такие полезные и неотъемлемые, хотя и совсем не зрелищные, виды жизнедеятельности, как акушерство и гинекология, лечение венерических заболеваний, очистка потоков городских фекалий, утилизация трупов людей, животных и отходов после всех видов хирургических операций и др.

Так что, не слишком задавайтесь и превозносите господа из спецслужб – знайте, что и мы знаем многое, хоть далеко и не всё о подноготной вашей далеко не благопристойной деятельности.

Британский исследователь Филипп Найтли в своей книге «Шпионы XX века» приводит данные: в спецслужбах стран мира состоит более 1,5 млн. человек, только официальное денежное содержание которых составляет более 35 миллиардов долларов за год.

Цифры приведены по самому минимуму – у спецслужб на неофициальной оплате состоит на порядок больше агентуры, а суммы, которыми располагают спецслужбы, участвуя в разного рода криминальных и прочих бизнесах, составляют многие сотни миллиардов долларов.

Исследователь отмечает одну из главных особенностей спецслужб – первостепенную заботу о своём выживании и преуспевании, для чего тратится большая часть запасов из корпоративных мощностей.

Другой исследователь Э. Дж. Эпштейн отмечает странные для стороннего наблюдения способности сотрудников спецслужб различных стран походить друг на друга, как две капли воды, быть индифферентными, как в разведке как таковой, к различным государственным идеологиям, социальным устройствам.

По преимуществу это – корпоративные системные аналитики, технократы и корпоративные же бюрократы, организующие работу спецслужб, исходя прежде всего из их внутрикорпоративных целей и задач.

Исследователи отмечают, что практически все спецслужбы прибегают к трюкам запугивания правительств и обществ угрозами национальной безопасности, бессовестно

преувеличивая их масштабы или вовсе измышляя.

Спецслужбы многие годы и уже десятилетия морочат головы по разным поводам своим управителям во имя собственного разрастания, преуспеяния в решении корпоративных и личных устремлений.

Исследователи отмечают уже и то, что спецслужбы, будучи практически неподконтрольными правительствам, регулярно выходят за рамки своего контроля, превратились в автономный и стабильный источник власти в обществах, тайный клуб элиты и привилегированных лиц.

То, что традиционно считалось (и конструировалось) инструментом самозащиты социумов, превратилось в сообщество национальных корпораций, нависших над этими самыми обществами, которые заняты преимущественно собственным бизнесом на страхе и подозрительности.

Что не могло не сказаться на изменении восприятия людьми роли собственных спецслужб – вместо былого уважения, граничащего с культом, общества испытывают к нынешним «рыцарям плаща и кинжала» страх и неприязнь, подозревая их во множестве самых тяжких преступлений, коррумпированности, корпоративной и личной корысти.

Чему свидетельства во множестве современных книг, публикаций, кинофильмов, где от прежнего обожания и преклонения перед героями «невидимого фронта» не осталось практически ничего.

Что явилось закономерной объективной реакцией социумов на перерождение самих спецслужб. Вопрос только в том, что теперь делать с этими монстрами? Как это возможно и кому это по плечу?